

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

Кольского научного центра РАН

7/2019(10)

**ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

выпуск 17

Апатиты
2019

0+

Российская Академия Наук

0+

7/2019(10)

издается с декабря 2010 г.

УДК 316.7 (985)
ISSN 2307-5252

ТРУДЫ

Кольского научного центра

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

выпуск 17

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.7

Научно-информационный журнал

Основан в 2010 году

Выходит 11 раз в год

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС77-58457 от 25.06.2014

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Главный редактор, председатель Редакционного совета

С. В. Кривовичев, чл.-корр. РАН, д. г.-м. н., проф.

Заместитель главного редактора

В. К. Жиров, чл.-корр.

Редакционный совет:

академик Г. Г. Матишов,

чл.-корр. А. И. Николаев,

д. э. н. Ф. Д. Ларичкин

д. т. н. В. А. Путилов,

д. ф.-м. н. Е. Д. Терещенко,

к. т. н. А. С. Карпов (отв. секретарь)

Редколлегия серии

«Гуманитарные исследования»:

д. и. н. И. А. Разумова (отв. редактор);

д. и. н. И. Ю. Винокурова;

д. филол. н. Н. В. Дранникова;

к. филос. н. Н. Н. Измоленова;

д. г.-м. н. В. П. Петров;

к. и. н. Е. А. Пивнева;

д. э. н. Т. П. Скуфьина;

д. и. н. Ю. П. Шабаяв;

к. и. н. О. В. Шабалина

Научный редактор выпуска:

д. и. н. И. А. Разумова

Ответственный за выпуск:

к. и. н. К. С. Казакова

Научное издание

Редактор С. А. Шарам

Технический редактор В. Ю. Жиганов

Подписано в печать 09.10.2019.

Дата выхода в свет 24.02.2020.

Формат бумаги 70×108 1/16.

Усл. печ. л. 18.9. Заказ № 40. Тираж 300 экз.

Свободная цена

Адрес учредителя, издателя и типографии:

Федеральное государственное бюджетное

учреждение науки

Федеральный исследовательский центр

«Кольский научный центр РАН»

184209, г. Апатиты, Мурманская обл.,

ул. Ферсмана, 14

Тел.: (81555) 7-53-50; 79-5-95, факс: (81555) 76425

E-mail: ksc@ksc.ru. www.ksc.ru, naukaprint.ru

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Саморукова А. Г., Петров В. П. Научно-просветительская деятельность как социальная функция науки: на примере Кольского филиала АН СССР в 1947–1991 годах.....	7
Дубровская Е. Ю. «Прежде» и «теперь»: перемены 1917 года глазами строителей Мурманской железной дороги.....	22
Змеева О. В. Рукопись Е. А. Каменева «Имена на карте»: о феномене краеведческого текста.....	39
Иванова М. В., Шабалина О. В. Особенности торговой деятельности саамов на территории Кольского полуострова в XIX веке.....	54
Бодрова О. А. Традиционные промыслы, миграции и переход к оседлости коренного населения Кольского полуострова на примере истории саамской семьи К. Архипова.....	69
Бусырева Е. В. Судьбы раскулаченных немцев (на примере двух семей из Мурманской области).....	83
Шабалина О. В. Персональный фонд Г. Д. Рихтера Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН как исторический источник.....	94
Казакова К. С. Переписка Кольского уездного училищного отделения по организации работы Кильдинской церковно-приходской школы (1892–1902).....	103
Жуковская Т. Н., Пустовойт И. С. С. С. Уваров и его проекты 1811–1821 годов (к 200-летию преобразования Главного педагогического института в Санкт-Петербургский университет).....	113
Курылев С. А., Жуковская Т. Н. Главный педагогический институт (1828–1859): проблемы административной и социальной истории.....	130

Калинина Е. А.	Правовое и социальное положение воспитанников духовно-учебных заведений в дореформенное время (на примере Олонецкой епархии).....	143
----------------	---	-----

Аспирантские тетради

Зайцев О. А.	Духовные росписи как источник по истории этнорелигиозных процессов в среде кольских саами в XIX — начале XX веков...	157
Бертош А. А.	Арктический туризм: концептуальные черты и особенности.....	169
Кузнецова Л. А.	Установки жителей Мурманской области на получение высшего образования.....	181

Юбилей. Памятные даты

Разумова И. А.	Памяти выдающихся исследователей народной культуры.....	195
----------------	---	-----

Научная жизнь

Бусырева Е. В.	О XIII Конгрессе антропологов и этнологов России.....	207
Казакова К. С., Шабалина О. В.	«Человек в истории»: о Первом международном Петербургском историческом форуме.....	211

Russian Academy of Sciences

0+

7/2019(10)
Published since 2010

UDC 316.7 (985)
ISSN 2307-5252

TRANSACTIONS

Kola Science Centre

Editor-in-Chief: S. V. Krivovichev,
Corr. Member of the RAS, Prof.

Deputy Editor-in-Chief:
V. K. Zhiron, Corr. Member of RAS

Editorial Council:
G. G. Matishov, Acad. of RAS,
A. I. Nikolaev, Corr. Member of RAS,
F. D. Larichkin, Dr. Sc. (Economics),
V. A. Putilov, Dr. Sc. (Engineering),
E. D. Tereshchenko, Dr. Sc.
(Physics and Mathematics),
A. S. Karpov PhD (Engineering) –
Executive Secretary

HUMANITARIAN STUDIES

Series 17

Editorial Council
of "Humanitarian studies" Series:

Prof. I. A. Razumova (Editor-in-Chief),
Prof. I. Ju. Vinokurova,
Prof. N. V. Drannikova,
PhD (Philosophy) N. N. Izmodenova,
Prof. V. P. Petrov,
PhD (History) E. A. Pivneva,
Prof. T. P. Skufina,
Prof. Ju. L. Shabaev,
PhD (History) O. V. Shabalina,
PhD (History) K. S. Kazakova
(Executive Editor)

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.7

14, Fersman str., Apatity, Murmansk region, 184209, Russia
Tel.: (81555) 79380. Fax: (81555) 76425
E-mail: admin@admksk.apatity.ru, <http://www.ksc.ru>

© Barents Center of Humanities KSC RAS, 2019
© Federal Research Centre "Kola Science Centre
of the Russian Academy of Sciences", 2019

CONTENTS

	Page
Samorukova A. G., Petrov V. P. Scientific educational activity as social function of science: Kola branch of the USSR Academy of Sciences (KFAN) in 1947–1991.....	7
Dubrovskaya E. Yu. “Formerly” and “nowadays”: changes of 1917 at the Murmansk railway as it is seen by the construction- and office-workers.....	22
Zmeyeva O. V. E. A. Kamenev's manuscript "Names on the map": on the phenomenon of local history text...	39
Ivanova M. V., Shabalina O. V. Characteristics of the trade activities of the Sami within the territory of the Kola Peninsula in the 19-th century.....	54
Bodrova O. A. Traditional industries, migrations and settlement of the indigenous people of the Kola Peninsula: the case of the Sami family history of Kalina Arkhipov.....	69
Busyreva E. V. Destinies of dissolved and evicted Germans (on the example of two families from the Murmansk region).....	83
Shabalina O. V. Personal fund of G. D. Richter of the Museum-Archive of the BCH KSC RAS as a historical source.....	94
Kazakova K. S. Correspondence of the Kola regional school department on the organization of the Kildin church parish school (1892–1902).....	103
Zhukovskaya T. N., Pustovoit I. S. S. S. Uvarov and his projects 1811–1821. (On the 200-th anniversary of transformation of the Main Pedagogical Institute to the St.-Petersburg University).....	113
Kuryliov S. A., Zhukovskaya T. N. Main Pedagogical Institute (1828–1859): problems of administrative and social history.....	130

Kalinina E. A.	Legal and social status of pupils of spiritual and educational institutions in the pre-reform time (on the example of the Olonets diocese).....	143
----------------	---	-----

Postgraduate Notebooks

Zaitsev O. A.	Church «spiritual paintings» as a source on the history of ethno-religious processes among the Kola Sami in the 19-th — early 20-th centuries.....	157
Bertosh A. A.	Arctic tourism: conceptual features and particularities.....	169
Kuznetsova L. A.	Attitudes of various social groups of the population in Murmansk region to obtain higher education.....	181

Anniversaries. Memorable dates

Razumova I. A.	To the memory of outstanding researchers of folk culture.....	195
----------------	---	-----

Scientific Life

Busyreva E. V.	About the thirteenth congress of anthropologists and ethnologies of Russia.....	207
Kazakova K. S., Shabalina O. V.	"Man in History": On the First International St. Petersburg Historical Forum.....	211

А. Г. Саморукова, В. П. Петров

**НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ НАУКИ:
НА ПРИМЕРЕ КОЛЬСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР В 1947–1991 ГОДАХ**

Аннотация

Статья посвящена научно-просветительской деятельности учёных Кольского филиала АН СССР в 1947–1991 годах в рамках Всесоюзного общества «Знание». Первичная организация Общества ещё до её создания имела определённый опыт и навыки пропагандистской работы. Несмотря на то, что деятельность лекторской группы КФАН осуществлялась в соответствии с уставом общества «Знания», она имела особенность, а именно приоритетным направлением являлось научное просвещение и пропаганда научных знаний. На основе архивных документов и материалов периодической печати проанализирована практическая деятельность учёных-лекторов КФАН, которая способствовала как повышению общей культуры и образованности населения, так и профессиональному росту специалистов. Основной формой пропаганды знаний были публичные лекции и лекции для организаций по их запросам. Формы, методы и тематика лекций менялись в соответствии с внешними факторами — процессами, происходящими в стране, и внутренними — развитием академического учреждения. Привлекательными являлись и нелекционные формы популяризации: тематические вечера, конференции, беседы, вечера вопросов и ответов, устные журналы, творческие отчёты учёных в производственных коллективах. Разнообразные формы лекционной деятельности играли исключительно важную роль в научном просвещении населения.

Ключевые слова:

общество «Знание», просветительская организация, научно-просветительская деятельность, пропаганда, популяризация, публичные лекции.

Antonina G. Samorukova, Valentin. P. Petrov

**SCIENTIFIC EDUCATIONAL ACTIVITY AS SOCIAL FUNCTION OF SCIENCE:
KOLA BRANCH OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES (KFAN) IN 1947–1991**

Abstract

The article is devoted to scientific educational activity of the scientists from the Kola Branch of the USSR Academy of Sciences (KFAN) during the period of 1944–1991 that was performed within the All Union Society "Knowledge" and was aimed at dissemination of political and scientific knowledge. This Society had particular experience and skills advocacy of knowledge even before it was established. Though the activity of the group of lectures was conducted according to the Society's Charter, there was a specific peculiarity, i.e. scientific education and advocacy scientific knowledge was its primary goal. Practical activities of scientific lectures from KFAN have been analyzed on the basis of archive documents and periodicals and it has been shown that such activities promoted not only general culture, but professional growth as well. Public lectures and lectures on request used to be the main of lecturing. The structure, techniques and topics of the lectures changed depending on the external and internal factors, such as the processes in the country and in the scientific organization. Non-lecture forms of presentation of science, such as theme nights, conferences, talks, question-answer meetings, live journals, research reports to production teams, were also very popular. Various forms of lecture presentations were of great importance in scientific education of the population.

Keywords:

society "Knowledge", educational organization, scientific educational activities, propaganda, advocacy, public lectures.

Развитие научной деятельности привело к выделению науки в отдельную профессиональную сферу. По мере развития наука расширяла круг своих исследований, распространяя их не только на область природных и технических явлений, но и социально-экономических и духовных процессов. Сформировалась отрасль науки, получившая название «социология науки» и изучающая сферу человеческой творческой деятельности, назначение которой выработка, накопление и теоретическая систематизация научного знания, а также его использование в практической жизни.

В социологии науки выделяется ряд функций науки как социального института:

- 1) формирование общественного мировоззрения, картины мира;
- 2) наука как производственная сила, создающая новые технологии;
- 3) расширение применения научной методологии — использование её для анализа общества и социальных отношений.

В данной статье рассматривается первая функция, с которой тесно связана культурно-образовательная функция и её претворение в жизнь через культурную деятельность и политику, систему образования и средств массовой информации, просветительскую деятельность учёных.

Просветительская и популяризаторская деятельность

Просветительская деятельность, которая имеет давнюю историю, на сегодняшний день имеет довольно широкое толкование различных аспектов этого явления. Существует несколько терминов для определения и понимания просветительской деятельности.

По определению Модельного закона о просветительской деятельности [Модельный закон, 2016, ЭР]:

просветительская деятельность — разновидность неформального образования; деятельность, направленная на распространение достижений науки и культуры, иных социально значимых сведений среди представителей разных слоёв населения с использованием различных средств и методов, адекватных возрастным особенностям и уровню образования аудитории, осуществляемая в интересах человека, семьи, общества и государства;

просветительское мероприятие — событие в жизни представителей населения, связанное с реализацией организованных действий, направленных на распространение достижений науки и культуры, иных социально значимых сведений с учётом возрастных и образовательных особенностей, возможностей и способностей его участников, создание условий для социализации личности, мотивации её на развитие активной позиции в просветительской деятельности;

просветительское сообщество — особый тип добровольного объединения людей, мотивированных на участие в нём потребностью саморазвития и стремлением способствовать развитию гражданского общества.

К просветительской деятельности относится и понятие «*популяризация науки*» — распространение какого-либо знания среди представителей разных слоёв населения, основанное на принципе общедоступности изложения информации.

Примерно до 1970-х гг. просветительская деятельность советскими учёными трактовалась как пропаганда и имела характер пропаганды политических и научных знаний, а сами лекторы назывались пропагандистами и агитаторами.

Пропаганда — в самом широком смысле — особый род социальной деятельности, основная функция которой — «распространение духовных знаний, художественных ценных и др. информации с целью формирования определённых взглядов, представлений и эмоциональных состояний, оказания влияния на поведение людей. Пропаганда духовных знаний предполагает учёт конкретной ситуации, особенностей аудитории, в которых она протекает» [Философский энциклопедический словарь, 1983: 539].

В данной статье рассматривается научно-просветительская деятельность учёных КФАН СССР в рамках Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний в 1944–1991 гг., начиная с возобновления деятельности академического учреждения после реэвакуации из Коми АССР в 1944 г. и заканчивая роспуском Всесоюзного общества «Знание» в 1991 г. Основное внимание уделено популяризации научных знаний.

Классическим примером являются труды А. Е. Ферсмана, который считал популяризацию российской науки ответственной общественной обязанностью каждого учёного [Ферсман, 1946, 1953].

В целом для историографии советского периода характерно изучение истории становления и развития Всесоюзного общества «Знание». Среди работ коллективные и индивидуальные монографии [Мезенцев, 1972; Лазаревич, 1981, 1984; Социализм и наука, 1981; Чинённый, 1988]. В них рассматриваются вопросы о формах, тематике и масштабах пропаганды, о лекторах-популяризаторах, слушательской аудитории и организации деятельности региональных ячеек общества «Знание».

Проблемы пропаганды научных знаний обсуждали в популярных журналах «Наука и жизнь» видные советские учёные [Вавилов, 1947; Митин, 1948; Бардин, 1952; Артоболевский, 1967; Басов, 1978]. Основная часть указанных работ, освещая массовое просветительское движение, подчёркивала его идеологическую сущность. Авторы работ более позднего времени, высоко оценивая феномен массовости просветительского движения в СССР как составляющую культурной политики, в то же время отмечали её идеологическую направленность и её подконтрольность власти [Григорян, 2012; Абрамов, 2013; Пинаева, 2015].

О необходимости популяризации науки в современном мире, о её цели, современном состоянии, изменении форм и масштабе пишут видные учёные РАН [Гинзбург, 2007; Самсонов, 2008; Ваганов, 2008, 2019, Акопов, 2011]. Активно обсуждаются вопросы популяризации науки в информационном пространстве. Ряд учёных-популяризаторов обращают внимание на всё возрастающую роль информационно-коммуникационных технологий в популяризации и распространении научного знания. Часть из них придерживается даже такой точки зрения, что популяризация — это задача СМИ [Прокудин, 2016].

Работа написана с использованием широкого круга источников, среди которых следует выделить несколько групп.

Директивные документы ЦК КПСС и СМ СССР. К ним относятся Постановления ЦК ВКП(б), с 1952 г. — Постановления ЦК КПСС об организации научно-просветительской пропаганды, о мерах по улучшению работы Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Второй блок документов — материалы Президиума АН СССР, касающиеся деятельности учёных АН СССР по распространению политических и научных знаний.

В значительной степени привлечены архивные материалы НА КНЦ и Партийного архива ГАМО. Документы, отложившиеся в архивах — это протоколы заседаний Мурманского бюро ВКП(б) и заседаний парткома КФАН СССР, годовые научно-организационные отчёты и протоколы заседаний Президиума КФАН. Документы свидетельствуют о внимании к вопросам пропаганды научных знаний. На заседаниях рассматривались формы и методы лекционной работы, вырабатывались требования к подборе лекторских кадров, содержались характеристики лекторов-пропагандистов.

Вопросы популяризации научных знаний нашли своё отражение в местной периодической печати. Газеты «Полярная правда» и «Кировский рабочий» содержат большой фактический материал. На страницах газет заметки и статьи корреспондентов и общественных корреспондентов, интервью с лекторами, рассказы и отчёты пропагандистов, отзывы слушателей.

Необходимость и значение популяризации научных знаний

В силу различных причин (специфическая терминология, сложная теоретическая база и т. п.) открытия и научные достижения остаются востребованы только среди узкого круга специалистов. Поэтому перед обществом существует проблема популяризации и распространения научного знания и результатов научных исследований для широкого круга людей (в том числе неспециалистов в конкретной научной области, а также людей, не относящихся к сфере науки), донесения его в максимально доступной для понимания форме [Прокудин, 2016: 143].

Несмотря, казалось бы, на очевидность необходимости распространения и популяризации знаний, дискуссии на эту тему продолжаются до сегодняшнего дня. По мнению д. филол. н. А. И. Акопова, проблема научной популяризации существует столько, сколько существует наука. «Если мы всерьёз хотим вернуть науке Отечества былую славу, без научной пропаганды и научной популяризации нам не обойтись» [Акопов, 2011, ЭР].

В ходе дискуссии «Учёные и общество: кто кому или кто кого», проходившей в Новосибирском Академгородке в 2015 году, популяризатор науки д.х.н. Г. В. Эрлих на вопрос, кому нужна популяризация, ответил, что популяризация нужна, прежде всего, государству. Государство вкладывает огромные деньги в науку, причём науку фундаментальную, истинную ценность и значимость которой невероятно сложно объяснить не знакомым с тематикой гражданам. Помимо этого, у определённых слоёв населения все-таки есть спрос на научную тематику. А там, где есть спрос, там появится и предложение [Учёные и общество, 2015, ЭР]. Удовлетворить этот спрос могут и должны учёные. Это мнение многих выразил известный учёный Г. Г. Григорян: «Популяризация знаний — естественная форма деятельности для учёного» [Григорян, 2012, ЭР].

Из выступления вице-президента РАН А.Р. Хохлова в дискуссии «Наука и прорывные технологии будущего: меняем мир сейчас»: Я считаю, что популяризация науки — это обязанность учёного. Не только делать открытия и получать новые научные результаты, но и рассказывать об этих результатах доступным языком для людей, не связанных с наукой. Во-первых, это

определённая ответственность учёного — объяснять, чем он занимается и какая от этих занятий польза, потому что учёные финансируются налогоплательщиками. Во-вторых, наука должна постоянно воспроизводиться, для существования науки важно, чтобы в неё приходили новые люди. А чтобы новые люди пришли в науку, необходимо их зажечь интересом к науке. И это нельзя сделать сразу, излагая научные результаты самого высокого уровня. Сначала людей нужно к этому подготовить — обучить, помочь им сделать первые шаги в науке и в познании мира. Для этого популяризация науки очень важна [Хохлов, 2018, ЭР].

Заметное развитие популяризация науки, или тогда более принятое название — пропаганда, получила в годы советской власти. Задача состояла в том, чтобы путем организованной пропаганды достижений в области науки и техники способствовать повышению культуры трудящихся и пробуждению их инициативы.

В советское время популяризация науки являлась прерогативой государства и преследовала следующие основные цели: профорIENTATION молодежи, приобщение её к научно-технической деятельности, формирование традиций, передача культурного кода (в этом популяризация научного знания является одним из элементов культурной политики); формирование мировоззрения (реализация образовательной функции); подкрепление идеологической установки на приоритетное положение советской науки в мире и т. п. [Прокудин, 2016: 146]. В послевоенные годы возросла потребность в необходимости массового образования. Объективными причинами следует назвать значительный ущерб, нанесённый Великой Отечественной войной системе советского образования, а также вызванная войной депрофессионализация значительной части населения. В этот и последующие периоды популяризация науки выступала как инструмент привлечения молодых, талантливых, энергичных кадров.

Массовое просветительское движение было подчинено идеологии ВКП(б) и находилось под постоянным контролем власти. Об этом свидетельствует Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации научно-просветительской пропаганды» от 27 сентября 1944 г. Отмечая ослабление научно-просветительской пропаганды среди населения, ЦК ВКП(б) в целях коренного улучшения постановки научно-просветительской пропаганды среди населения постановил: «Обязать партийные, комсомольские, профсоюзные и культурно-просветительные учреждения широко поставить пропаганду естественно-научных знаний среди населения, привлечь к делу научно-просветительной пропаганды силы советской интеллигенции» [Об организации, 1981: 379]. В Постановлении указывалось, что основным содержанием научно-просветительской пропаганды должно быть материалистическое объяснение явлений природы, разъяснение достижений науки, техники и культуры. Предлагались конкретные темы и формы работы среди населения, а именно организация лекций, проведение бесед и громкое чтение популярных брошюр и статей о строении Вселенной, происхождении Солнца и Земли, о возникновении и развитии жизни, происхождении человека, о научных основах земледелия и животноводства и т. п. Лекции должны были быть популярными и вместе с тем соответствовать современному уровню науки. Следует отметить, что эти требования схожи с современными, предъявляемыми к популяризации знаний.

Популярный в то время лозунг «Наука принадлежит народу» следовало понимать в более широком смысле, а не только как практическое применение научных достижений в народном хозяйстве. В понятие долга советского учёного перед народом входила необходимость регулярных публичных выступлений в массовых аудиториях. По мнению академика И. И. Артоболевского, «такие выступления учёных являются своеобразной формой отчёта науки перед народом. Известно, что на научные изыскания идёт заметная часть государственного бюджета. Поэтому естественно и справедливо желание широких масс узнать, каков общественный смысл предоставления учёным самых льготных условий для их исследований, на какие конкретные цели идут научные ассигнования, какую они дают отдачу, как понимают учёные свою ответственность перед обществом, что обещает принести людям наука в обозримом будущем. Ответить со знанием дела на эти вопросы никто лучше учёного не может» [Артоболевский, 1967: 34].

Основные принципы и тематика научных знаний

1. Доступность изложения, её адаптивность к уровню подготовки, особенностям развития, потребностям и интересам всех категорий населения.
2. Изложение фактов науки при помощи сравнения с известными слушателям явлениями.
3. Занимательность.
4. Эффект непосредственного общения с аудиторией.

Тематика может быть достаточно широкой. Определяться она должна потребностями и задачами общества, а также интересами и спросом аудитории.

Из истории научно-просветительской деятельности учёных КФАН СССР

Просветительская деятельность учёных Кольского филиала АН СССР имеет давнюю историю. Большая культурно-просветительская работа, в основе которой лежало краеведение, проводилась ещё Горной станцией АН СССР в 1930-х годах. Немногочисленный в то время коллектив сотрудников располагал уже определёнными наработками в этой области. Активная экскурсионно-туристическая деятельность Общества пролетарского туризма и экскурсий в городе Кировске тесно сочеталась с широкой пропагандой достижений научной мысли Заполярья, которую проводили учёные, выступавшие с докладами по краеведческой тематике.

Ежегодно учёные Хибинского стационара обслуживали несколько тысяч туристов со всех концов Советского Союза и знакомили их с географией и историей региона, его природными ресурсами и их использованием. Можно говорить о том, что уже в довоенные годы наметилась тенденция к формированию местного регионального сообщества, усилиями которого были широко внедрены в практику разнообразные формы краеведческой работы, проводилась большая научно-просветительская работа [Дюжилов, 2012: 68].

В 1944 г. после эвакуации из Коми АССР Кольская база АН СССР, вернувшись к прерванным в начале Великой Отечественной войны научным исследованиям, продолжила и свою просветительскую деятельность. При Кольской базе был создан Совет по научно-технической пропаганде.

29 апреля 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление о создании Всесоюзного общества по распространению политических и научных

знаний. У Общества были предшественники: Всесоюзное лекционное бюро при Министерстве высшего образования СССР и Союз воинствующих безбожников (1925–1947). Но их деятельность не соответствовала новым условиям, так как был взят курс на массовую пропаганду.

1 мая 1947 г. газета «Правда» опубликовала обращение инициативной группы видных советских учёных, общественных деятелей и работников искусства страны ко всем деятелям советской науки, литературы и искусства, а также к научным, общественным и иным организациям и учреждениям Советского Союза с призывом организовать Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний и создать тем самым рычаг для культурного роста и идейно-политического воспитания советского народа.

Среди подписавших обращение были академики С. И. Вавилов, И. Э. Грабарь, Б. Д. Греков, Е. В. Тарле. В июле того же года в Большом театре состоялось учредительное собрание, где был сформирован Президиум Всесоюзного общества, первым президентом которого стал президент АН СССР академик С. И. Вавилов. На своём первом заседании оргкомитет Общества принял решение о создании отделений Общества в союзных республиках, а также в краевых и областных центрах России.

13 сентября 1947 г. учёные Кольской базы АН СССР обратились ко всей интеллигенции Мурманской обл. с предложением организовать отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний Мурманской области. Таким отделением стало Кировское, которое развернуло свою деятельность с января 1950 г. при районном комитете ВПК(б). Его ядром стала группа сотрудников КФАН, которая, по сути, являлась его научной и методической опорой. Среди них геологи С. С. Курбатов, Б. Н. Мелентьев, биологи Т. П. Некрасова, Ф. Я. Левин, А. И. Ляхов и др.

В ноябре 1948 г. на учёном совете Кольской базы была рассмотрена деятельность Совета по научно-технической пропаганде, где она получила больше негативных оценок, чем положительных. Прежде всего, отмечалось, что Совет оказался не в состоянии объединить все научные силы Базы и использовать их в лекционной работе. Критике подверглась также тематика лекций, которая на 50 % носила сугубо специальный характер и была рассчитана на узкий круг специалистов, поэтому лекции и не могли привлечь широкий круг слушателей.

Темы лекций следующие:

1. Почвы Мурманской области, их свойства и приемы улучшения, *А. И. Ляхов.*
2. Подзолистые почвы Кольского полуострова и их происхождение, *А. И. Ляхов.*
3. Леса Кольского полуострова, *Т. П. Некрасова.*
4. Происхождение жизни на Земле, *Н. А. Аврорин.*
5. Круговорот веществ в природе, *Т. В. Аристовская.*
6. Как человек при помощи науки изменяет природу, *Т. Г. Тамберг.*

Ученый Совет, заслушав сообщение о работе Совета по научно-технической пропаганде, признал работу неудовлетворительной, предложил пересмотреть, а затем утвердил тематику лекций, которая мало чем отличалась от прежней [НА КНЦ РАН Ф. 1. Оп. 6. Д. 160 б. Л. 57]:

1. Было ли начало и будет ли конец мира? *М. И. Волкова.*
2. Религия и наука, *А. М. Иванов.*

3. Советский творческий дарвинизм, *Т. Г. Тамберг.*
4. Сон и сновидения, *Э. Н. Езрух.*
5. Животный мир Кольского полуострова, *С. Г. Гребельский.*
6. Происхождение гор и рудных месторождений, *И. Д. Батиева.*
7. Наука и религия о происхождении животного и растительного мира, *П. М. Медведев.*
8. Вильямс и его учение, *А. И. Ляхов.*

Не произошли значительные изменения в организации лекционной деятельности и в 1949 году, когда было подготовлено и проведено всего лишь 12 лекций, тематика которых по-прежнему была рассчитана на узкий круг специалистов.

Одним из существенных недостатков явилось то, что Совет по научно-технической пропаганде по-прежнему не сумел ознакомиться в полной мере с запросами слушателей и при подготовке лекций учитывал преимущественно желания самих лекторов, а не интересы слушателей.

Помимо этого слабо использовались возможности Кольского филиала для превращения его в настоящий центр распространения научных и политических знаний. По мнению членов учёного совета КФАН, это объяснялось отдалённостью от промышленных и административных центров [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 166-б. Л. 25–26]. Это не совсем верно. Время показало, что специфика Кольского региона, а именно то, что здесь находилось академическое учреждение, напротив, способствовало развитию научно-технической пропаганды.

Проблемы становления и развития Общества по распространению политических и научных знаний на местах были свойственны многим региональным отделениям. Два года работы показали, что организация ещё не выполняла в должной мере поставленных перед ней задач. Пока не удавалось выполнить призыв академика М. Б. Митина: «Превратить Общество в могучий рассадник политических и научных знаний» [Превратить Общество, 1948: 46].

В связи с этим 20 июня 1949 г. вышло новое Постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по улучшению работы Всесоюзного Общества по распространению политических и научных знаний». В нем отмечалось, что Общество ещё не стало массовой организацией советской интеллигенции. Конкретная критика была направлена и в сторону АН СССР: вовлечено всего около 10 % имеющихся в стране научных работников [О мерах по улучшению, 1949: 381]. В Обществе началась реорганизация, которая в первую очередь выразилась в расширении сети организаций на местах. В крупных промышленных центрах создавались городские и районные отделения, в общественных, государственных и научных организациях — первичные ячейки.

14 апреля 1950 года на заседании Президиума КФАН СССР рассматривался вопрос об организации самостоятельной первичной ячейки Общества. Обсудив вопрос о состоянии политической и научной пропаганды, проводимой сотрудниками Кольского филиала Академии наук СССР, Президиум счёл её недостаточной.

Для оформления первичной ячейки и её активной деятельности было предложено [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Ед. 175. Л. 16–20]:

1. До 20 апреля 1950 года провести организационное собрание членов Общества по распространению политических и научных знаний для оформления ячейки общества при филиале и избрания уполномоченного ячейки.

2. Рекомендовать всем научным сотрудникам вступить в члены Общества и активно включиться в работу путем разработки двух докладов согласно уставу Общества.

3. Просить РК ВКП /б/ и районное отделение общества дать примерный перечень тематики, интересующей население района и области.

4. Считать необходимым участие сотрудников филиала в распространении научных и политических знаний с помощью районной и областной печати и радио, включить это в план работы ячейки Кольского филиала.

Организационно оформление ячейки, несомненно, сказалось на активизации просветительской деятельности, что следует из отчёта КФАН за 1951 г. Если в 1948 г. было прочитано 12 лекций, то в 1951 году — 115 лекций [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 191-в. Л. 40].

Формы и тематика научно-просветительской работы

Первичная ячейка Общества КФАН действовала в соответствии с уставом, по которому просветительская деятельность осуществлялась в трёх формах: лекционная пропаганда, пропаганда в других формах (тематические вечера, вечера вопросов и ответов, беседы, экскурсии) и издательская деятельность. В статье рассматриваются две первые формы, так как издательская деятельность не получила развития. По существу, закрепились, получили развитие и расширились те формы работы, которые использовались и ранее. Лекторская группа Кольского филиала, хотя и организовала работу по распространению политических и научных знаний, как рекомендовал устав Общества, приоритетной сделала пропаганду научных знаний.

Успех пропаганды научно-технических знаний и популяризации достижений науки во многом зависел от координации и объединения усилий лекторов КФАН с деятельностью научно-технических обществ, обществ изобретателей и рационализаторов, бюро технической информации. Важная роль отводилась научно-технической секции городской организации Общества, председателем которой являлся научный сотрудник Кольского филиала С. П. Алёхичев.

Основной формой научно-просветительской деятельности учёных КФАН стали традиционные лекции, где и происходило непосредственное общение лектора с аудиторией.

Постепенное расширение масштабов лекционной деятельности и её тематики было связано с процессами в стране, в самой науке, а также с развитием КФАН СССР.

Отчётливо это прослеживается на примере 1950-х гг. В конце 1950-х заметно активизировалась работа по пропаганде химических знаний. Причиной явилось то, что Майский (1958 года) пленум ЦК КПСС обязал партийные, советские, профсоюзные и хозяйственные организации развернуть научно-политическую пропаганду химических знаний, организовать распространение передового опыта производства. К этому времени, в 1957 г., в составе Кольского филиала был образован Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья, сотрудники которого на свои лекции о роли химии в природе и промышленности собирали большую аудиторию. Ученых приглашали читать лекции в клубах, красных уголках, иногда и прямо в цехах промышленных предприятий.

Лекторы ИХТРЕМС были первыми, которые перешли от чтения отдельных лекций к циклам. Ими был разработан специальный цикл лекций о полимерах, пластических массах и их применении в технике, о том, что может дать народному хозяйству и населению страны использование отходов угля и нефти, о новых видах синтетических волокон и других изделиях химической промышленности.

Пропаганда химических знаний не ограничивалась только проведением бесед и лекций. Стараясь разнообразить формы распространения химических знаний, сделать их популярными, увлекательными, учёные проводили на предприятиях, в школах, общежитиях и клубах вечера занимательной химии. На вечерах в эффектной увлекательной форме демонстрировались химические опыты, проводились химические викторины. Подобные мероприятия привлекали к себе большое внимание молодёжи. Не менее интересной формой популяризации научных знаний были экскурсии молодёжи, особенно учащейся, в химические лаборатории института, где они сопровождались беседами, связанными с темой исследования, и демонстрацией научной аппаратуры в действии.

К началу 1960-х гг. относится и такое новое направление в пропагандистской деятельности, как чтение лекций по заказам и запросам организаций и учреждений, а также в целевых слушательских аудиториях. Лекторы не только разрабатывали свои лекции и доклады, следуя разработанной тематике, но и выполняли «заказы». В октябре 1960 г. партийный и профсоюзный комитеты комбината «Апатит» обратились с призывом выступить перед рабочими, служащими, инженерно-техническими работниками рудников, обогатительной фабрики, служб и отделов комбината с лекциями и докладами, которые давали бы представление о научной деятельности КФАН, о достижениях науки и техники в Советском Союзе и за рубежом. Призыв вызвал незамедлительный отклик членов общества «Знание» и оживление их деятельности.

Помимо лекций на общие темы о науке, учёные разработали так называемые «направленные» лекции — для определённой целевой аудитории. К ним можно отнести, например, доклад Председателя Президиума КФАН, члена-корреспондента АН СССР А. В. Сидоренко «Основные направления научных исследований на Кольском полуострове и последовавшие за ними открытия» для работников управления комбината «Апатит» и его научно-исследовательской лаборатории.

Работа в целевых аудиториях активизировалась с 1961 г. в связи с образованием в составе КФАН Горно-металлургического института. Его научные сотрудники для ИТР и рабочих электромеханического, дробильного и мельничного цехов обогатительной фабрики АНОФ-2 организовали цикл лекций «Проблемы комплексного использования минерального сырья» и «Проблемы обогащения минерального сырья».

В 1960-х гг. появилась новая группа слушателей. Выполняя заявки от командования войсковых частей Мурманской обл., члены Общества выезжали в воинские части с популярными лекциями о минеральных богатствах Кольского п-ова и перспективах их освоения [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 563. Л. 1–15].

Таким образом, у научных сотрудников КФАН сформировалась разнообразная обширная аудитория: они выступали с лекциями, докладами и беседами не только в учреждениях социальной сферы, но и на промышленных предприятиях, в том числе строящихся в то время объектах (АНОФ-2, Кировская

ГРЭС). Каждый месяц лекторы выезжали в отдалённые посёлки, леспромхозы, на лесоучастки. Выступали они в управлении Мурманского тралового флота, Мурманском арктическом пароходстве, на комбинате подсобных предприятий «Ковдорстроя» и Ковдорской теплоэлектростанции.

В 1960-х гг. традиционно большую и разнообразную работу среди учителей биологии Кировска и Апатитов проводила лекторская группа Полярно-альпийского ботанического сада КФАН. С лекциями на темы естествознания учёные выступали на совещаниях учителей-биологов, на заседаниях секции биологов районного отдела образования. Кроме того, они подготовили цикл лекций для учителей Мурманской обл. по наглядным методам преподавания ботаники в школах и методики проведения школьных и внешкольных занятий. Необычную работу проводил Полярно-альпийский ботанический сад, отвечая на письма любителей-цветоводов и обращения организаций города. Идя навстречу пожеланиям цветоводов и организаций, ботаники проводили консультации на интересующие их темы — озеленение городских пространств и комнатное цветоводство, совместно с Кировским горисполкомом организовывали выставки комнатных цветов, где можно было поделиться опытом разведения цветов и ухода за ними.

Активная лекционная деятельность ПАБСИ приходилась на летние месяцы, что объяснялось большим потоком экскурсантов. Лето было самым подходящим временем для знакомства с особенностями растительности Мурманской обл. и работами учёных по переселению на Крайний Север растений из многих регионов мира. Лекции, по сути, являлись экскурсиями по интродукции и акклиматизации декоративных растений и сопровождалась демонстрацией растений в питомниках и оранжереях Ботанического сада на различных высотах горы Вудъявчорр.

Лекторская группа комитета ВЛКСМ КФАН СССР, состоявшая из 30–35 человек — в ней были комсомольцы и молодые коммунисты, аспиранты, инженеры, младшие научные сотрудники, кандидаты наук, — избрала в качестве основного направления своей деятельности поездки по разным населённым пунктам района и области. Молодые лекторы организовывали агитпоходы в отдалённые мелкие населённые пункты, где приезд такое событие становилось праздником. О поездках вспоминает бывший участник таких походов И. Кондратович: «Такой внимательной, заинтересованной аудитории я, пожалуй, не видел. В поселках — уважительное отношение к лекторам, жители задают много вопросов, возникают душевные беседы. Нас благодарят, жмут руки. Пишут отзывы, приглашают приезжать чаще» [Кондратович, 1975: 3].

Ещё одной формой лекционной пропаганды стала деятельность народных университетов, которые начали создаваться в стране в конце 1950-х гг. В Кольском филиале народный университет образовался позднее, после того, как в 1964 г. на IV съезде общества «Знание» было принято решение о переходе от разрозненных лекций к систематическому специальному образованию. С этого времени образование взрослых стало самостоятельной отраслью. В составе народного университета естественно-научных знаний работали четыре факультета: физический, химический, географо-экономический и горно-обогатительный.

В 1974 г., когда Президиум АН СССР принял постановление «Об участии АН СССР в реализации мероприятий по завершению перехода ко всеобщему

среднему образованию молодёжи и дальнейшему развитию общетеоретической школы», активизировалась работа с учащимися школ города Апатиты. В ней использовались в основном не лекционные формы, а такие, как беседы и экскурсии в лаборатории институтов Филиала, в подшефной школе № 2 регулярно проходили Дни науки, техники и производства. Большое внимание уделялось вопросам профориентации молодёжи, что было важно в деле подготовки квалифицированных кадров. Формой пропаганды научных знаний можно считать и пополнение школ учебными пособиями: геологи передали учебные коллекции минералов, ботаники изготовили и передали в Дом пионеров и в биологические кабинеты школ города гербарные листы.

Одна из главных задач в пропаганде научных и политических знаний — привлечь как можно большее количество слушателей. Поэтому ещё одно направление научно-просветительской деятельности проходило под девизом «В работе Общества “Знание” каникул нет!» Речь шла о том, чтобы работа лекторов на предприятиях, стройках, по месту жительства проводилась постоянно, без перерывов. Особенный упор делался на деятельность геологов и ботаников, которые, уезжая на летние полевые работы в различные пункты области, использовали для просветительской деятельности каждое пребывание в любом населённом пункте, геолого-разведочной партии и т. п. Лекторы Ботанического сада проводили беседы среди сельского населения на фермах, на полевых станах [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 473. Л. 1–80].

В 1980-х гг. тематический план лекторской группы КФАН был дополнен новыми разработками лекций, в которых освещались проблемы развития минерально-сырьевой базы как основы экономики промышленности, комплексного использования недр и изыскания новых, нетрадиционных видов минерального сырья. С середины 1980-х гг. лекторы КФАН знакомили с основами информатики и вычислительной техники учащихся школ, техникумов и профессионально-технических училищ.

Вместе с тем именно в эти годы, с конца 1970-х гг., в просветительской деятельности происходят принципиальные изменения, связанные с надвигавшимся идеологическим кризисом в стране, заметно усиливается партийно-идеологическая пропаганда. Показательно в этом плане Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г. «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Пропагандистам и агитаторам предлагается сосредоточить внимание на следующих актуальных задачах [О дальнейшем улучшении..., 1981: 743]:

- обеспечить высокий научный уровень пропаганды и агитации;
- усилить действенность и конкретность пропаганды и агитации, её связь с жизнью, с решением хозяйственных и политических задач;
- развивать наступательный характер пропаганды и агитации.

На заседаниях партийного комитета КФАН СССР и на партбюро его подразделений всё чаще заслушиваются отчёты о деятельности первичной организации общества «Знание», всё чаще делается упор на то, что необходимо использовать лекционную пропаганду как важное средство коммунистического воспитания трудящихся [ГАМО. Ф. П-139. Оп. 1. Д. 59. Л. 114].

Усиливалось агитационно-пропагандистское направление, которое было представлено лекциями по важнейшим решениям партии и правительства.

Заключение

Общество «Знание» в СССР было замечательным культурным феноменом, уникальной по масштабу и смыслу деятельности общесоюзной общественной организацией. Оно реально способствовало как повышению общей культуры и образованности населения, так и профессиональному росту специалистов. Вместе с тем усиливающийся контроль КПСС над ним постепенно нивелировал принципы демократизма и самостоятельности, что в конечном счёте и привело к его стагнации и исчезновению [Пинаева, 2015, ЭР] в 1991 г., когда распался СССР.

С 1991 г. правопреемником Всесоюзного общества «Знание» на территории России стало общество «Знание» Российской Федерации. Фактически это время и было распадом Общества, а в 1990-е годы оно постепенно пришло в упадок.

Тем не менее задача популяризации научных знаний и достижений оставалась актуальной. Со временем очевидной стала необходимость возродить активную масштабную деятельность, которой занималось общество «Знание», применительно к новым условиям.

В декабре 2015 г. создана общероссийская общественно-государственная просветительская организация «Российское общество “Знание”», учредителем которой стало Министерство образования и науки. Её цели остаются прежними: это и интеллектуализация общества, и своеобразный отчёт науки перед обществом, и привлечение молодёжи к научной деятельности.

В феврале 2019 г. в главном здании Российской академии наук состоялось первое заседание Комиссии РАН по популяризации науки. Комиссия была создана для содействия Российской Академии наук в реализации задач по распространению научных знаний, повышению престижа науки и популяризации достижений науки и техники.

Важнейшим направлением ее деятельности является координация усилий по научному просвещению и пропаганде науки в масштабах страны с привлечением сил и возможностей научно-исследовательских учреждений, промышленно-технологических организаций, а также сообщества популяризаторов науки.

Деятельность комиссии нацелена на решение следующих задач:

- формирование в общественном мнении представления о научной картине окружающего мира как неотъемлемой части общей культуры;
- разъяснение обществу роли науки в современном мире и её влияния на жизнь людей;
- повышение престижа и социальной привлекательности научно-исследовательской работы;
- повышение уровня естественно-научного и гуманитарного образования выпускников школ и вузов.

Список источников

Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. П-1. Оп. 6. Д. 256. Л. 192. Мурманский отдел КПСС. Промышленный отдел.

ГАМО. Ф. П-139. Оп. 1. Д. 59. Л. 114 — Партийный комитет Кольского научного центра АН СССР.

Газета «Кировский рабочий» за 1954–1986 годы.

Научный архив Кольского научного центра РАН (НА КНЦ РАН) Ф. 1. Оп. 6. Д. 160 б. Л. 57.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 166-6. Л. 25–26.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Ед. 175. Л. 16–20.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 473. Л. 180.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 191-в. Л. 40.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 563. Л. 1–15.

О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы: постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г. // В. И. Ленин, КПСС о развитии науки. М.: Политиздат, 1981. С. 738–751.

О мерах по улучшению работы Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний: постановление ЦК ВКП(б) от 20 июня 1949 г. // В. И. Ленин, КПСС о развитии науки. М.: Политиздат, 1981. С. 381–385.

Об организации научно-просветительской пропаганды. Постановление ЦК ВКП(б) от 27 сентября 1944 г. // В.И. Ленин, КПСС о развитии науки. М.: Политиздат, 1981. С. 379–380.

Газета «Полярная правда»: выпуски за 1947, 1958, 1960, 1961, 1979 гг.

Список литературы

Абрамов Р. Популяризация науки в СССР как элемент культурной политики // *Время вперёд! Культурная политика в СССР*. М.: ВШЭ, 2013. С. 161–177.

Акопов А. И. Научная популяризация как важнейшее звено в пропаганде и продвижении научных исследований // *Relga*. 2011. № 3. URL: <https://www.relga.ru/Environ/WebObyects/tgu>.

Артоболевский И. И. Пропаганда достижений науки — первоочередной долг учёных // *Вестник АН СССР*. 1967. № 6. С. 33–38.

Бардин И. П. Наука служит народу // *Наука и жизнь*. 1952. № 2. С. 1–4.

Басов Н. Г. О дальнейшем укреплении сотрудничества Академии наук СССР и Всесоюзного общества «Знание» // *Вестник АН СССР*. 1978. № 12. С. 23–30.

Вавилов Н. И. Политические научные знания — в массы! // *Наука и жизнь*. 1948. № 2. С. 15–17.

Ваганов А. Г. Нужна ли наука для популяризации науки? // *Наука и жизнь*. 2019. № 9. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/11016>.

Ваганов А. Г. Нужна ли популяризация науке. Как остановить падение престижа науки // *Экология и жизнь*. 2008. № 6. С. 19–21.

Гинзбург В. Л. Ещё раз к вопросу о популяризации науки // *Наука и жизнь*. 2007. № 8. С. 10.

Григорян Г. Г. Всесоюзное общества «Знание» как коммуникатор для власти и научного сообщества // *Новые знания: образовательный журнал для взрослых*. 2012. № 10. URL: <http://novznania.ru/archives/3376>.

Дюжилов С. А. У истоков краеведческого движения в Хибинах // *Геология и стратегические полезные ископаемые Кольского региона. Труды IX Ферсмановской научной сессии, посвящённой 60-летию Геологического института КНЦ РАН (Апатиты, 2–3 апреля 2012 г.)*. Апатиты, 2012. С. 64–68.

Кондратович И. Лекторов ждут в посёлках // *Кировский рабочий*. 1975. 16 января. С. 3.

Лазаревич Э. А. Популяризация науки в России. М.: Наука, 1981. 244 с.

Лазаревич Э. А. С веком наравне. Популяризация науки в России. Книга, газета, журнал. М.: Книга, 1984. 384 с.

Мезенцев В. А. Знание — народу. М.: Знание. 1972. 64 с.

Митин М. Б. Об итогах деятельности общества за 1947 г. и плане работ на 1948 г. // Наука и жизнь. 1948. № 2. С. 34–37.

Модельный закон о просветительской деятельности: [принят на 44-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ]: постановление № 44-11 от 20.05.2016 // Народы России. URL: <https://narodiirossii.ru>.

Пинаева Д. А. Партийное руководство научно-просветительской деятельностью в СССР (на примере Всесоюзного общества «Знание»). URL: www.gramota.net/materials/3/2015/11-3/31.html.

Превратить Общество в могучий рассадник политических и научных знаний // Наука и жизнь. 1948. № 8. С. 46–47.

Прокудин Д. Е. Популяризация научного знания в информационную эпоху. Информация — Коммуникация — Общество (ИКО-2016): материалы XIII Всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург 21–22 января 2016 г.). СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2016. С. 143–147.

Самсонов А. Л. Зачем нужна популяризация? // Экология и жизнь. 2008. № 6. С. 23–25.

Социализм и наука. М.: Наука, 1981. 422 с.

Учёные и общество: кто кому или кто кого? URL: <https://academcity.org/content/uchenyeiobshestvo-kto-komu-ili-kto-kogo/>

Ферсман А. Е. Рассказ о науке и её творцах. М.; Л.: Наука, 1946. 328 с.

Ферсман А. Е. Занимательная минералогия. М.; Л.: Наука, 1953. 273 с.

Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 837 с.

Хохлов А. Р. Я считаю, что популяризация науки — это обязанность учёного // Дискуссия «Наука и прорывные технологии будущего: меняем мир сейчас» на форуме «Россия — страна возможностей». 27 марта 2018 г. URL: <https://nauka.tass.ru>lydi-i-vesci/686056>.

Чинённый А. И. Из истории Всесоюзного общества «Знание». М.: Знание, 1988. 64 с.

Сведения об авторах

Саморукова Антонина Григорьевна

научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Петров Валентин Петрович

доктор геолого-минералогических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Samorukova Antonina G.

a Researcher of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

Petrov Valentin P.

Dr. Sci. (Geology-Mineralogy), Professor, Chief Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

Е. Ю. Дубровская

«ПРЕЖДЕ» И «ТЕПЕРЬ»: ПЕРЕМЕНЫ 1917 ГОДА ГЛАЗАМИ СТРОИТЕЛЕЙ МУРМАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ¹

Аннотация

Основанная на архивных материалах и опубликованных источниках, статья освещает возросшее геополитическое значение Карелии и Кольского Севера в годы Первой мировой войны, которое определялось строительством Мурманской железной дороги. Изучение влияния военного фактора на условия жизни строителей магистрали показывает особую остроту продовольственного кризиса в регионе, вызванного большим притоком мигрантов в связи с постройкой магистрали. Автор исследует публикации 1917 г. в петрозаводской газете «Мурманский путь», отразившие восприятие строительными рабочими и служащими железной дороги «прежнего» времени и «нынешнего», революционного, времени. Мурманская магистраль обладала большим потенциалом для формирования региональной идентичности. Однако групповая и профессиональная идентичность служащих и локальная идентичность вольнонаемных рабочих из крестьян в период кардинальных изменений в обществе были для строителей дороги значимее общегражданских приоритетов сооружения коммуникации, связавшей Россию с союзными государствами.

Ключевые слова:

Мурманская железная дорога, Первая мировая война, вольнонаемные рабочие, служащие, революция 1917 г., повседневность, образы времени, идентичность.

Elena Yu. Dubrovskaya

“FORMERLY” AND “NOWADAYS”: CHANGES OF 1917 AT THE MURMANSK RAILWAY AS IT IS SEEN BY THE CONSTRUCTION- AND OFFICE-WORKERS

Abstract

Based on archive materials and published sources the paper shows the growing geopolitical significance of Karelia and Kola North during the World War I, determined by the construction of Murmansk railway. The study of the impact of military factor on the living conditions of the railway builders demonstrates particularly severe food crisis in the region, due to great influx of migrants for the construction of the railway. The author analyzed dating back to 1917 publications in “Murmansky put” newspaper (“Murmansk railway”, Petrozavodsk), which throws light upon notions of “former” time and “present” revolutionary time common to the construction — and office-workers. Murmansk railway had a strong potential for the building of regional identities. Still group- and professional identities of office-workers and local identities of civilian contract workers (native peasants) in the situation of cardinal social changes were more important for them in comparison with nation-wide priorities of constructing the communication system connecting the Russian state with the allied powers.

Keywords:

Murmansk railway, World War I, civilian contract workers, office-workers, revolution 1917, daily, images of time, identity.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–09–00392 «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность».

Введение

Кемский уезд Архангельской губернии, включая Беломорскую Карелию, Карельское Поморье и Кольский Север, до революции 1917 г. оставался глухой провинцией Российской империи. Все политические процессы, охватившие страну с весны 1917-го, отражались на общественной жизни края в более умеренных формах по сравнению с центральными районами России. Во многом этому способствовали отдаленность уезда от губернского центра в Архангельске, недостаточность, а зачастую и полное отсутствие путей сообщения и транспорта, слабое распространение информации, языковой барьер и т. д. Однако колоссальные политические перемены в центре страны неизбежно должны были взорвать общественное спокойствие в северной глубинке и вызвать конфликты не только на социально-политической, но и на этнонациональной, семейной, конфессиональной, гендерной оси идентичности.

Важнейшим явлением в экономической жизни Русского Севера в период Первой мировой войны стало строительство Мурманской железной дороги от российской столицы Петрограда до незамерзающего побережья Баренцева моря (рис. 1). Оно обусловило повышение геостратегического значения тылового края, оказав многостороннее воздействие на его социально-экономическую и социокультурную жизнь, а также во многом определило его последующие исторические судьбы [Харитонов, 1984; Juntunen, 1997: 4–672; Агамирзоев, 2008; Голубев, 2011; Нахтигаль, 2011: 240–247; 2014; Трошина, 2014: 123–128].

Рис. 1. Церемония открытия Мурманской железной дороги 3 ноября 1916 г.
[Дубровская, Кораблев, 2017: 112]

Укладка рельсового полотна на линии от Кандалакши до Мурмана была закончена 23 апреля 1916 г. Это дало возможность организовать доставку военных грузов с пристани, построенной в Семеновской бухте Кольского залива, ставшей конечной точкой Мурманской железной дороги, поездами в Кандалакшу, откуда они на лихтерах доставлялись в Сороку (современный Беломорск) и далее вновь перегружались в товарные вагоны для следования по железнодорожному пути. Правда, из-за необходимости устранения серьезных недоделок, регулярное движение грузовых составов по маршруту Семеново — Кандалакша удалось наладить только с августа 1916 г. [Ушаков, 1997: 564–565]. Ценой невероятных усилий десятков тысяч рабочих прокладка Мурманского рельсового пути полностью была завершена смычкой линии Кандалакша — Сорока в начале ноября 1916 г. В Северной Карелии, на перегоне между ст. Боярская и разъездом Амбарный, где 3 ноября 1916 г. встретились две партии укладчиков, шедших навстречу друг другу с юга и севера, состоялась торжественная церемония забивки последнего «серебряного» костыля [Мурманская..., 1916: 43–44; Харитонов, 1984: 23–24].

До полного окончания строительства все же было еще далеко. Сами руководители новой дороги признавали, что «путь сделан только вчерне». По сравнению с проектом к концу 1916 г. невыполненными оставалось около 40 % общего объема работ. Пропускная способность дороги составляла всего 60–90 вагонов в сутки, а скорость движения поездов не превышала 12,5 верст в час. На многих участках предстояло укрепить железнодорожное полотно, привести профиль пути к магистральному типу, заменить временные деревянные мосты металлическими и железобетонными, на станциях необходимо было ввести жилые дома, мастерские и постоянное водоснабжение. Часть достроечных работ выполнялась силами подрядчиков [НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 52/421. Л. 31–32]. Однако из-за развернувшейся на Русском Севере в 1918 г. Гражданской войны проведение достроечных работ затянулось, и полностью они были завершены лишь после ее окончания [Кораблев, 2001: 319; Голдин, 2018].

Автор публикации, которая в декабре 1917 г. появилась на страницах издававшейся в Петрозаводске ежедневной общественно-политической газеты «Мурманский путь», заметил с горечью: «Так, перепрыгивая с кочки на кочку, спотыкаясь и падая, постройка, наконец, закончила свое жалкое существование <...> Пойдем дальше. Перед нами достройка с унаследованными от постройки недостатками и недочетами», «как лето сменяется осенью, осень — зимою, точно так же у нас на Мурмане постройка сменилась достройкой, достройка — эксплуатацией²» [Доля..., 1917].

Как отметила О. В. Змеева, рассмотревшая систему организации социального порядка в районе строительства Мурманской магистрали, на формирование «коллектива» строителей дороги повлиял «временный характер» стройки, «незавершенность» объектов, к которым постоянно приходилось возвращаться участникам строительства, укрепляя, поправляя и переделывая их. Такой «коллектив» складывался «из нескольких локально-территориальных, этнических и профессиональных общностей и часто действовал как совокупность временных социальных групп» [Змеева, 2019: 55].

² Так в тексте источника.

Если проблемы развития промышленности и индустриального развития России в годы войны в целом получили подробное освещение в работах историков, то регионам в этом отношении «повезло» гораздо меньше. Так, недостаточно внимания уделялось изучению различных видов идентичности (групповой, профессиональной), которые проявляли себя в сообществах строителей Мурманской магистрали, прежде всего, крестьян из центральных губерний России, в годы военного лихолетья приехавших по вербовке на Север ради решения своих материальных проблем. Наиболее обстоятельной работой, посвященной индивидуальной идентичности в раннесоветском обществе, процессам ее «переделки» после революции 1917 г. и их социальным последствиям, стала монография Ш. Фицпатрик, видной американской исследовательницы социальной, политической и культурной истории советской России. По ее заключению, социальная идентичность — это «то, как человек позиционирует себя в социальном или групповом контексте, а не то, то он думает о себе как отдельной личности» [Фицпатрик, 2011: 3–7].

Первая мировая и Гражданская войны, как и российская революция 1917 г., сыграли особую роль в становлении советской идентичности. Вот почему изучение представлений участников и очевидцев переломных событий в российской истории о «своих», «чужих» и «других» является весьма перспективным направлением в исследовании как новых источников по региональной истории российской революции, так и феномена культурной памяти жителей края в XX столетии.

«Рай на земле»: трудовая миграция, ожидания и разочарования

Подготовительные работы непосредственно на строительстве трассы начались в первых числах февраля 1915 г. с прорубки просек, вывозки лесоматериалов и строительства бараков (рис. 2). Они производились силами 1200 рабочих, в основном нанятых в ближайших русских, карельских и финских местностях в районе 100–200 верст от линии [НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 1/5. Л. 71]. Несмотря на трудности военного времени, на стройку удалось привлечь квалифицированные инженерные кадры и обеспечить ее рабочей силой, которая подразделялась на пять категорий: вольнонаемные рабочие из российских губерний, а также автономного Великого княжества Финляндского, специализировавшиеся на разработке скальных пород, китайцы-контрактники из Маньчжурии, солдаты железнодорожных и рабочих батальонов и военнопленные германской и австро-венгерской армий. На завершающем этапе прокладки рельсового пути осенью 1916 г. на мурманской трассе было сосредоточено около 65–70 тыс. рабочих всех категорий, при этом 40 % из них являлись солдатами-военнопленными [Дубровская, Кораблев, 2017: 111, 354].

Агенты хозяйственного отдела управления строительством проводили вербовку вольнонаемных рабочих в основном в средней части России и в Поволжье, где крестьяне истари занимались отхожими строительными работами. Руководство стройки отмечало, что в условиях военного времени, вследствие призывов в действующую армию и мобилизации трудовых ресурсов на оборонные работы для военного ведомства в прифронтовой полосе и в тылу, «не представлялось возможности нанять рабочих большими партиями в двух-трех местах», а потребовалось обследовать целый ряд губерний [НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 65/437. Л. 73]. Наибольшее число рабочих было нанято в Казанской,

Калужской, Нижегородской, Пензенской, Самарской, Симбирской и Смоленской губерниях. Средний срок найма составлял 6,5 месяцев.

Администрации, согласно типовым договорам, предоставлялось право в одностороннем порядке продлить срок найма на один месяц. Первоначально отсчет рабочего времени велся со времени прибытия на место работ. Однако затем из-за трудностей долгого пути, в среднем занимавшего 15–17 дней, и нередких задержек отсчет стали вести с момента прибытия нанявшегося лица на пристань или посадки в вагон. Нанимающиеся должны были на местах постоянного жительства проходить медицинское освидетельствование, но эта процедура нередко проводилась формально либо вовсе обходилась агентами, по-видимому, не без подкупа должностных лиц. При обследовании вновь прибывших работников медицинский персонал мурманской стройки выявлял среди них немало лиц, не способных к тяжелому физическому труду.

Рис. 2. Крестьянские подводы на строительстве Мурманской железной дороги, 1916–1917 гг. [фото из НАРК]

При заключении договора работнику выдавался задаток в размере 10 рублей. У него отбирался паспорт, который он не имел права требовать до истечения срока найма [НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 67/525. Л. 14–14 об.; Мурманская..., 1916: 60–61]. В октябре 1915 г. всем занятым на стройке запасным нижним чинам и ратникам ополчения 1-го и 2-го разрядов была предоставлена отсрочка от призыва на военную службу до 1 января 1916 г. В дальнейшем действие льготы продлялось до окончания постройки [НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 8/50. Л. 49; Балагуров, 1968: 162–164]. Очевидец вспоминал, что в эти годы «беспорядков или волнений совсем не было»: те, кто состоял на военном учете,

«терроризировались» Кемским уездным воинским начальником, «а люди свободные — жандармом, стражником и нагайкой» [Очерки..., 1917].

Всего в собственно российских губерниях агенты управления в 1915 г. наняли до 30 тыс. человек [Мурманская..., 1916: 60]. Еще около 10 тыс. рабочих прибыли вместе с инженерами с постройки Амурской железной дороги, где к этому времени закончилось строительство участка Куэнга — Ксеньевская [Харитонов, 1984: 17]. В период навигации русские рабочие, нанятые на южные участки мурманской стройки, следовали в Петроград, а на северные — в Архангельск. Здесь они садились на пароходы, совершавшие регулярные рейсы: из столицы — на петрозаводской линии, а из Архангельска — на беломорской и мурманской линиях. Основная масса рабочей силы прибывала на трассу именно водным путем.

Красочно описывая подробности вербовки рабочих, автор заметки «Доля построечника» в конце 1917 г. вспоминал о недавних событиях саркастически: «Дело уже прошлое. 15-го и 16-го года XX в. Это те годы, когда вести о Мурманстройке пронесли по всей матушке России, слава о ней гремела по всем уголкам ее необъятного пространства. Везде разбрелись Мурманские агенты-апостолы, проникают во все забытые уголки и доводят до сведения их обитателей о великих замыслах людей мира сего о том, что там, где-то далеко, далеко от России, за Архангельским городом, за Белым морем, на каком-то Мурманском берегу Царь-батюшка железную дорогу построить затеял. Построить и по ней пушки из Англии возить, чтобы было чем врагов наших ерманцев угощать... Деды и прадеды на веку своем не слыхали о Мурманском берегу, и детям их не слыхать бы и во сне не видать, не явись бы только на свет Божий Мурманские апостолы, в правдивых чертах нарисовавшие картину бытовой жизни мурманцев, их благополучие, где золотые горы и молочные реки и озера, где у всех пиво и вино по усам течет — а в рот только не попадает!» [Доля..., 1917].

Действительность же оказывалась такой, что реальные впечатления об обещанном «земном рае» становились почвой, объединявшей обманутых людей и подпитывавшей чувства обиды, разочарования и пессимизма. По прибытии на стройку «посыпались на ребят болезни разные, одна за другой, одна другой опаснее, мучит их «чахотка карманная», голод... холод... снег по пояс, грязь, вода по колено. Прежнее воодушевление начинает утекать, обратно утекают и многие из наших ребят» [Доля..., 1917].

Примечательно упоминание повествователя о нечастых проявлениях гражданской идентичности, которая, по наблюдениям исследователей, измеряется обычно «принятием ответственности за дела в стране и ее граждан, готовностью действовать во имя их интересов, доверием к окружающим», чувством солидарности [Дробижева, ЭР]. «У кого хватало гражданского мужества, у кого — нет, добраться до цели. Кто с пол-дороги, а кто, дойдя до славной Мурманки, до этого «земного рая», предпочел ему свою прежнюю жизнь. Остались в «раю» лишь герои! <...> Но немало пришлось терпеть и нашим героям. В самом «раю», т. е. на славной Мурманке, не все обстояло благополучно. Не в таких ярких красках наши ребята нашли оригинал, каким его на картинке обрисовали «апостолы» [Доля..., 1917].

Тяготы долгого и непростого пути, новая, необычная для крестьян срединной России природная среда и бытовая обстановка неблагоприятно

сказывались на психологическом состоянии большинства вновь прибывших строителей. Авторы официального очерка о стройке, изданного в конце 1916 г., отмечали: «Оставивший свой дом и семью, имеющую в большинстве случаев уже одного из своих членов вне дома — в рядах армии, обеспокоенный текущими событиями и ростом цен, рабочий после трудного непривычного пути (пароходное плавание, сопряженное со штормами) приходил на линию усталый, с угнетенной психикой. Условия, которые его встречают и будут окружать в течение полугода, не привлекательны; безлюдный край с массой болот, нетронутый густой лес, отсутствие пашен и лугов, среди которых он вырос, вызывают в нем тоску». Трудности адаптации к новой обстановке, наряду с тяжелыми условиями труда и перебоями в снабжении продовольствием, одеждой и обувью, являлись причиной того, что по окончании срока найма громадное большинство рабочих, «несмотря на усиленное предложение оставаться на линии» на более выгодных для них условиях, отказывались от этого и возвращались на родину [Мурманская..., 1916: 64].

Подтверждением тому могут послужить заметки в газете «Мурманский путь», которая с сентября 1917 г. издавалась в Петрозаводске главным дорожным комитетом Союза служащих и рабочих Мурманской железной дороги. В состав ее редколлегии входили В. К. Каратыгин и Г. Э. Клодницкий — инженеры-железнодорожники, выдвигавшиеся кандидатами на выборах в Петрозаводскую городскую думу по списку железнодорожных служащих. В ноябре 1917 г. в нескольких номерах газеты появились носившие публицистический характер «Очерки Мурманского быта» [1917]. Их автор, скрывшийся за инициалами А. де-Л., был железнодорожным служащим 3-го участка 3-й дистанции пути (ст. Энгозеро, находившейся в 100 верстах от г. Кемь) и не понаслышке судил о нуждах и настроениях строителей дороги.

Благодаря его публикации можно представить коллективный портрет наемных рабочих, увиденный глазами конторского служащего. «За окном, отирая лбами стекло, стоят вновь прибывшие рабочие из Петрограда, они только что прибыли пешком из Кеми и требуют хлеба, масла и прочих продуктов из кладовой, некоторые требуют квартир и обувь, т.к. все это было им обещано при найме в Петрограде» [Очерки..., 1917: 5 ноября].

Автор приводит типичный диалог между «новенькими» и счетоводом участка:

- Так что если сапог не будет, мы на работу не встанем.
- В чем пришел, в том и работай, — возражает счетовод, — может, ты только обуться сюда пришел, нам таких не надо.
- Не надо, обратно можем.
- А деньги в счет заработка пришел?
- Мы бы знали, что так с нами поступят, за такие деньги не позарились бы придти.
- Ну и убирайся к черту, не давать ему продуктов из кладовой, а будет разговаривать — жандарму передадим.
- Другая группа лезет в контору и требует расчетных книжек.
- Эй, сторож, не пускайте их сюда, ждите там очереди.
- Да вы не беспокойтесь, мы не петроградские, ничего не унесем [Очерки..., 1917: 7 ноября].

С образом времени, точнее, временности, неокончательной ситуации связана упомянутая в «Очерках» «временка». Она обозначала деревянную дорогу, использовавшуюся при строительстве укладочного пути Мурманской железной дороги в 1914–1916 гг. По словам автора публикации, «временка» шла то зигзагами, то параллельно пути, то пересекая его, быстро приходя в негодность, если по ней успел проехать обоз с тяжелым грузом. «Лучший ходок может пройти по такой дороге не больше 4 верст в час, а обоз проходит в среднем версту за то же время. От ходьбы по временке сильно отбиваются ноги, особенно болят пятки, а по прошествии нескольких дней делаются на пятках мозоли. То же происходит и с лошадьми, у которых стирались копыта, и лошадь, пройдя верст 300–400, становится негодной» [Очерки..., 1917: 8 ноября].

Но даже тяготы такого рода вспоминались автору публикации как малозначительные по сравнению с тем, что происходило вокруг осенью 1917 г.: «...по временке ходили и ночью, через глухую тайгу, ни звука, ни шороха, изредка встретишь кого-либо на дороге, такого же позднего путника, и в темноте остановишься, спросишь, откуда идет, куда и зачем, присядешь на пень или камень, закуришь, пойдешь дальше. Ни посягательства на жизнь или на карман за всю мою службу не было, — отмечает он, — а ведь чего проще — зашел человека издали, спрятался за куст, выскочил и прикончил, тайга глухая, свидетелей нет», ведь «ходили люди с заработка, неся на себе деньги, и большие» [Очерки..., 1917: 8 ноября].

Описание недавнего прошлого содержит и такую зарисовку: «...идет слабенький мужичок по временке, а навстречу ему огромный коренастый детина. Повстречались, и спрашивает один у другого: а что, земляк, не разменяешь ли «петеньку» (купюра в 500 руб. с изображением Петра Первого. — *Е. Д.*), в конторе дали расчет одной бумажкой, и нигде разменять не могу». Поскольку встречный незнакомец только еще направлялся на заработки и разменивать ему было нечем, расходились каждый в свою сторону.

Идеализированную картину обстановки на строительстве Мурманской железной дороги всего лишь двух-трехлетней давности автор газетной публикации противопоставляет «нынешнему» «лихому» времени: «теперь из-за рубля людей режут, а тогда 500 рублей были деньги очень большие». В сделанном им широком обобщении вновь проявляет себя пространство-время, определяющее локальную — не-городскую, и особенно не-столичную, идентичность: «...и впрямь знали люди тогда, что то место, где стреляют и грабят на улицах, называется городом, а в мертвой, дикой тайге, в страхе совести встречаются люди и относятся к ближнему, как к самому себе» [Очерки..., 1917: 8 ноября]. В заметке подчеркивается, вероятно в отличие от ситуации 1917 г., и отсутствие «антагонизма» между служащими и рабочими: во внеслужбное время «вместе играли в карты, заходили к рабочим в барак, ходили на охоту, мирно беседовали. Особую страсть обе категории ... проявляли к так называемой «бракке» [Там же: 7 ноября].

В русской культуре велика ценность памяти, исторических традиций, преемственности. «Былое, быль» дышит особым очарованием, теплотой, а «утрата традиционных основ жизнеустройства, неуважение предков, забвение расценивается как упадок культуры, деградация социума» [Копчева, 2003: 305]. Такую утрату и настоящий разлом картины мира предстояло пережить участникам Первой мировой войны и их современникам, строителям

Мурманской магистрали. Не удивительно, что дореволюционное время в их свидетельствах, опубликованных в 1917 г., подчас выглядит иначе, чем его рисуют последующие канонические схемы советского периода.

В конце октября — начале ноября 1917 г. газета «Мурманский путь» поместила подборку публикаций, озаглавленную «От Кеми до Мурманска. (Письма туриста)» и подписанную псевдонимом «Построечник». Они написаны в форме путевых очерков железнодорожника, недавнего участника строительства, проехавшего по Мурманской магистрали из Кеми через станции и разъезды Поньгома, Кузема, Энгозеро, Боярская, Кереть, Чула, Полярный круг, Ковда, Кандалакша, Хибин, Имандра, Ягельный Бор, Кола. О последней, в частности, говорится, что «у Колы будущего никакого нет, вся построечная деятельность перенесена в Мурманск, лежащий в 10 верстах от Колы» [Построечник, 1917: 3 ноября].

Вспоминая о начальном периоде строительства дороги, «когда еще не было укладки» шпал (в 1916 г.), Построечник пишет: «Сколько раз мне приходилось ходить по изрытой, поломанной временке от ст. Боярской до Кеми с маленькой котомкой за плечами, невзирая на дождь и холодную ночь, останавливаясь чуть ли не в каждом бараке. Теперь я еду на поезде и не узнаю местности, рельеф и план ее совершенно изменились. Где стоял барак, его уже там нет, он заменен типовой постройкой в другом месте, где был ряжевый мостик, теперь насыпь положена, а мостик превратился в целый мост и перенесен в другое место, где была насыпь — там выемка, где была выемка — там насыпь. Деревя, под которым я ночевал, разведя костер, застигнутый темнотой, нет, вместо него — высокая горделивая водокачка. И так за какой-либо год местность изменилась до неузнаваемости» [Построечник, 1917: 29 октября].

Сравнивая недавнее прошлое и настоящее, этот автор отдает явное предпочтение дню сегодняшнему, радуясь результатам напряженной работы строителей дороги и преобразившемуся вместе со временем освоенному пространству. Однако при описании с. Поньгома он досаждает на то, что «революционные события совершенно не коснулись этой деревни, разве только что упразднена должность урядника. Здесь нет ни комитетов, ни председателей, секретарей или продовольственных комиссий» [Построечник, 1917: 28 октября]. Вызывает недовольство автора и отсутствие перемен на ст. Кереть, где «единственная каменная постройка — паровозное депо, и при том колоссальных размеров, таких, какие можно видеть лишь где-нибудь у нас на Николаевской дороге» [Там же: 29 октября]. Это замечание демонстрирует иную региональную идентичность железнодорожника, хотя и проявившего эмоциональное отношение к осваиваемой северной территории, но далекого от самоотождествления с ней.

«Доля построечника» в оценке сенаторской ревизии и публицистике 1917 г.

На начальном этапе эксплуатации всей железнодорожной коммуникации от Петрограда до Мурманска определенные сложности создавала также ведомственная разобщенность двух ее главных составных участков. Один из них — базовая линия от Званки (современный Волховстрой) до Петрозаводска принадлежала частной акционерной компании Олонецкой железной дороги, другой — линия от Петрозаводска до Романова-на-Мурмане (после Февральской революции — г. Мурманск) являлась казенной собственностью. Прямые перевозки в этих условиях неизбежно затруднялись различного рода

бюрократическими согласованиями. Устав общества Олонецкой железной дороги, в принципе, допускал возможность досрочного выкупа линии Званка — Петрозаводск. Вопрос о таком выкупе был официально поставлен 27 августа 1916 г. начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом М. В. Алексеевым в письме, направленном председателю Совета министров Б. В. Штюрмеру. В сентябре того же года это предложение рассматривалось на Особом совещании по объединению всех мероприятий для снабжения армии и флота и организации тыла, которое подготовило развернутое обоснование для досрочного выкупа дороги [Голубев, 2011: 138].

Однако практическим решением проблемы пришлось заниматься уже не царскому, а Временному правительству. После серии предварительных согласований с представителями акционерного общества Олонецкой железной дороги 28 марта 1917 г. Временное правительство издало постановление о выкупе этой дороги в государственную собственность и о присоединении ее к линии Петрозаводск — Мурманск [НА РК. Ф. 772. Оп. 2. Д. 9. Л. 31; Д. 18. Л. 1–5; Д. 19. Л. 31–60; Постановление..., 1917: 78].

В июле 1917 г. сенаторская ревизионная комиссия из одиннадцати человек — представителей МПС, Военного министерства, Союза инженеров, Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, высших органов государственного управления — провела осмотр всей железнодорожной линии от Петрозаводска до Мурманска, оценила результаты строительства и выявила проблемы, связанные с эксплуатацией магистрали. Помимо изучения строительно-технического аспекта комиссия уделила особое внимание продовольственному, жилищному, рабочему вопросам и медико-санитарному состоянию строительства. Начав работу 7 июля 1917 г. и ознакомившись с делами и документами в Управлении Мурманстройки, а также учитывая непродолжительность остававшегося строительного сезона, через неделю — 14 июля ревизионная комиссия выехала из Петрозаводска. Результаты ее деятельности нашли отражение в тридцатистраничном отчете на имя министра путей сообщения Временного правительства, подписанном сенатором И. М. Давыдовым и заверенном членом ревизионной комиссии, товарищем прокурора Рижского окружного суда Н. С. Ивановым [НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 139/1078].

Летом 1917 г. в средней и северной части Мурманской магистрали было приостановлено товарное и пассажирское движение с тем, чтобы к началу зимней кампании продолжавшейся Первой мировой войны дать возможность Управлению дороги привести ее в такое состояние, которое позволило бы не позже 1 ноября возобновить регулярное движение. Этот срок определялся временем закрытия навигации в Архангельском порту, после чего требовалось обеспечить достаточную пропускную способность для безостановочной перевозки грузов из Мурманского порта. На больших станциях ревизионная комиссия прибегала к авторитету унтер-офицера В. П. Раменского и вольноопределяющегося Г. Е. Липшица — представителей Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, устанавливавших контакт с местными общественными организациями. Весной — летом 1917 г. такие общественные организации возникали вдоль трассы магистрали и объединяли, как и по всей стране, строителей и железнодорожников. Разъясняя их представителям цель образованной Временным правительством комиссии, посланцы из Петрограда

подчеркивали значение «Мурманской линии», являющейся «единственным звеном» между воюющей Россией и союзными государствами через незамерзающий Кольский залив [НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 139/1078. Л. 2].

Ревизионной комиссии предстояло осмотреть всю железнодорожную линию от Петрозаводска до Мурмана, главнейшие искусственные сооружения, большую часть гражданских построек и ознакомиться с работами по строительству пристаней и портов в Сороке, Кеми и Мурманске (рис. 3). Ревизоры интересовались устройством разгрузочных станций на р. Свирь и в Лодейном поле, эксплуатация которых была связана с Мурманской магистралью. Они обнаружили, что «депо и мастерские при них большей частью деревянные, холодные, и их необходимо отеплять», что дорога мало обеспечена топливом, а на линию требуется командировать недостающее число паровозов, спешно организовать и усовершенствовать ремонтные мастерские [НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 139/1078. Л. 6–8].

Рис. 3. Железнодорожная причальная эстакада Сорокского порта. 1916 г.
[Дубровская, Кораблев, 2017: 119]

По строительно-технической части проверки было сделано следующее заключение: «С переходом дороги в эксплуатацию с 1 ноября с. г. во избежание двойственности в заведовании дорогой и распоряжений по постройке целесообразно сосредоточить всю власть в Управлении, которому следует поручить и достройку линии». Подчеркивалась необходимость размещения на линии дисциплинированных команд как для обеспечения порядка на железной дороге и в портах, так и для охраны дорожных сооружений, особенно мостов, и грузов [НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 139/1078. Л. 7–8].

Интересно сопоставить выявленные комиссией недостатки в организации построчных работ и эксплуатации магистрали с тем, какое освещение осенью 1917 г. получили эти же проблемы на страницах газеты «Мурманский путь». При таком сопоставлении становится очевидным, что в этом отношении больших перемен между «прежним» и «нынешним» временем не наблюдалось.

Особое внимание ревизионная комиссия уделила исключительно важному продовольственному вопросу. Отсутствие «местных продуктов» на безлюдной ненаселенной территории, по которой проходила вся линия дороги, и «полная невозможность» помимо дорожных складов «достать какое-либо пропитание, климатические особенности и природные особенности края (полярная ночь, заболевание цингой, отсутствие признаков культурной жизни и т. п.)», — отметили члены комиссии, — ставит служащих и рабочих в тяжелые условия жизни и требует «обратить особое внимание на достаточное и своевременное обеспечение продовольствием и на правильное его распределение» [НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 139/1078. Л. 8].

Сравнив обстановку на линии и бедственное положение с продовольствием в предреволюционные годы с ситуацией конца 1917-го, автор заметки «Доля построчника» писал, что «тогда» «от низких жилищ холодом и могилой веяло. Шепоты, разговоры: мяса нет — раз, сала нет — два, хлеба нет — три и т. д.», «взять негде, сами знаете, время военное, а вот проложим дорогу, и продуктов побольше будет». «Теперь» же дорога построена, «подвоз свободный», а отсутствие продуктов на линии по-прежнему «явление обыкновенное» [Доля..., 1917].

«Построчник», проехавший «туристом» от Кеми до Мурманска, на страницах газеты «Мурманский путь» описывает курьезное происшествие с американскими монтерами, работавшими на десяти участках стройки в качестве инструкторов по обслуживанию двух десятков экскаваторов, доставленных из Америки. По его словам, договор с американцами, получавшими жалование в 200 долларов, что в 1917 г. соответствовало 1200 руб., «был заключен еще задолго до войны, признаков которой не чувствовалось совершенно в политической атмосфере». Согласно контракту, иностранцы должны были находиться «на полном иждивении дороги и получать продукты натурой». Автору публикации пришлось переводить с английского «этот подлый договор, заключенный американской экскаваторной фирмой “Marion”», который в составе предоставляемых продуктов предусматривал «шоколад, варенье-желе, консервированные фрукты, сигары, табак, овощи, яйца и прочие деликатесы». В то же время строители дороги вынуждены были довольствоваться «знаменитой продовольственной нормой», «и то на самые необходимые продукты, яиц, свежего масла, не говоря уже о консервах и варенье в помине нет» [Построчник..., 1917: 29 октября].

Не получив оговоренного в контракте, «американец предъявляет ультиматум начальнику участка: или давайте мармелад или забастовка», на что тот «в вежливой форме объясняет: дай бог, чтобы черного хлеба хватало, а вы тут о шоколаде трактуете». Не удовлетворенный таким ответом, монтер-инструктор «идет на фактический контроль в кладовую», где с трудом пытается объяснить, чего он хочет. «Узнав, что он требует шоколад чуть ли не с ликером, — целый поток бесцеремонных жестов сыплется на него: “Ах ты, буржуй музейный, чего захотел, в комитет его, бойкотировать евонную машину!”». Американец, «инстинктивно догадываясь, что его ругают, засучивает рукава и готовится к боксу» [Построечник..., 1917: 29 октября]. Как видим, настроения интолерантности, характерные сегодня для населения северных территорий [Шабаетов: ЭР], давали себя знать уже в революционные месяцы 1917 г., усиливая формирующуюся социальную «анти-буржуйскую» идентичность строителей Мурманской магистрали.

Отметив упущения в решении «продовольственного вопроса» на линии железной дороги, сенаторская ревизионная комиссия летом 1917 г. обратила внимание на порчу и недостаток имевшихся продуктов из-за небрежного хранения и отсутствия приспособленных помещений. По данным проверки, почти во всех больших складах была обнаружена мука, частью полученная в испорченном виде, а во многих случаях подмоченная и слежавшаяся, так как хранилась под брезентами и в высоких штабелях под открытым небом. «В Кандалакше образовалось целое мучное кладбище, поглотившее более 40 тыс. пудов муки, — указано в отчете. — Большая часть солонины на линии, кроме консервированной, испорчена, хотя дается в пищу при полном недостатке мяса». Это вызывало «постоянные протесты и возмущение рабочих». На некоторых участках строительства «к делу продовольствия были привлечены выборные представители местных комитетов», что, конечно, становилось приметой нового революционного времени [НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 139/1078. Л. 10].

В середине июня 1917 г. руководство дорожного Управления распорядилось, чтобы все контрагенты и исполнительные комитеты от Кеми до Мурманска представили сведения о количестве едоков на каждом участке и стало возможно обеспечить должное снабжение продовольствием рабочих и служащих [НА РК. Ф. 320. Оп. 7. Д. 1/4. Л. 129]. Напряженная ситуация находила выход в недовольстве всех категорий строителей положением, сложившимся на железной дороге. Наиболее уязвимыми в этом отношении становились военнопленные солдаты австро-венгерской и германской армий (рис. 4).

В конце августа председатель районного комитета 9-го участка Горецкой давал объяснения по начальству вплоть до дорожного Управления в Петрограде и комиссара Временного правительства Владимирова по поводу якобы имевшей место забастовки военнопленных. По его утверждению, основанному на опросах стражников, забастовки не было, а «были частичные невыходы на работу» из-за несвоевременной выдачи контрагентом кожаной обуви. Продовольственная комиссия участка решила не выдавать пленным свежее мясо «ввиду слишком малого количества, достаточного лишь для русских служащих и рабочих». Она предложила заменить мясо солониной или рыбой, на что «претензий от пленных не поступало» [НА РК. Ф. 320. Оп. 7. Д. 1/4. Л. 127].

Рис. 4. Строители Мурманской железной дороги — австро-венгерские военнопленные у жилого барака.
Фото С. М. Прокудина-Горского [Баданов, Кораблев, Жуков, 2005: 168]

Учитывая особые условия труда на МЖД и вызванный этим рост заболеваний среди рабочих и служащих, сенаторская ревизия отметила необходимость улучшения медико-санитарной части и рекомендовала «поставить лиц медицинского персонала в такие условия, чтобы они могли оказывать действительную помощь населению». В частности, предлагалось оборудовать больницы «соответственно требованиям медицины», приспособив для этого подходящие здания и снабдив их всем необходимым в достаточном количестве» [НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 139/1078. Л. 26–30]. Примечательно, что автор путевых заметок «От Кеми до Мурманска», подробно описавший не только станции и разъезды, но и близлежащие села вдоль линии магистрали, лишь однажды упомянул железнодорожную больницу, работавшую на ст. Полярный круг [Построечник..., 1917: 30 октября].

Как и «продовольственному вопросу», сенаторская ревизионная комиссия придавала первостепенное значение вопросу «жилищному»: «недостаток в жилых домах и бараках, особенно резко чувствуется на средней и северной линии дороги», — отмечено в отчете [НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 139/1078. Л. 15]. Описывая повседневную жизнь служащих в начале осени 1916 г., автор «Очерков Мурманского быта» вспоминает, что в то время «прокладки пути еще не было, и лишь в некоторых лесных просеках беспорядочно лежали, полупокрытые водой, тяжеловесные шпалы». На ст. Энгозеро «уныло и однообразно текли смутной вереницей построчные дни. Квартир, разумеется, не было, жили по 3–4 человек

в одной комнатке, новых бараков не было, а предназначенный для служащих вновь построенный барак внезапно сгорел от неизвестных причин» [Очерки..., 1917: 5 ноября].

Год спустя ревизионная комиссия по-прежнему отмечала, что жилищный вопрос оставался на железной дороге одним из самых больных и острых и «при создавшихся условиях разрешить его «вполне удовлетворительно» не представляется возможным, поскольку «с самого начала работ на дороге этому первостепенной важности вопросу не придавалось должного внимания». По всей дороге, а особенно на средней и северной ее части, высокопоставленные чиновники из Петрограда обнаружили недостаток в жилых домах и бараках. Здесь рабочие и служащие размещались во временных домах, «положение лиц, получивших помещение в этого рода постройках, весьма сносно по сравнению с другими», несмотря на скученность, «в маленькой комнате в 3,5 аршина шириной помещается по 6–9 чел.» [НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 139/1078. Л. 16].

Большая же часть рабочих размещалась в бараках, перенаселенных сверх нормы и преимущественно легкого типа, «в некоторых из них (высоких) устроены по два ряда нар». На многих станциях за недостатком бараков помещения были устроены в вагонах-теплушках, здесь спали прямо на полу, «а на северных участках, где уже к концу лета обычно по вечерам замечается резкое понижение температуры, разбиты обыкновенные палатки, и в них живут как служащие, так и рабочие, некоторые с семьями». Такая теснота и недостаток помещений, по свидетельству комиссии, особенно на северном участке, «в связи с тяжелыми климатическими условиями, ведет к массовому уходу рабочих, в лучшем случае на другие участки, а часто обратно к себе на родину, чем расстраиваются планы технического персонала по выполнению работ» [НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 139/1078. Л. 17].

Заключение

Завершая обзор источников, позволяющих судить о повседневной жизни рабочих и служащих Мурманской железной дороги в чрезвычайных обстоятельствах революционных месяцев 1917 г., необходимо упомянуть протоколы комитета 9-го участка постройки дороги и общих собраний, проходивших на ст. Ягельный Бор [НА РК. Ф. 320. Оп. 7. Д. 1/4]. В них отразилось, в частности, стремление недавних выходцев из центральной России действовать прежде всего в своих крестьянских интересах в ущерб государственной идентичности и общегражданскому приоритету возведения стратегической коммуникации. Так, в начале июля 1917 г. исполнительный комитет первой дистанции 9-го участка рассматривал многочисленные заявления рабочих о получении расчета. В письмах из родных мест им сообщалось об отказах сельских обществ наделять землей лиц, работающих на оборону. Комитет вынужден был просить Центральный исполнительный комитет союза железнодорожников и начальника участка Д. Д. Кожевникова дать разъяснения по этому вопросу и «оповестить население через газету» о сохранении за работающими на оборону права на участие в переделе земли [НА РК. Ф. 320. Оп. 7. Д. 1/4. Л. 65].

В публикациях железнодорожников в газете «Мурманский путь», которая издавалась в Петрозаводске до марта 1918 г. и вместе с Союзом служащих и рабочих Мурманской магистрали не поддерживала захват власти большевиками

в октябре 1917 г., противопоставлены образы прошедшего и настоящего времени. Они использовались в журналистике ради целей, далеких от простой ностальгической грусти о минувшем. В последующие годы это противопоставление на страницах газет различного направления постоянно будет «работать» на современность, однако травмирующие практики воспоминания/забывания начинают корректироваться большевистским дискурсом, который произвольно обращался со временем и пространством в интересах творимых мифов.

События Октября 1917 г. теперь акцентировались и выделялись из контекста повествования о европейской катастрофе Первой мировой войны не только интерпретацией содержательной стороны переворота, но и его «эмоциональной перекодировкой» — замещением ощущения катастрофы 1917 г. праздничными текстами «радости» 1920-х гг. Ощущение катастрофы вполне логично переносилось индивидуальной и коллективной памятью на последующие события революции и Гражданской войны, тем более что эти события оттеснили мировую войну на периферию внимания обывателя. Особенно это прослеживается в воспоминаниях жителей населенных пунктов, которые располагались вдоль линии Мурманской железной дороги. Уже к лету 1918 г. магистраль, сооруженная ценой огромных человеческих усилий, превратилась в настоящий «фронт на рельсах» (рис. 5) и стала одним из плацдармов военных действий красноармейских частей против отрядов союзной интервенции.

Рис. 5. Разрушенный во время военных действий участок Мурманской железной дороги. 1918 г. [фото из НА РК]

Список сокращений

МПС — Министерство путей сообщения

НАРК — Национальный архив Республики Карелия

Список источников

- Доля построечника // Мурманский путь. 1917. 12 декабря.
НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 1/5.
НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 8/50.
НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 52/421.
НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 65/437.
НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 67/525.
НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 139/1078.
НА РК. Ф. 320. Оп. 7. Д. 1/4.
НА РК. Ф. 772. Оп. 2. Д. 9.
НА РК. Ф. 772. Оп. 2. Д. 18.
НА РК. Ф. 772. Оп. 2. Д. 19.
Очерки Мурманского быта // Мурманский путь. 1917. 5–8 ноября.
Постановление Временного правительства о досрочном выкупе в казну
Олонецкой железной дороги // Известия Общества изучения Олонецкой
губернии. 1917. № 1/2.
Построечник. От Кеми до Мурманска (письма туриста) // Мурманский
путь. 1917. 27 октября — 3 ноября.

Список литературы

- Агамирзоев К. М. Путь на Север: исторический очерк. Петрозаводск:
Скандинавия, 2008. 156 с.
Баданов В. Г., Кораблев Н. А., Жуков А. Ю. История экономики Карелии:
в 3 кн. Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. Кн. 1. 191 с.
Балагуров Я. А. Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии,
1861–1917. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1968. 215 с.
Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки
реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918.
Архангельск: САФУ, 2018. 623 с.
Голубев А. А. Мурманская железная дорога. История строительства
(1894–1917 гг.). СПб.: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2011. 205 с.
Дробизева Л. М. Российская идентичность и согласие в межэтнических
отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник Российской нации. 2012. № 4–5.
С. 17–34. URL: <http://pravorf.org/doc/drobizheva-leokadiya.pdf> (дата обращения:
4.02.2020).
Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны:
1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.
Змеева О. В. Стражники Мурманской железной дороги: регулирование
отношений и формирование этносоциального порядка (1915–1916 гг.) // Труды
Кольского научного центра РАН. 2019. Т. 10. № 2 (16). С. 53–67.
Копчева В. В. Время в русской культуре и языке // Пространство и время
в восприятии человека: историко-психологический аспект: материалы XIV
Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 16–17 декабря 2003 г.): в 2 ч.
СПб., 2003. Ч. 1. С. 304–310.
Кораблев Н. А. Карелия во второй половине XIX — начале XX века (1861–
1917 г.) // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск:
Периодика, 2001. 943 с.

Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Пг.: Управление по постройке Мурманской железной дороги, 1916. 204 с.

Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 гг.): военная необходимость и экономические соображения. СПб.: Нестор-История, 2011. 320 с.

Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога в планах стран — участниц Первой мировой войны // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы междунар. науч. конф. Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 240–247.

Трошина Т. И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск: САФУ, 2014. 347 с.

Ушаков И. Ф. Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период // Избранные произведения в 3 т.: историко-краеведческие исследования. Мурманск: Кольская земля, 1997. Т. 1. 648 с.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России. М.: РОССПЭН, 2011. 376 с.

Харитонов С. Ф. Рассказ о великом северном пути. Петрозаводск: Карелия, 1984. 144 с.

Шабает Ю. П. Народы Европейского Севера России: положение, специфика, идентичности. URL: <http://naukarus.com/narody-evropeyskogo-severa-rossii-polozhenie-spetsifika-identichnosti> (дата обращения 4.02.2020).

Juntunen A. Valta ja rautatiet. Luoteis-Venäjän rautateiden rakentamista keskeisesti ohjanneet tekijät 1890 — luvulta 2. Maailmansotaan. Helsinki: SHS, 1997. 210 p.

Сведения об авторе

Дубровская Елена Юрьевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Dubrovskaya Elena Yu.

PhD (History), Senior Research Fellow of the Institute of Language, Literature and History
of the Karelian Research Centre, RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.39-53

УДК 908: 930.2: 316.52 (470.21)

О. В. Змеева

РУКОПИСЬ Е. А. КАМЕНЕВА «ИМЕНА НА КАРТЕ»: О ФЕНОМЕНЕ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация

В статье представлен вариант краеведческого осмысления истории геологических открытий крупнейшего горного массива на Кольском полуострове — Хибин. Рукопись известного геолога Е. А. Каменева «Имена на карте» представляет собой компилятивный источник по истории геологического поиска, открытий и освоения апатитовых месторождений на Кольском п-ове в XIX–XX веках. Автор рукописи обращается к биографиям исследователей и путешественников, геологов, оставивших «имя» в истории изучения Хибин. Книга Е. А. Каменева основана

на модели «прошлого», «настоящего» и «будущего» Хибин, сформулированной академиком А. Е. Ферсманом. Рукопись является ярким примером научно-краеведческого текста, в котором аккумулированы результаты деятельности геологов-предшественников, направленные на формирование не только промышленного и социально-производственного ландшафта Хибин, но и исторического профиля региона.

Ключевые слова:

Е. А. Каменев, рукопись «Имена на камне», краеведческий текст, геолог-краевед, Кольский Север.

Olga V. Zmeyeva

**E. A. KAMENEV'S MANUSCRIPT "NAMES ON THE MAP":
ON THE PHENOMENON OF LOCAL HISTORY TEXT**

Abstract

The article is a variant of local history understanding of the history of geological discoveries of one of the largest mountain ranges on the Kola Peninsula (Khibiny). The manuscript of the famous geologist E. A. Kamenev "Names on the map" is a compilation source on the history of geological search, discoveries and development of Apatite deposits on the Kola Peninsula in the XIX-XX centuries. The author of the manuscript describes the biographies of researchers and travelers, geologists who left a "name" in the history of the study of the Khibiny. The Book of E.A. Kamenev is based on the model of "past", "present" and "future" of Khibiny, formulated by academician A.E. Fersman. The manuscript is a striking example of a scientific and historical text, which accumulates the results of the activities of geologists-predecessors, aimed at the formation of not only the industrial and socio-industrial landscape of Khibiny, but also the historical profile of the region.

Keywords:

E. A. Kamenev, manuscript "Names on the map", local history text, geologist, local historian, the Kola North.

История неоконченной книги

Евгений Арсениевич Каменев (19.02.1934, г. Петрозаводск — 27.12.2017, г. Петрозаводск) — хорошо известный на Кольском Севере исследователь, первооткрыватель двух апатитовых месторождений Ньюкпахк (1978) и Олений Ручей (1989), почётный гражданин города Апатиты, автор многочисленных научных публикаций, в том числе нескольких монографий. Он работал главным геологом Хибиногорской геолого-разведочной партии Мурманской геолого-разведочной экспедиции (1957–1984), главным геологом Комитета по геологии и использованию недр (1992–1997), старшим научным сотрудником Геологического института КНЦ РАН, с 1997 г. возглавлял сектор экономики минеральных ресурсов Севера Института экономических проблем КНЦ РАН [Каменев..., 2009, ЭР; Каменев, 2010: 197].

Кандидат геолого-минералогических наук — Е. А. Каменев — признанный ученый в отечественной науке: заслуженный геолог РФ (2002), награжден орденом Трудового Красного знамени (1976), медалями «За заслуги в разведке недр» (1984), «300 лет горно-геологической службе России» (2000), «За личный вклад в исследование и развитие Севера России» (2009), почетными знаками «Первооткрыватель месторождений», «Отличник разведки недр» (1979). В его честь назван новый минерал — каменевит (2017) [Каменев, 2010: 197; Kamenevite..., 2019].

Е. А. Каменев — автор книги «Имена на карте» [Каменев (Рукопись)]. Он, как и многие геологи, занимался не только историей геологических изысканий на Кольском п-ове, но и обращал внимание на малоизвестные факты биографии, повседневной и экспедиционной деятельности геологов-исследователей. Объектом изучения Евгений Арсеньевич выбрал историю геологического освоения Хибин и судьбы исследователей, которые внесли большой вклад в развитие Кольского п-ова. К сожалению, книга «Имена на карте» осталась незавершенной. Автор не успел придать ей ту цельность, которая соответствует вполне ясному и красивому ее замыслу. Об этом свидетельствуют особенности самого текста: он не был окончательно выстроен и сверстан, главы существенно различаются по объему и жанровым признакам, отсутствуют некоторые связи, библиография.

Евгений Арсеньевич не опубликовал свой труд при жизни, хотя подготовка издания и даже его предполагаемый скорый выход были им анонсированы. Этот факт является косвенным подтверждением того, что книга не была закончена. 8 ноября 2008 г. в областной газете «Мурманский вестник» было опубликовано интервью Зои Кабыш с Е. А. Каменевым, посвященное юбилейной дате дня рождения А. Е. Ферсмана.³ В нем сообщалось: «Сейчас готовится к печати его (Каменева. — О. З.) двухсотстраничная книга «Имена на карте», рассказывающая о геологах, оставивших важные вехи в истории исследования Хибин. Конечно, одно из главных имен в ней — Александр Евгеньевич Ферсман» [Кабыш, 2008: 6]. Как видим, предполагалось, что в книге будет не менее двухсот страниц. Между тем сейчас мы располагаем текстом, который в компьютерном наборе более чем в половину меньше. Почему публикация не состоялась — это вопрос, на который мог бы ответить только автор. Евгения Арсеньевича Каменева не стало в декабре 2017 г. За девять лет, которые разделяют это интервью и смерть автора, книга так и не была ни завершена, ни напечатана.

Историю замысла и создания «Имен на карте» можно отчасти восстановить по имеющимся публикациям Е. А. Каменева, начиная с 1980-х гг. Они рассеяны в самых разных изданиях: от научных и научно-популярных журналов до местной периодики и интернет-сайтов. В частности, отдельные фрагменты будущей книги можно обнаружить на страницах региональных газет. Это очерки, посвященные исследователям Хибин А. Е. Ферсману [Каменев, 1983, 2000, 2003], Н. В. Кудрявцеву [Каменев, 1997], А. Ф. Миддендорфу [Каменев, 1998], Н. В. Широкину [Каменев, 1998], С. И. Златогорову [Каменев, 1999], А. Н. Лабунцову [Каменев, 1994], М. А. Павлову [Каменев, 1997], Б. А. Линденеру [Каменев, 1999], М. П. Фивегу и Г. С. Пронченко [Каменев, 1999] и многим другим исследователям. Многие публикации озаглавлены так же, как и главы в будущей книге, их текстуальное совпадение фактически полное. Большой частью газетные и журнальные статьи связаны с историей геологических открытий на Кольском п-ове, прежде всего с так называемой «хибинской эпопеей» А. Е. Ферсмана, и последовавшим развитием академической науки в регионе [см. напр.: Каменев, 2002, 2008]. Среди работ на эту тему есть

³ А. Е. Ферсман родился 8 ноября (27 октября по старому стилю) 1883 г. в Санкт-Петербурге.

публикации, напечатанные в научных изданиях [см. напр.: Каменев, 1998, 2004; Токарев, Каменев, 2010].

Для специалистов, работающих с рукописями и готовящих к печати любые произведения, особый интерес всегда представляют настоящие или предыдущие копии, варианты текста. Открытое интернет-пространство позволило понять, что Е. А. Каменев поделился своими заметками с кем-то из коллег, друзей. Мы обратили внимание на одну персональную страницу пользователя Интернета, в архиве которой была обнаружена копия рукописи Е. А. Каменева. Интернет-источник, который в сетевом пространстве принято называть «архивом», содержит информацию, ранее размещенную на сайте. Она может представлять тексты, фотографии, картины и картинки, схемы, таблицы любого объема и содержания, они могут быть написаны пользователем «дневников», «личных страниц», «сайтов», а может быть копией или фрагментом какого-либо источника (опубликованного или неопубликованного). Нашим источником стал «архив» пользователя сервиса онлайн-дневников — «Живого Журнала» (Livejournal или ЖЖ). В этом «архиве» размещен текст Е. А. Каменева, страницы которого практически полностью воспроизводят содержание рукописи «Имена на карте». Автор страницы (пользователь), зарегистрированный под именем «nick_k56» [Nick_k56, ЭР], называет опубликованный в онлайн-дневнике вариант «очерками Е. А. Каменева». Таким образом, начиная с 3 марта 2010 г., а именно в этот день, на странице пользователя Nick_k56 были размещены первые фрагменты «очерков» под названием «Из истории освоения Хибин», заинтересованная интернет-аудитория могла ознакомиться с неизданной книгой Е. А. Каменева. Интернет-публикацию предваряет следующий текст:

На заре Internet-строительства была у нас с Евгением Арсениевичем Каменевым идея создать страничку по истории освоения Хибин. Но по разным причинам тогда этого не случилось. Между тем его очерки остались, и я думаю они могут быть интересны. Так и назовем эту серию «Из истории освоения Хибин»⁴ [Каменев, 2010, ЭР].

Действительно, представленные фрагменты разделены на части (интернет-страницы), всего их восемь. Они составляют структурированный текст, фактически дублирующий большую часть рукописи Е. А. Каменева. Электронный вариант публикации заканчивается фрагментом под названием «Признание» (он посвящен заключительным размышлениям А. Е. Ферсмана об открытии залежей апатита в Хибинах). Текст, опубликованный в «Живом Журнале», составляет первые 59 страниц рукописи «Имена на камне». Практически весь текст, опубликованный в «Живом Журнале» на странице пользователя под именем «nick_k56», является републикацией газетных и журнальных текстов Е. А. Каменева.

Геолог-краевед

Историю промышленной индустриализации Кольского п-ова невозможно рассматривать без истории геологических открытий и экспедиций, оценки запасов природных ресурсов и разработки апатитовых месторождений. До появления городского поселения в Хибинах научная деятельность в горных

⁴Орфография источника сохранена.

районах Русской Лапландии⁵ имела экспедиционный характер. То есть до начала строительных и промышленных работ в Хибинах, а именно в районе будущего города Хибиногорска, люди в центральной части Кольского п-ова появлялись только в период экспедиционных и полевых сезонов.

Опыт изучения центральной части Кольского п-ова, той территории, на которой не было постоянного населения до 1930-х гг., является ярким примером заимствования краеведами описаний наблюдений, свидетельств, фактов и событий, фрагментов путевых заметок, очерков, дневниковых записей и воспоминаний предшественников.

В частности, о первых систематических исследовательских поездках в Хибины мы многое узнаем не из документов или архивных материалов, а из опубликованных научно-популярных источников геолого-минералогического направления, авторами которых являются путешественники и первые исследователи этого горного пространства.

Оценивая значение публикаций Е. А. Каменева на темы истории науки, мы исходим из того, что они относятся к области исторического краеведения и в этом смысле «противопоставляются собственно науке в ее “академическом” варианте» [Разумова, 2013: 6].

Геологи уже отчасти по роду своей деятельности призваны быть «краеведами», поскольку они, как правило, являются «первопроходцами» ранее не освоенных мест, их разыскания способствуют развитию территорий в промышленном и, следовательно, в социальном отношении. «Краеведение придает местности, не имеющей “авторского происхождения”, историзм, открывает в ее прошлом, хотя бы и очень недавнем, что-то совершенно новое, ценное» [Лихачев, 2000: 161]. С геологических находок началась «история» Хибинского ареала Кольского п-ова. Личности геологов, поисковиков и исследователей, наряду с прочими путешественниками, впервые описавшими те или иные земли, становятся самыми значимыми историческими персонами. Книга Е. А. Каменева служит тому подтверждением. Справедливости ради нужно отметить, что Евгений Арсениевич не является исключением для сообщества геологов Кольского научного центра РАН.

Современные геологи, работающие на Кольском п-ове, продолжают изучать материалы исследователей-геологов прошлого, восстанавливать отдельные фрагменты историко-геологического освоения полуострова. Усилиями сотрудников Геологического института КНЦ РАН с 2004 г. проводятся ежегодные конференции — Всероссийские Ферсмановские научные сессии, посвященные, как правило, юбилеям знаменитых геологов. Результатами научных сессий являются ежегодные сборники «Трудов Ферсмановской сессии» (вып. 1–15), посвященные истории геологических открытий и биографии знаменитых геологов, минералогов, геохимиков, геофизиков и др. Кроме того, геологи совместно с историками, этнографами и другими специалистами КНЦ РАН занимаются вопросами истории становления геологической науки на Кольском п-ове, создания и функционирования комплексного научного центра

⁵Кольский полуостров исследователи вплоть до 1930-х годов именовали Русской Лапландией. В. Н. Львов, автор географического и этнографического очерка о Русской Лапландии и русских лопарях, дал следующее обозначение: Русская Лапландия — «внутренность Кольского полуострова» [Львов, 1916: 5].

в Мурманской обл., спецификой и перспективами его развития. Даже если судить только по материалам научно-популярного и информационного журнала Геологического института КНЦ РАН «Тиетта» за 2007–2018 гг., можно сделать заключение, что геологи ощущают свою ответственность не только за обоснование утилитарного подхода к территории и формирование ее производственного профиля, но и за создание профиля исторического. В этом отношении им есть на кого равняться.

Прецедентной личностью служит академик А. Е. Ферсман — не только выдающийся организатор науки и ученый, но ключевая фигура местной истории [Пация, Разумова, 2006]. Общеизвестно, что А. Е. Ферсман активно популяризировал геологическую науку и немало способствовал развитию к ней интереса, прежде всего, у юных читателей, а также в обществе в целом [см. напр.: Петров, 1965; Лоскутова, 2010: 658–660]. Более того, он считал, что освоение и изучение края должно осуществляться не только в естественно-научном отношении, но и в историко-культурном. Известно также, что А. Е. Ферсман внес значительный вклад в местную топонимию. Он «изобретал» вместе с коллегами наименования природных объектов, основываясь на общении с местными жителями, полевых наблюдениях и собственной фантазии: «Так, олень, встреченный в долине у горы <...> Дал повод А. Е. Ферсману назвать эту долину Поачвум — Оленья долина; текущую по ней реку — Поачвумйок, а гору — Поачвумчорр» [Кошечкин, 1979: 121].

В отчетах об экспедициях и поездках А. Е. Ферсмана в Хибины, официальных или научно-популярных, представлена не только подробная информация о географии и геологии исследуемой местности, которая впоследствии становится историей геологического освоения, но и множество сведений «краеведческого характера». Это исторические и этнографические описания. А. Е. Ферсман использовал комплементарный подход к описанию действительности как при составлении научных отчетов, так и при написании научно-популярных книг. Академик не ограничивался геологическим описанием, он украшал текст, фиксируя этнографическую реальность, тем самым создавая догородскую историю Центральной Лапландии (см. напр.: [Ферсман, 1924, 1929, 1945]).

Е. А. Каменев фактически продолжает ферсмановские традиции, к которым относятся внимание геологов-практиков к природе и культуре, просветительские устремления и деятельность по конструированию локальной истории. Его книга — пример особой категории научно-краеведческого текста, в котором «присутствуют атрибуты научности, хотя и не в полной мере» [Разумова, 2013: 17]

Рукопись Е. А. Каменева «Имена на камне» — история геологического поиска, открытий и освоения апатитовых месторождений на Кольском полуострове

Наследие А. Е. Ферсмана

Рукопись Евгения Арсениевича Каменева названа «Имена на карте». Она представляет собой набранный на компьютере (в программе Microsoft Word) и распечатанный текст (91 страница формата А4).

«Имена на камне» — биографические очерки об ученых, исследовавших Хибины. Предваряя структуру собственного исследования, автор начинает книгу

с цитаты: «Я усиленно работаю над составлением большой книги о прошлом, настоящем и будущем Хибин. Подвожу итоги всем нашим работам — писал А. Е. Ферсман из Ессентуков осенью 1939 года академику В. И. Вернадскому»⁶. Е. А. Каменев приводит заключительный отрывок из письма, в котором А. Е. Ферсман делится идеей написания книги о результатах работы в Хибинах [Переписка..., 1965: 451]. Эта книга так и не будет закончена академиком.

Основываясь на размышлениях А. Е. Ферсмана, Е. А. Каменев выстраивает определённую повествовательную структуру. Главная идея описана во вступительной части книги «Имена на карте» (этот фрагмент, который можно считать предисловием от автора, не озаглавлен) и опирается она на логику, которая, по мнению Е. А. Каменева, присутствует в работе А. Е. Ферсмана «Наш Апатит» [Ферсман, 1968]. Именно эта книга, как считает Евгений Арсениевич, и является результатом ферсмановской задумки «большой книги» о Хибинах, которая была составлена из очерков А. Е. Ферсмана и напечатана спустя более чем двадцать лет после его смерти. Эту «небольшую книжку» академик С. И. Вольфович называет «плодом его (Ферсмана. — О. З.) пропаганды хибинских апатитов» и отмечает: «В публикуемых очерках, по времени относящихся к периоду до 1941 года, рассыпан целый ряд идей и прогнозов А. Е. Ферсмана» [Ферсман, 1968: 8].

Е. А. Каменев увидел в книге А. Е. Ферсмана «Наш апатит» историю, состоящую из трех частей: «В ней поэтизировано *Прошлое*, восходящее к народному эпосу “Калевала” с ее главными героями Трудом и Борьбой. *Настоящее* овеяно романтикой научных поисков и открытий. Заглядывая в *Будущее*, в беспокойном воображении Ферсману рисовались контуры светлого “Города Солнца”, населенного счастливыми людьми-тружениками» [Каменев (рукопись): 5]. При этом книга «Наш апатит» не имеет структурных элементов, в заглавии которых присутствуют «прошлое», «настоящее», «будущее». Оставаясь в этих «временных координатах», Е. А. Каменев размышляет о линиях времени в книге А. Е. Ферсмана, вписывает их в структуру книги «Имена на карте».

А. Е. Ферсман задумал книгу об истории пути, или, как он пишет, тропы, «по которой сотнями лет перемещались народы, по которой сотнями лет гнали почтовую ямщину и которую за 20 лет человеческая мысль и техника превратили в могучую электромагистраль, в великую связующую ось между сердцем нашей страны — Москвой и заполярным форпостом социалистической стройки — Мурманском» [Ферсман, 1968: 12]. Вообще тема пути и дороги в работах академика об открытии апатита и изучения Хибин имела существенное значение [Змеева, 2018: 92–94]. История «полярной тропы» у А. Е. Ферсмана начинается с первых упоминаний о «Лопской земле» в эпосе «Калевала» и небольшого очерка об истории освоения Кольского п-ова, в котором автор размышляет о дороге на север. Он уделяет внимание роли почтового тракта в заселении полуострова переселенцами «с юга», о значимости временной железной дороги «Мурманки» для исследователей, «завоевывавших» север, а также железной дороги «нового типа» в 1920–1930-е гг. Эти фрагменты книги «Наш апатит», по определению Е. А. Каменева, относятся к «Прошлому» академика А. Е. Ферсмана. Затем книга содержит очерки «увлекательного настоящего», то есть описание пути

⁶ Здесь и далее сохранена орфография, пунктуация автора книги «Имена на карте» [Каменев (рукопись)].

исследователей-первооткрывателей апатитовых месторождений, которым является и сам А. Е. Ферсман. «Настоящее» отделено от «прошлого» новой событийностью, которая датируется первой поездкой А. Е. Ферсмана на Кольский п-ов весной 1920 г., началом экспедиционной деятельности в Хибинах, собственно, созданием нового горного центра. Вся эта деятельность объединена тематикой дороги, которая к 1930-м гг. разветвляется: строится дорога-ответвление к апатитовым разработкам, появляется железная дорога к новому городу и руднику. Социалистическое строительство для А. Е. Ферсмана, принимавшего участие и наблюдавшего за процессом строительства — реальность, а дороги, в том числе и горные маршруты, — это пройденные этапы. Заканчивается «Наш апатит» размышлениями о промышленных перспективах Кольского п-ова. Развивая мысль о химизации народного хозяйства, одну из задач которой Александр Евгеньевич видел в полном использовании отходов обработки апатитовой руды, он описывает идеальный тип комплексного использования добываемого сырья: «Несомненно, что в будущем алюминиевые, химические, стекольные и керамические заводы и черная металлургия Кольского Заполярья сумеют без остатка использовать нефелиновые отходы и создать новую отрасль химии — химию нефелинового сырья» [Ферсман, 1968: 133].

Книга «Наш апатит», в которой собраны фрагменты истории Кольского п-ова с XI по XX вв., объединена одной темой — историей пути, пути народов, исследователей, пути открытий, развития и перспектив. Заключение А. Е. Ферсмана с описанием вариантов городского, промышленного, сельскохозяйственного развития региона Е. А. Каменев оценил как новую задачу для учеников и последователей академика А. Е. Ферсмана.

Обращаясь к «будущему», которое прогнозировал академик, Е. А. Каменев отмечает, что многие предложения А. Е. Ферсмана не реализованы новыми поколениями: «По оценкам специалистов, на долю с пользой потребляемых полезных компонентов приходится только половина ценности добываемой руды. Остальная часть — сырье для получения алюминия, цемента, соды, поташа, титана, редких металлов — теряется в отходах обогащательных фабрик и химических заводов. К трудно оцениваемому ущербу от захламления природы, от недополученной продукции следует присовокупить прямые затраты на захоронение отходов неразумного хозяйствования» [Каменев (рукопись): 6]. Промышленное будущее Кольского п-ова, которое описал А. Е. Ферсман, во многом не реализовалось. Возмущение тем, что проблема комплексного использования руд, о которой А. Е. Ферсман писал еще в 1920-е гг. [Ферсман, 1929], так и не разрешена, отражено в четко сформулированной профессиональной позиции автора «Имен на карте», кандидата геолого-минералогических наук, геолога-разведчика Е. А. Каменева. Он критичен по отношению современным геологам: «Будущее, о котором мечтал Ферсман, для нас стало прошлым, и строили его мы сами (хотели, как лучше, а получилось, как всегда)». И далее: «Не таким видел будущее академик А. Е. Ферсман. Он считал нас умнее» [Каменев (рукопись): 5–6].

С одной стороны, время, о котором размышлял Ферсман, наступило. Часть намеченного реализована — открыты новые месторождения, добыто более 1,5 млрд т апатитовой руды — при том, что «Ферсман считал возможным пределом добычи апатитовой руды в пять миллионов тонн в год» [Каменев (рукопись): 5]. С другой стороны, «будущее» из мечты Ферсмана в 2000-е гг.

по-прежнему не реализовано в производственном смысле: «Уровень комплексного использования руд все еще остается низким» [Там же: 6]. Таким образом, современное научное сообщество, несмотря на развитие техники и технологий, остается отчасти в «прошлом», или в нереализованном «будущем» своих предшественников, признавая утопичность некогда намеченного ими проекта.

Итак, Е. А. Каменев увидел в книге «Наш апатит» модель времени, о которой писал А. Е. Ферсман в письме В. И. Вернадскому [Переписка..., 1965: 451]. Автор рукописи «Имена на камне» не воспроизводит собственный опыт изучения Хибин, как это делал А. Е. Ферсман. Описывая результаты хибинских экспедиций, он остается не только в пространстве, но и во времени главного первооткрывателя Хибин — А. Е. Ферсмана. Даже впечатления, которые произвели Хибин на впервые оказавшегося на Кольском п-ове Ферсмана, совпадают с впечатлениями Е. А. Каменева: «Слова, сказанные А. Е. Ферсманом 70 лет назад, выражают и мои размышления о полувековом периоде работы в Хибинах» [Каменев (рукопись): 7].

Можно предположить, что Е. А. Каменев попытался воплотить в биографическом аспекте идею книги А. Е. Ферсмана о прошлом, настоящем и будущем Хибин. Используя мысль и логику предшественника, Е. А. Каменев применяет ее к новым предмету и объекту — биографиям исследователей и путешественников, геологов, оставивших «имя» в истории изучения Хибин.

Может быть, поэтому Евгений Арсениевич сохраняет «время Ферсмана». Александра Евгеньевича не стало в мае 1945 г., послевоенное время для него — это и есть «будущее».

«Имена на карте» — структура и содержание рукописи

Е. А. Каменев фокусируется на одном географическом объекте, как и планировал А. Е. Ферсман. Автора интересует история Хибин, сохранившаяся в «именах» геологов-первооткрывателей, геологов-разведчиков. Имена на карте» — биографические очерки об исследователях Хибин. Книга разделена на периоды: прошлое, настоящее и будущее. Распределение персоналий по конкретным разделам связано, прежде всего, с открытием апатитовых месторождений и, конечно, с деятельностью А. Е. Ферсмана. Все, что было до открытия залежей апатита, — прошлое. Экспедиции А. Е. Ферсмана и его «хибинская эпопея» — это настоящее. А события, происходившие в Хибинах после смерти академика (1945), — это будущее.

Автор анонсирует структуру работы в предисловии. Он четко распределяет содержание по периодам:

«Прошлое» — это время от самого раннего упоминания о “Хибин-тундрах” геологом Н. В. Широкшиным в 1834 г., обзорных описаний местности в дневниках путешественников А. Ф. Миддендорфа, Н. В. Кудрявцева, геологических исследований многолетних экспедиций финских геологов под руководством Вильгельма Рамзая, познавательных экскурсий В. Ю. Визе и М. А. Павлова — до открытия апатитовых месторождений.

Настоящее начинается с 1920 г. работами экспедиции Академии наук, руководимой А. Е. Ферсманом (А. Н. Лабунцов, Е. Е. Костылева-Лабунцова, Б. М. Куплетский, Э. М. Бонштедт-Куплетская), и завершается геологическими разведками (Г. С. Пронченко, М. П. Фивег, Л. Б. Антонов), прерванными войной.

Это был период открытия и освоения апатитовых месторождений, строительства города Хибиногорска (ныне Кировска)» [Каменев (рукопись): 6].

«*Будущее* — это послевоенный период геологического изучения Хибин, период открытия и разведок новых апатитовых месторождений, который для нас — современников — уже закончился» [Там же: 7].

Каждая часть рукописи имеет самостоятельную структуру, в основе которой персональный и хронологический принципы. Каждый фрагмент посвящен пребыванию одного или нескольких исследователей на Кольском п-ове, оставивших «имя» в Хибинах. Это означает, что основанием для включения персонажа в книгу служит не только изучение им объектов Хибинского массива, желательного, чтобы имя геолога было зафиксировано на карте Хибин или отражено в названиях найденных там минералов.

Заголовками некоторых фрагментов служат цитаты из опубликованных работ исследователей. С точки зрения автора, они отражают основную мысль путешественника. Так, во фрагменте, посвященном Н. В. Широшкину, автор выносит в заголовок высказывание, которое представляет научное заблуждение Н. В. Широшкина: «*Хибины-тундры покрыты вечным снегом*».

Структура раздела «Прошлое» выстроена следующим образом [Каменев (рукопись): 9–40]:

«Хибины-тундры покрыты вечным снегом» (Н. В. Широшкин) [9–16].

«Всё для дела и ничего для славы» (А. Ф. Миддендорф) [17–20].

«Что за дикая, чудная красота!» (Ф. Д. Плеске, Н. В. Кудрявцев) [21–33].

Маршруты Финляндской экспедиции в Русскую Лапландию в 1887 году (В. Рамзай) [34–37].

«Мы были в центре Лапландии. Кругом стояла мёртвая тишина» (М. А. Павлов, В. Ю. Визе) [38–40].

В качестве первого исследователя Хибин Е. А. Каменев называет Н. В. Широшкина. Точка отсчета «прошлого» определена по профессиональному принципу. Автор не останавливается на популярных источниках, в которых упоминаются те или иные сведения о Хибинах, он отсылает читателя к одному из первых профессиональных журналов о горном деле — «Горному журналу». Более того, он ссылается на первый номер этого журнала за 1835 г. Именно в этом номере опубликована статья капитана Корпуса горных инженеров Николая Васильевича Широшкина, в которой «приводятся самые первые упоминания о «Хибинах-тундрах», пришедшие на смену донаучным преданиям «об огнедышащих горах, в которых водятся саламандры» [Каменев (рукопись): 9]. Повествование о прошлом начинается с первого профессионально-геологического описания Хибинского массива.

В начале каждого подраздела, посвященного тому или иному исследователю, автор знакомит читателя с персонажем. Он предоставляет краткую биографическую справку, которая содержит, в частности, информацию о специализации, географии экспедиционных и других научных работ, связи ученого с Хибинами, включая отражение его имени в топонимике Хибин или в перечне минеральных видов Хибинского ареала. Е. А. Каменев приводит более развернутую биографию тех исследователей, о которых, по его мнению, мало что известно широкой аудитории. Так, в биографию Н. В. Широшкина включены сведения об особенностях обучения студентов в Горном кадетском корпусе в XIX в.

Сообщая малоизвестные факты об отдельных исследователях и приводя целые фрагменты из их произведений, автор выполняет функцию просветителя. Он знакомит с малоизвестными и труднодоступными для неспециалистов источниками сведений об исследователях Хибин, а также с их сочинениями, которые содержат разнообразную информацию об изучаемом регионе, при этом она не является исключительно геологической по содержанию. Е. А. Каменев создает историко-краеведческий, компилятивный текст, с многочисленными сведениями об этнографии населения Кольского п-ова, географическими и топонимическими данными о Русской Лапландии, маршрутами первых путешественников. В этом смысле он представляет особый тип историка-краеведа [Юркина, 2018: 237].

«Настоящее» в книге Е. А. Каменева, в соответствии с комментариями автора, начинается с 1920 г., с первых экспедиций под руководством А. Е. Ферсмана. Этот раздел не имеет названия «Настоящее», он начинается с фрагмента текста об А. Е. Ферсмане под названием «Самыми яркими в моей жизни были впечатления от Хибин...». Раздел посвящен исследователям, первооткрывателям Хибинских месторождений и первопроходцам Хибин 1920-х гг. (А. Е. Ферсману, А. Н. Лабунцову, А. А. Саукову, В. И. Влодавцу, Г. С. Пронченко, М. Ф. Фивегу, Л. Б. Антонову Р. М. Руденскому и др.). Эта часть рукописи представляет собой самостоятельную историю, рассказывающую о становлении академической науки в Хибинах. Конечно, в этом разделе Е. А. Каменев пересказывает этапы освоения Хибинских тундр, названные впоследствии «Хибинской эпопеей» А. Е. Ферсмана. Также он приводит сведения о специалистах, которые оказали существенное влияние на организацию научно-образовательной работы в Хибиногорске (Кировске) и стабилизацию эпидемиологической обстановки в новом городе — Б. А. Линденере (минералог, педагог, преподаватель Горно-химического техникума в г. Кировске) и С. И. Златогорове (враче-микробиологе).

Структура раздела, посвященного советскому этапу исследований Хибин, следующая [Каменев (рукопись): 41–90]:

«Самыми яркими в моей жизни были впечатления от Хибин...» (А. Е. Ферсман) [Каменев (41–42)].

Вступление [42–43].

«Странная экспедиция в тундру» [43–44].

Хибинские будни и «пятницы» [44–46].

Путь к открытиям [46].

Новый сотрудник [46–48].

«Вперед за камнем!» [48–52]

На вершине Хибин [52]

«Долго будет Калерия сниться...» [52–53]

Хибин — это не Квебек и не Онтарио [53–54]

По дороге на Мурман [54–55]

Трое в горной тундре [55–57]

Первая тонна апатита [57–58]

Признание [59]

Переломный год [59–64].

«Северная Академия» [64–65].

Архивная находка [65–70].

«Письмо учёному соседу» [70–74].
Полководец науки [74–76].
Депутат Хибин [76–80].
Разведка доложила точно [80–83].
Линденер Борис Александрович [83–86].
Восстановим доброе имя [86].
Командировка на апатитовые разработки [86–88].
В застенках ОГПУ [88–90].

Сведениями о Б. А. Линденере и С. И. Златогорове автор заканчивает этот раздел. С одной стороны, он отступает от принципа размещения в книге сведений об исследователях, оставивших «имя» в истории геологического изучения Хибин. А с другой стороны, упоминая о них, автор включает в книгу биографии репрессированных ученых, которые работали в Хибиногорске. Он пишет: «Справедливость требует от нас, ныне живущих, помнить имена не только героев, совершивших трудовой подвиг в Хибинах, но и тех безвестных мучеников, кто за выполнение своего гражданского долга заплатил своей жизнью» [Каменев (рукопись): 89].

Послесловие

Послесловие, по логике автора «Имен на карте», должно было быть посвящено «будущему» А. Е. Ферсмана, то есть послевоенному периоду геологических исследований Хибин. Но Е. А. Каменев не написал об этом периоде. Он использовал рамочную композицию и вернул читателя к книге «Наш апатит», остановившись на том, что книгу эту собирали «близкие ученики» А. Е. Ферсмана. Ученики Ферсмана, «ферсманоиды», к которым Е. А. Каменев относил и себя, — это современные геологи, вдохновленные некогда идеями академика, в том числе и прочтением его историко-краеведческих и научно-популярных произведений «Три года за полярным кругом...» (1924), «Занимательная минералогия» (1928) «Воспоминания о камне» (1945), «Занимательная геохимия» (1948), «История одной тропы» (1959) и других [Ферсман, 1924, 1928, 1945, 1948, 1959]. Именно они являются представителями «будущего», которые сохранили традиции академика и стали «первооткрывателями» новых месторождений, новых минералов Хибин.

Вероятно, автор не считал, что он может писать о «будущем», так как «будущее» — это он сам и его современники. Евгений Арсениевич переосмыслил запланированную в предисловии концепцию: «Будущее Хибин, заложенное А. Н. Лабунцовым, А. Е. Ферсманом, В. И. Кондриковым, М. П. Фивегом, И. Г. Эйхфельдом, многими другими героями, трудовая биография которых начинается словом «первый»: первопроходец, первооткрыватель, первостроитель — это будущее доверено пронести нам. Будущее, о котором задумывались наши предшественники, для нас стало настоящим» [Каменев (рукопись): 90].

Пишущий исследователь, творческий геолог, геолог-краевед — это состоявшийся «ученик» А. Е. Ферсмана. «В социальном пространстве, которое занято историческими разысканиями, разнообразны статусы исследователей, определяющие их идентификацию: «краевед», «регионовед», «академический ученый», «историк-любитель» и т. д. Эти позиции могут совмещаться

или конфликтовать, быть выраженными в разной степени, выстраиваться в иерархии, меняться и т. д.» [Разумова, 2013: 6].

Е. А. Каменев посвящает историко-краеведческую книгу памяти академика, он заканчивает ее словами из научной монографии «Новые Хибинские апатитовые месторождения» [Каменев, 1982], тем самым подтверждая свой комбинированный статус: геолога-краеведа, геолога-разведчика, геолога-первооткрывателя.

Несмотря на отсутствие в книге раздела «Будущее», Е. А. Каменев заканчивает её. В послесловии он намекает читателю, что уже остановился и остановка — это «настоящее» самого автора. С одной стороны, он предлагает читателям поразмышлять об относительности понятий, о том, что даже его «настоящее» — это уже «прошлое». С другой стороны, его «настоящее» — это новый этап в осмыслении «прошлого». Два заключительных биографических очерка о Б. А. Линденере и С. И. Златогорова являются ярчайшим подтверждением этой мысли.

Список источников

Кабыш З. Каждому свой Ломоносов: интервью с Е. А. Каменевым // Мурманский вестник. 2008. 8 ноября. С. 6.

Каменев Е. А. «Все для дела и ничего для славы» // Хибинский вестник. 1998. 25 июля. С. 7.

Каменев Е. А. Вступление // Кировский рабочий. 1983. 16 июля.

Каменев Е. А. Жизнь и смерть профессора Златогорова // Дважды два. 1999. 11 ноября. С. 11.

Каменев Е. А. Забытый патриот: Заметки из истории Хибин // Дважды два. 1999. 23 декабря. С. 10.

Каменев Е. А. Из истории освоения Хибин. 2010. URL: <https://nick-k56.livejournal.com/41247.html> (дата обращения: 23.10.2019).

Каменев Е. А. Имена на карте: [рукопись]. 91 с.

Каменев Е. Имена на карте. Ферсман и Хибин // Дважды два. 2003. 6 ноября. С. 14.

Каменев Е. А. История открытий Хибинских месторождений // Дважды Два. 2002. 27 сентября; 4, 11, 18, 25 октября; 1, 8 ноября.

Каменев Е. А. От лопарской вежи до дворца науки // Хибинский вестник. 2008. 13 ноября.

Каменев Е. А. Разведка доложила точно // Хибинский вестник. 1999. 3 декабря. С. 6.

Каменев Е. А. Рядовой науки (К 110-летию геолога А. Н. Лабунцова) // Кировский рабочий. 1994. 29 сент., 4 окт., 6 окт.

Каменев Е. А. «Самыми яркими в моей жизни были впечатления от Хибин» // Тигетта. 2008. № 5. С. 55–60.

Каменев Е. А. «Северная Академия» // Хибинский вестник. 2000. 30 марта. С. 6.

Каменев Е. А. Судьба геолога Павлова на фоне уходящего века // Кировский рабочий. 1997. 19 декабря. С. 14.

Каменев Е. Хибинские маршруты академика // Хибинский вестник. 2003. 5 ноября. С. 6.

Каменев Е. А. «Хибины-тундры покрыты вечным снегом» // Хибинский вестник. 1998. 18 июля.

Каменев Е. А. «Что за дикая, чудная красота!» // Полярная правда. 1997. 8 июля.

Каменев Е. А. «Что за дикая, чудная красота!» // Хибинский вестник. 1998. 8, 15 авг. С. 6.

Переписка А. Е. Ферсмана с В. И. Вернадским // Александр Евгеньевич Ферсман. 1883–1945. Жизнь и деятельность: сборник, посвященный выдающемуся советскому ученому, геохимику и минералогу, кристаллографу и геологу, географу и путешественнику. М.: Наука, 1965. С. 411–457.

Ферсман А. Е. Наш апатит. М.: Наука, 1968. 136 с.

Nick_k56 // Живой Журнал. URL: <https://nick-k56.livejournal.com.html> (дата обращения: 23.10.2019).

Список литературы

Змеева О. В. Полевой сезон геолога и практики мобильности: к истории минералогических исследований Хибинских тундр // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5 (174). С. 91–96.

Каменев Е. А. «Северная академия» // Этнокультурные процессы на Кольском Севере: сб. ст. / МЦНКО КНЦ РАН. Апатиты: КНЦ РАН, 2004. С. 116–125.

Каменев Е. А. Переоценка минерально-сырьевых ресурсов России: цели, задачи и предварительные итоги // Север и рынок. 1998. № 1. С. 53–56.

Каменев Евгений Арсениевич // Кольская энциклопедия. / гл. ред. В. П. Петров. СПб.; Апатиты; Мурманск, 2009. Т. 2: [Е–К]. URL: http://ke.culture.gov-murman.ru/slovník/?ELEMENT_ID=95272 (дата обращения: 23.10.2019).

Каменев Евгений Арсениевич // Ученые Кольского научного центра 1930–2010 / гл. ред. В. Т. Калинин. Апатиты, 2010. С. 197.

Кошечкин Б. И. Тундра хранит след: Очерки об исследователях Кольского Севера. Мурманск: Кн. изд-во, 1979. 152 с.

Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.

Лоскутова М. В. Академия наук и краеведческое движение первой четверти XX в. // Академия наук в истории культуры России в XVIII–XX вв. СПб., 2010. С. 645–677.

Львов В. Н. Русская Лапландия и русские лопари: Географический и этнографический очерк. М.: Типо-литография Печатного и Издательского дела, 1916. 96 с.

Новые Хибинские апатитовые месторождения / под ред. Е. А. Каменева, Д. А. Минеева. М.: Недра, 1982. 182 с.

Пация Е. Я., Разумова И. А. Genius loci (А. Е. Ферсман) // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты: КНЦ РАН, 2006. С. 60–69.

Петров Ф. Н. Организатор и вдохновитель массового краеведения // Александр Евгеньевич Ферсман. 1883–1945. Жизнь и деятельность: сборник, посвященный выдающемуся советскому ученому, геохимику и минералогу, кристаллографу и геологу, географу и путешественнику. М.: Наука, 1965. С. 326–328.

Разумова И. А. Краеведческий текст в социальном поле исторической науки (размышления над книгой А. А. Киселева «Записки краеведа») // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: КНЦ РАН, 2013. Т. 6 (19), вып. 4. С. 5–19.

Токарев А. Д., Каменев Е. А. Первая поездка А. Е. Ферсмана на Кольский полуостров в 1920 г. (о дате поездки и составе делегации) // VII Всероссийская Ферсмановская научная сессия, посвященная 80-летию Кольского научного центра РАН. Апатиты, 2010. С. 220–222.

Ферсман А. Е. Воспоминания о камне. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 83 с.

Ферсман А. Е. История одной тропы (из истории Кольского полуострова). Л.: Детгиз, Ленингр. отд-ние, 1959. 111 с.

Ферсман А. Е. Апатитонефелиновая проблема Хибинских тундр. (По данным работ и исследований на 15-е окт. 1929 г.). Л.: Науч. химико-техн. изд-во Науч.-техн. упр. В.С.Н.Х., 1929. 96 с.

Ферсман А. Е. Занимательная минералогия. Л.: Время, 1928. 318 с.

Ферсман А. Е. Три года за полярным кругом. Очерки научных экспедиций в Центральную Лапландию 1920–1922 годов. Пг.: Время, 1924. 78 с.

Ферсман А. Е. Занимательная геохимия. Химия земли. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 304 с.

Юркина Н. Н. Значение краеведения и регионоведения для познания отечественной истории // Преподаватель XXI век. 2018. № 3. С. 233–246.

Kamenevite, $K_2TiSi_3O_9 \cdot H_2O$, a new mineral with microporous titanosilicate framework from the Khibiny alkaline complex, Kola peninsula, Russia / I. V. Pekov [et al.] // European J. Mineralogy. 2019. Vol. 31, No. 3. P. 557–564.

Сведения об авторе

Змеева Ольга Васильевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Zmeyeva Olga V.

PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

М. В. Иванова, О. В. Шабалина

ОСОБЕННОСТИ ТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СААМОВ НА ТЕРРИТОРИИ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА В XIX ВЕКЕ

Аннотация

В статье осуществлен анализ технологического процесса торговли коренного населения Кольского п-ова в XIX в. в проблемном поле экономической истории. Выделены социально-экономические группы населения, взаимодействовавшие на региональном рынке, рассмотрены элементы организационной и территориальной структуры торговли, ее специфические особенности в исследуемый период. Отмечена обоюдно осознанная необходимость в заключении маловыгодных сделок между лопарями (саамами) и другими субъектами рынка в исторически сложившихся социально-экономических условиях, осложнявшихся экстремальными природно-географическими условиями региона. В работе использованы историко-генетический, историко-сравнительный методы, многофакторный анализ. Источниковая база исследования представлена опубликованными этнографическими трудами и архивными документами

Ключевые слова:

саамы (лопари), коляне, Кольский Север, торговля, промыслы, пути сообщения.

Medeya V. Ivanova, Olga V. Shabalina

CHARACTERISTICS OF THE TRADE ACTIVITIES OF THE SAMI WITHIN THE TERRITORY OF THE KOLA PENINSULA IN THE 19-TH CENTURY

Abstract

The article analyzes the technological process of trade of the indigenous population of the Kola Peninsula in the 19th century in the problematic field of economic history. The socio- economic groups of the population interacting on the regional market are identified, the elements of the organizational and territorial structure of trade, its specific features in the researched period are considered. A mutually recognized need was noted for unprofitable transacting between the Lapps (Sami) and other market entities in historically developed socio-economic conditions, complicated by the extreme natural and geographical settings of the region. In the work historical-genetic, historical-comparative methods, multivariate analysis are used. The source base of the study is represented by published ethnographic works and archival documents

Keywords:

Sámi (Lapps), Kola residents, Kola North, trade, crafts, lines of communication.

Введение

Раннему развитию торговых отношений на территории Кольского п-ова способствовали особенности исторического развития региона. Отсутствие крепостничества, большая степень хозяйственной и личной свободы привели к тому, что Кольский Север рано стал одной из «товаризованных» областей Российского государства, так как суровый климат, невозможность обеспечить себя собственным хлебом обусловили развитие подсобных промыслов на этих окраинных землях, которые стали практически основным занятием местного населения.

В удельный период, когда Великий Новгород стал самым значительным и богатым торговым центром на Руси, удачно близко располагавшимся к главным

речным транспортным путям и к выходу через р. Волхов в Балтийское море, Терский берег Кольского п-ова, включая район р. Кола, стал провинцией, зависимой от Новгорода, хотя и не вошел территориально в состав Новгородской республики [Ключевский, 1906: 72–73; Шаскольский, 1962: 272; Шумилов, 2006: 152]. Состоятельные новгородские бояре-промышленники отправляли свою челядь в экспедиции в глубь северных земель, где она разными способами завладевала рыбными и охотничьими угодьями, соляными варницами, основывала свои колонии, облагала данью местное население. Следом целые отряды ушкунников — свободных новгородцев — устремлялись на Север с промысловыми и торговыми целями, не гнушаясь разбоем и кабалой местных финских племен, в том числе и лопарей (саамов) [Мельгунов, 1905: 87–93; Платонов, Андреев, 1922: 26–37; Чиркин, 1922: 7–12; Перхавко, 1999: 167–170; Шумилов, 2006: 153–154].

В XIII–XV веках Северо-Восточная Русь была тесно связана в торговом отношении с Ганзейским союзом северогерманских и ливонских городов. В XVI–XVII вв. центр внешней торговли все более смещался в северный и северо-западный регионы страны. Обмен «низового хлеба» на местную рыбу, меха, продукты морского зверобойного промысла определили основное содержание внутренней торговли на Кольском п-ове в XIV–XV вв. [Шумилов, 2006: 454]. После начавшейся во второй половине XIV в. монастырской колонизации на юге Кольского п-ова активными игроками на региональном и внешнем рынке страны становятся монастыри: на северо-западе — в конце XV в., на востоке — в XVI–XVII вв.. Особенно преуспел в такого рода деятельности Печенгский монастырь, который XVII в. на своей территории имел порто-франко, т. е. торговал и вывозил товары беспошлинно [Калинин, 1929; Иванов, 2007]. Коммерческие связи с иностранцами стимулировали формирование всероссийского рынка и производственную специализацию различных районов, развитие таможенного, налогового и торгового законодательства. Вся торговля носила в основном меновой характер [Шумилов, 2006: 455].

Исторические источники свидетельствуют о том, что в 50-х гг. XVI в. торговые суда датчан, голландцев и норвежцев регулярно появлялись у Мурманского берега и заходили в бухту у мыса Кегор на п-ове Рыбачий. Иностранцы выменивали у местного населения, в т. ч. и лопарей (саамов), семгу, треску, рыбий жир, сало и кожи морских животных, пушнину на привезенное золото, серебро, ювелирные изделия, серебряную посуду, олово, жемчуг, разные сукна, пиво, вино, муку [Громыко, 1960: 239, 244; Ключевский, 1991: 217–218].

В 1557 г. надзирал за торговлей и собирал пошлины на ярмарке в Кегоре московский чиновник. Он осматривал товары у подвластных московскому государю лопарей и карел и давал им разрешение на продажу; так же поступали датский и шведский чиновники [Ключевский, 1991: 218]. Торг носил меновой характер, но цены измерялись деньгами — алтынами и талерами [Вальдман, 1968: 53–58; Шумилов, 2006: 55]. В 1565 г. нидерландцы появились в Печенгской и Кольской губах [Кордт, 1902: XIX–XXVI; Любименко, 1933: 731; Громыко, 1960: 240–243]. Лопари (саамы) уже имели опыт общения с разного рода коммерсантами и совершали торговые сделки с ними. Основавший в 1532 г. русскую колонию монастырского типа Св. Трифон, по словам жития, «близ той реки [Печенги] обретающимся лопарям начат яко бы творити беседы о куплях», т. е. наряду со своей миссионерской деятельностью выступал также в роли купца.

Монастыри в XVI в. активно скупали земли и промысловые угодья у местного населения, получали жалованные грамоты на приобретенное, развивали торговлю в Коле, Печенге, Поное [Калинин, 1929: 60; Иванов, 2007: 255–276]. Монахи Печенгского монастыря для сбыта собственных товаров на своих судах ходили в норвежский порт Вардегус [Громыко, 1960: 240].

В начале 1580-х гг. датчанам удалось потеснить русских, «обескровленных» Ливонской войной, на Кольском побережье [Сборник..., 1883: 8–9, 11]. В 1570-х — первой половине 1580-х гг. центр мурманской торговли переместился в незамерзающий порт Колы, располагавшейся на мысе у впадения р. Кола в залив на расстоянии 75 км от моря и куда в середине XVI в. была проложена единственная дорога, пересекавшая Кольский п-ов, — Кольский тракт [Шаскольский, 1962: 275–278]. В 1582 г. первый русский воевода А. И. Палицын в Коле построил двор с весами для торговли с норвежцами, а второй воевода М. Ф. Судимантов укрепил Кольский острог. В этом крупном центре русской внешней торговли с Западной Европой наряду с товарами, привезенными из других стран и из внутренних районов государства, активно продавались местные товары. И. П. Шаскольский констатировал, что «до 1585 г. Кола вместе с Печенгой и Кегором имели большее значение для внешней торговли России, чем гавани в устье Северной Двины» [Кордт, 1902: XXVI–XXIX, ЛП; Шаскольский, 1962: 278; Флоря, 1973: 130]. В 1581 г. после захвата шведами Нарвы и побережья Финского залива были нарушены торговые связи по Балтийскому морю. Поэтому Иван IV Грозный поощрял появление в Коле иностранных купцов: ганзейских немцев и французов, фламандцев, голландцев, которые в 60–70-е годы XVI в. ходили к Нарве [Шумилов, 2006: 456]. В 1575–1585 гг. они везли на Мурманский берег металлы и металлические изделия (медную и железную проволоку, ртуть, олово, и т. д.), химические вещества и лекарственные препараты (нашатырь, квасцы, мышьяк, купорос, сулему, камфару и т. д.), специи и пряности (корицу, перец, гвоздику, анис, шафран, имбирь и т. д.), сахар и изюм. Огромным спросом на вывоз пользовались семга, сало и кожи морских животных, треска. Особенно большой интерес к этой торговле проявляли нидерландские купцы, так как она была высокоприбыльной, например, семга кольская на Мурманском берегу стоила — 2 руб. за бочку, а в Нидерландах — 3 руб. 32 алт., в Брабанте — 3,5–4 руб. [Громыко, 1960: 229–236, 246, 248–256].

В 1584–1586 гг. в Архангельске было завершено строительство объектов таможенной инфраструктуры, частных дворов для приема иноземных и русских купцов, т. е. были созданы все необходимые условия для цивилизованного ведения торговых операций и надзора за ними местной администрации. Поэтому центр мурманской торговли был перенесен из Колы в Архангельск. С 1586 г. в Коле было разрешено торговать только палтусом, треской, ворванью и рыбьим жиром [Шумилов, 2006: 454–457].

Действуя разными методами, монастыри в XVII в. были главными скупщиками красной рыбы у местных промышленников. Заезжие коммерсанты-голландцы скупали шкуры тюленей, ворвань, пушнину (шкурки белых и голубых песцов, лисиц, росомах), ровдужные (замшевые) рукавицы, которые были уже перекупным товаром, так как приобретались уже у местных скупщиков, а не производителей [Калинин, 1929: 72]. Вскоре вотчинники-монастыри стали торговыми монополистами на востоке Кольского п-ова. Монастырские

покрученники часто практиковали меновую торговлю с лопарями. Отправляясь к местам промысла, они брали из монастырской казны в счет зарплаты обувь, шапки, сермяжное сукно и т. п. для обмена с местными жителями на пушнину, каньги, оленину. Такая торговля была мало подвластна фискальному контролю со стороны монастырских финансовых агентов, голов и целовальников [Калинин, 1929: 75].

В XVII в. сосредоточием торговых операций был восток территории будущей Архангелогородской губернии (1708), но в Мезени, Пустозерске, Кевроле и Коле продолжали развиваться «торговые пристанища», впоследствии ставшие известными по всей России ярмарками XVIII — начала XX вв., куда стремились попасть купцы из развитых экономических центров страны, включая Москву, Тверь и другие крупные города [Вехов, 2004: 43–49].

На рубеже XVII–XVIII вв. монастыри утратили свое прежнее значение, а их хозяйство испытывало кризис. Морские промыслы передавались откупщикам, солеварение на Кольском Севере пришло к упадку из-за наполнения рынка более качественной солью из других регионов. После 1682 г. правительство прекратило раздавать лопарей (саамов) вместе с вотчинами монастырям, а в 1764 г. в результате секуляризации монастырских земель все церковные владения в регионе стали государственными. Одновременно поменялась система государственного управления: Кольский уезд в 1708 г. по указу Петра I стал частью Архангелогородской губернии. Во время Северной войны со Швецией за выход в Балтийское море Север стал обретать стратегическое значение. Но коммерческие преференции получил новый порт Санкт-Петербурга, куда из-за более низкого таможенного сбора был перенаправлен грузопоток [Федоров, 2004: 149–157].

В первой половине XVIII в. были отменены торговые операции по продаже, аренде земли. В 1704–1721 гг. северные промыслы ворвани и трески Петр I отдал на откуп Сальной компании А. Д. Меншикова и П. П. Шафирова [Дадыкина, Крайковский, 2014: 71–77]. Правительство Анны Иоанновны продолжило практику монополий на Севере и, кроме того, вложило государственные средства в экономику Кольского Севера, начав добычу стратегически важных серебряных и медных руд. Но из-за малых мощностей предприятия быстро закрылись. В период просвещенного абсолютизма реформы Екатерины II вновь упразднили монополии на морские промыслы, были отменены сборы с морских промыслов и производственных помещений, а по Указу 28 июня 1780 г. прекращалось взимание пошлин с судов и «работных» людей, приходящих в Кольский острог на Мурманский берег для промысловых работ. Политику оживления торгово-промышленной жизни в регионе продолжили Павел I и Александр I, вложивший свои средства в акции Беломорской промысловой компании. В 1809–1810 гг. англичане разграбили Мурманское побережье и Кольская таможенная застава закрылась. Беломорская компания потерпела фиаско [Иванова, Шабалина, 2017: 52].

В «Атласе Архангельской губернии с топографическими, историческими, экономическими и камеральными описаниями» (1797) отмечено, что торг в Коле проходил один раз в год в марте-апреле. На него приезжали из Архангельска, Холмогор, Онеги, Кеми и их округа, а также со всего Кольского п-ова и из Корел «разного звания люди для отъезда на море на рыбные и звериные промыслы, кои привозят с собою на продажу по небольшому количеству холстов узких

крестьянской работы, уда рыболовные и прочие для жителей нужные вещи» [Атлас..., 1797: 16]. В Коле промышленники покупали промасленные лодки (шняки), чтобы добраться до становища, хлебные припасы, веревки, соленую треску, юфть и др. Летом кольские и иногородние купцы доставляли морем из Архангельска и Онеги на продажу съестные припасы и вещи, а у местных жителей, в том числе и лопарей (саамов), в августе-сентябре, после окончания промыслов, скупали семгу, треску, пикшу, палтус, соленые сухие тресковые головы, сало, мягкую рухлядь, оленину и другие товары, которые также морем на тех же судах доставляли в Архангельск [Там же: 16–17, 20–21].

Технологический процесс торговли на Кольском Севере с участием коренного населения (саамов) в XIX в.

Прежде чем воспроизвести сам процесс торговли с участием коренного населения Русской Лапландии (саамов), необходимо рассмотреть элементы организационной и территориальной структуры торговли в исследуемый период.

Во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. региональный рынок Кольского Севера включал три сферы торговли — развозно-разносную, периодическую, стационарную. Удельный вес стационарной торговли в регионе был крайне мал, и только к концу XIX в. наметилась тенденция к росту этого показателя. Товарооборот на Кольском п-ове был замедленным, так как торговые операции осуществлялись через множество посредников (в основном мелких предпринимателей), но достаточно разнообразным. Сформировавшийся к концу XVIII в. единый товарный всероссийский рынок продолжал совершенствоваться за счет роста и укрепления межрегиональных экономических связей [Дихтяр, 1960: 86–94]. На протяжении XIX в. Архангельская губерния сохраняла высокую зависимость от внешней торговли. Важной особенностью архангельской губернской торговли была повышенная роль ярмарок. Коренные жители, как правило, на ярмарки не ездили, а выменивали необходимые товары через посредников:

«До сих пор почти все продукты рыбных и звериных промыслов населения или, по крайней мере, большая часть их скупалась на ярмарках местными и приезжими торговцами и оттуда уже вывозилась зимним путем в другие губернии. Такой порядок торговли представлял большие невыгоды для промышленников, так как скупщики в значительной степени обесценивали продукты промыслов, устанавливая цены почти по собственному произволу. В то же время вся торговля привозными товарами и, главное, хлебом, доставляемым ежегодно в количестве от 2-х до 3-х миллионов пудов, необходимых для местного потребления, сосредоточилась, вследствие затруднительности и дороговизны провоза, в руках сравнительно немногих крупных торговцев, пользовавшихся всяким удобным случаем, чтобы повысить и без того уже слишком высокие цены на хлеб» [Обзор..., 1900: 46–47].

Социально-экономические группы населения, которые принимали участие во внутренней торговле, можно разделить условно на две группы:

1. Национальные группы населения, которые вели традиционную трудовую деятельность:

- коренные жители региона — саами;
- старожильческое население — поморы;

- этнические мигранты — финны, норвежцы, коми-ижемцы (пришли на Кольский п-ов после 1880-х гг.).

2. *Колонисты-промышленники* — русские и иностранные переселенцы, получавшие доход от возможных на данной территории (Мурманский берег) промыслов, торговли без получения установленных свидетельств в течение 6 лет и имевшие такие права в отношении торговли с Норвегией же, как жители поморских районов Архангельской губернии. Так же им предоставлялась привилегия беспошлинного привоза для собственного употребления и для продажи в колониях «мануфактурных и других товаров».

Представители каждой группы обладали разными специфическими предпринимательскими способностями, позволявшими определять и использовать лучшие комбинации имевшихся ресурсов для производства и продажи товаров. Так, колонисты отличались хозяйственностью и торговой смекалкой. Для поморов была характерна высокая степень товарности хозяйства. Ижемцы противились ассимиляции и существовали внутри своей экономической модели, характеризовавшейся первостепенной ролью коммерческого оленеводства, которое допускало и оседлый тип поселений. Имели молочный скот, огороды [Чарнолуский, 1930: 41].

Лопари (саамы) — коренное население, не занимавшееся животноводством и растениеводством, — классически вписывались в образ «человека неэкономического»: им была не характерна материальная заинтересованность и перед ними не стояла проблема максимизации благ. А решение хозяйственных задач было направлено на обеспечение собственного существования на основе местной природно-ресурсной базы. Лопари (саамы) исследуемого периода, проживавшие на территории Кольского п-ова, вполне соответствуют экономическому образу традиционных «охотников-собираателей», описанному американским антропологом Маршалом Салинзом, считавшим, что человек в традиционном обществе «относительно свободен от материального прессинга» [Салинз, 1999: 30]. Хотя в этнографической литературе XIX в. встречаются крайне противоположные мнения по поводу способности лопарей (саамов) к предпринимательской деятельности, появившиеся в колониальном и политическом контексте национальных особенностей мировоззренческих позиций авторов. Так, например, в 1841 г. финны М. Кастрен и Э. Лённрот осуществили путешествие в Русскую Лапландию с исследовательскими целями в области этнографии и лингвистики [Этнографические замечания, 1858: 263]. Лопарей (саамов), живших в Русской Лапландии, М. Кастрен в своих записках из этой экспедиции назвал русскими Лопарями и своеобразно охарактеризовал. Он пишет, что «русские Лопари отвыкли от оленей и почти исключительно предались рыбному промыслу» [Этнографические замечания..., 1858: 273–274], ассимилировались среди русских, утратив национальные черты, но приобрели «торговый дух»:

«...[русские Лопари] также занимаются и торговлей; оттого в каждой избе на стене, рядом с иконой, висит и безмен. Вообще они одарены сметливостью, но еще слишком бедны, чтобы пускаться на большие предприятия, ездить по городам и посещать ярмарки. Но уже в Энарском приходе попадают там и сям Лопари, прибывшие за каким-нибудь торговым делом из той или другой лопарской деревни. Предугадывая будущее, смело можно

сказать, что русские Лопари, со своим торговым духом, сделают большие успехи» [Этнографические замечания..., 1858: 274].

«В деревнях, лежащих по большой Мурманской дороге, Лопари уже теряют мало-помалу свой коренной характер. Внутреннее довольство собой уступает бессмысленной веселости, спокойное размышление — ловкой сметливости, жизнь мирная меняется на трудную и хлопотливую. <...> Торговля и частые сношения с Русскими и Карелами много способствовали к выходу их из естественного состояния невинности. Также природные коренные свойства Лопаря много потеряли от смешения жителей с русскими Карелами. <...> Все, что мы выше сказали об их веселости, хлопотливости, об их торговом духе и т. д. — все это есть следствие русского влияния» [Там же: 279].

Российский исследователь и промышленник Г. Ф. Гебель, в последние два десятилетия XIX в. занимавшийся китобойным и сельдяным промыслом в Баренцевом море, напротив, в своем труде «Наша Лапландия» (1909), отмечал «лень» и отсутствие стремления у лопарей к наращиванию объемов своих промыслов для продажи и получения прибыли:

«Несмотря на соприкосновение с жителями вновь основанных деревень на юге, с горожанами в Коле, с некогда столь энергичными и предприимчивыми беломорами, два раза в год пересекающими полуостров на пути к Ледовитому океану и обратно, лопарь остался кочевником, который 3 или 4 раза в год меняет свое местожительство, который <...> заимствовал у оседлых в Лапландии и временно приходящих в нее элементов лишь кое-какие дурные свойства и ничего хорошего. <...> Рыболовные орудия у лопарей в высшей степени примитивны и, несмотря на громадное богатство внутренних вод Лапландии семгой, форелями, сига́ми, щуками и другими рыбами, лопарь сравнительно мало ловит на продажу. Семужьи тони он большей частью отдает в аренду русским и финляндцам» [Гебель, 1909: 70, 76].

Особенности организации внутренней торговли на территории Кольского п-ова в XIX в. связаны со спецификой расселения населения и с практическим отсутствием сухопутных путей сообщения [Иванова, Шабалина, 2019: 47]. Тип ведения хозяйства лопарей (саамов) представлял собой **распределенное домохозяйство в рамках погоста** и формировался веками в рамках традиционных сезонных экономических циклов на обширной территории со специфическими физико-географическими условиями. К началу XX в. на Кольском п-ове насчитывалось 18 погостов [Гебель, 1909: 80]. Каждый погост отличался своими географическими особенностями и промысловой специализацией. Например, *Каменский погост* находился в самой отдаленной части Кольского п-ова, где пересекались направления товарного движения в/из Поной, Ловозеро, Йокангу, Варзугу — древнейший торговый центр на Терском побережье. Главные занятия населения *Семиостровского погоста* включали озерное рыболовство, оленеводство, охоту и отхожий заработок на Мурманской железной дороге. Белую и красную рыбу (гольца и кумжу) семиостровцы сбывали перекупщикам для торго на Никольской ярмарке в Варзуге, незначительный улов семги направлялся в Лицу. У жителей *Йокангского погоста* преобладали: оленеводство, торосовый и семужий промысел, охота; редко — отхожие

и случайные заработки; выделка меховых изделий, которые «сбываются на пароходы», заходившие сюда летом и зимой [Чарнолуский, 1930: 35–38].

Ареалы хозяйственной деятельности лопарей (саамов) были локализованы вдали от торговых узлов. Транспортными средствами для доставки продуктов промысла по морю к местам торговли они не владели, за редким исключением. Торговые пути по суше фактически отсутствовали. Были лишь тропы, известные коренному населению, такие как тропа п. Летний Лумбовский — Варзуга-погост Сергозеро. Предполагается, что продукты промыслов доставлялись из «терской Лопи» в Варзугу этим путем. До начала XX в. сохранился участок этой тропы Акеманай — Летняя Икоганка, так как «в Икогане [был] учрежден кооператив, и изредка семиостровцы приходят в лавочку для забора продуктов» [Чарнолуский, 1930: 52].

Добраться до местоположения ярмарок, торгов, проводившихся на территории сегодняшней Архангельской обл., для лопарей (саамов) было затруднительно в силу выше перечисленных причин. Тому подтверждением служит информация, содержащаяся в архивных источниках. Так, например, в фонде № И-52 «Кольско-Лопарское волостное правление» (1868–1917 гг.) Государственного архива Мурманской обл. (ГОКУ ГАМО, г. Мурманск) среди документов о занятиях и экономическом положении крестьян, о рыбных и звериных промыслах, лесной охоте, скотоводстве, отхожих промыслах и торговле отложились письма волостного старшины в Архангельское Губернское особое о земских повинностях Присутствие и в Кольско-Лопарское Волостное Правление, датированные осенью 1874–1875 гг. Эти документы сообщают о причинах неявки лопарей в Кольское Полицейское управление на торги в ноябре 1874–1875 гг. по случаю отдачи почтовых станций в содержание:

«Вашему Высокоблагородию вполне известно на каком обширном Пространстве разкинуты, Кольско-Лопарская волость Единственные обитатели которой есть кочующия Лопари, которые в осеннее время никогда не живут вместе, а отдельно семья от семьи по принятым ими ранее обычаем и по видам осенних промыслов, они живут на большом один от другого расстоянии, так что проезд с их жилища в осеннее время не только сопряжен с большими трудностями, но даже при бурливой осени невозможен и при том встретило самое распутное время совершенно препятствующее в путях сообщения, кроме того все Лопари обитающия внутри Волости не умеют грамоты, почему объявления о торгах на станции если получены кем либо из Лопарей но всетаки не достигли своего назначения, до разтолкования их между Лопарями грамотным человеком, по этим местным условиям весьма естественно, что в назначенные сроки для торгов на станции никто из Лопарей кроме двух доверенных лиц от ближайших погостов явиться не имел возможности» [Иванова и др., 2017: 66].

Именно неразвитая транспортная система, распыленность спроса и предложения обусловили первостепенное значение ярмарок для внутреннего товарооборота на Кольском п-ове в частности и на всем Русском Севере в целом. Наиболее крупными ярмарками были: Маргаритинская в Архангельске, Благовещенская и Никольская в Пинеге, Евдокиевская в с. Благовещенском, Сретенская в Шенкурске, Крещенская в Мезени. В отличие от большинства ярмарок центральной России главная ярмарка

Архангельской губернии — Маргаритинская (происходила с 1 сентября по 1 октября) в течение всей второй половины XIX в. переживала пору рассвета. Сезонный характер производства основных товаров, привозимых на ярмарку (рыба, хлеб), определил ее большую жизнеспособность. Кроме рыбы и хлебного товара на ярмарке торговали в основном бакалеей и одеждой. Из других ярмарок Архангельского края наиболее значительными были Евдокиевская (с 25 февраля по 10 марта) и Никольско-Пинежская (со 2 по 20 декабря) [Лейман, 2014: 111–112]. На Евдокиевской ярмарке продавались, прежде всего, продукты скотоводства и лесной охоты. Им сопутствовали продукты фабрично-заводской промышленности и хлебный товар. Никольско-Пинежская отличалась крупными сделками с дичью, рыбой, пером, пухом, шкурами, оленей шерстью, замшей. Сюда свозили свою продукцию рыбаки, охотники, и оленеводы-ненцы. Казенная торговля в Архангельской губернии ограничивалась в основном продажей водки [Обзор..., 1900: 44–46; Обзор..., 1912: 81–90].

Технологический процесс торговли коренного населения в XIX в. подробно описан в работе Н. Н. Харузина «Русские лопари: очерки прошлого и современного быта» (1890). Основной характер этих торговых отношений был меновой. В обобщенном виде он представлял собой следующую схему: «коляне — торговцы», архангелогородские купцы выменивали у лопарей (саамов) рыбу и другие продукты промыслов на сахар, соль, муку, чай, изделия из железа, ткань и др. Товары эти доставлялись с внутренних ярмарок и из Норвегии в Колу, частично — в становища на Мурманском берегу, в Поной, Варзугу. Полученные в результате сделок с лопарями (саамами) местные товары и продукты также отправлялись на внутренние ярмарки и в Норвегию. Особенности ведения хозяйства и быта коренного населения Кольского п-ова, а также географическое расположение того или иного погоста определяли возможности торговых коммуникаций [Дергачев, 1877: 64–66; Харузин, 1890: 120–134]. Так, например, капитан-лейтенант, командир шкуны «Здоровая» Н.Ф. Руднев, обследовавший в 1861 г. состояние рыбных промыслов, свидетельствовал:

«...лопари, которые по всему берегу от Иоканских островов до Кольского залива, где только есть речки, <...> прикочевывают к ним с тундры и занимаются большею частию ловлею семги, и то только те, которые состоят на постоянном откупу у архангельских купцов. Эти считаются между ними счастливыми: они имеют (хотя не в избытке) хлеб и одежду. Другие ловят сами рыбу, выезжая в море на своих тройниках⁷, которые кое-как целым обществом заведут от своего промысла. Об этих лопарях я уже говорил; их хлеб зависит от случая; вообще они в полной зависимости от бральщикова, и часто отдают рыбу почти за бесценок <...> променивают добытую рыбу на муку бральщикам, или особенным лодьям собирающим по берегу излишек лова, непомогающийся на судне хозяина; таких судов весьма немного. <...> В худой лов еще забежит иногда бральщик, а в хороший лопари и в счет нейдут, их проходят мимо, а рыба гниет. Судов же возить в Архангельск, разумеется, нет: не в обычае, да и не сумели бы так далеко плавать [Руднев, 1862: 37–38].

⁷Тройники — суда меньше шняки [Руднев, 1862: 37].

Особенность сделки лопарей (саамов) с посредниками в XIX в. заключалась в том, что она не могла не состояться, поскольку на этом рынке фактически не было конкуренции:

«...часть лопарей, как только вышла из-под кабалы Печенгского монастыря, который захватил в свое ведение многие местности Лапландии — они очень скоро очутились в такой же кабале, только не у одного лица, как прежде, а у многих, большинство лопарей перешло только из рук в руки от монастыря к кольским жителям, которые, так сказать, разделили лопарские погосты между собой для продолжения той эксплуатации, которую в продолжение веков совершал Печенгский монастырь. Другая же часть лопарей в этой кабале находилась еще раньше» [Харузин, 1890: 124–125].

Все погосты были поделены между богатыми «хозяевами» на сферы влияния. При переходе дела другому лицу, по наследству например, новому «хозяину» переходил и «ареал» торгового влияния и кабалы. Кабала также «наследовалась» лопарями (саамами). «Коляне» или «хозяева» всегда оставались в выигрыше. Они были изначально ориентированы на получение прибыли и закрепление долговой нагрузки лопарей (саамов) любым способом.

«Это делается следующим образом: забрав товары, лопарь уезжает на лов рыбы, он знает, на какую сумму он набрал, сколько пудов рыбы нужно ему привезти “хозяину”, чтобы уплатить долг. Кольский “хозяин” в свою очередь записывает долг лопаря в свои книги. <...>Наловив рыбы, он снова приезжает в Колу, где и производится обыкновенно расчет. Все лопари, <...>, уже сильно выпивши: добродушный “хозяин” поставил им водки и вот постепенно, по мере действия винных паров на слабые лопарские головы, лопарь становится все менее и менее подозрителен, все более и более уступает “хозяину”. Когда лопари уже выпили, начинается счет рыбы: “хозяин” отмечает у себя в книге, сколько пудов принято, лопарь у себя на бирки. Конечно, пуда два, три, а то и побольше уменьшат “хозяева”, говорили мне, или под разными предлогами заставить лопаря согласиться считать пуд за полпуда, а то и за четверть пуда. <...> Наконец, после, долгих споров, уговоров и угощений со стороны “хозяина”, расчет кончен, <...> лопарь заплатил весь свой долг и что рыба у него есть еще лишняя. Лопарю, конечно, всегда необходимы и соль, и мука, и сахар, и чай (последнее, впрочем, если он из состоятельных). На оставшуюся рыбу он решает забрать у того же “хозяина” необходимые ему предметы. Но он уже сильно выпивши и, забирая у “хозяина», не обращает внимания на то, что тот ставит ему двойные и тройные цены в счет. <...> Лопарь подумает, подумает и уступит, а если заупрямится, то “хозяин” на время прекращает торг, угощает лопаря водкой и все-таки так или иначе, просьбой и убеждением навязжет лопарю покупаемый им предмет за цену, за какую он пожелает. Сдав как ни как свою рыбу, лопарь собирается уезжать на новое промысловое место, но как отпустить “хозяину” свою добычу. Ведь если лопарь уедет без долгу, то он может перейти к другому хозяину, может, наконец, найти способ сам продать рыбу и без посредства колян — в таком случае “хозяин” остался бы без денег» [Харузин, 1890: 126–127].

Торговцы и скупщики эксплуатировали знания о социально-экономических практиках и специфическом менталитете лопарей (саамов).

Лопарь (саам) нуждался в покупке продуктов питания, промышленных товаров и реализации предметов промысла, но не мог сам участвовать в ярмарках из-за плотного сезонного хозяйственного цикла, сопряженного с необходимостью перекочевок, большой удаленности центров ярмарочной торговли от мест сезонного проживания, отсутствия транспортных средств и путей сообщения. И соглашался на сделки с разного рода скупщиками. В результате сделка между «хозяином» и саамом заключалась в любом случае. Очевидны два основных субъекта технологического процесса торговли, один из которых нацелен на потенциальную прибыль, другой — не имеет своей целью получение прибыли. Наличие серьезных культурных различий между участниками сделки оказывало большое влияние на сложившиеся неформальные (нематериальные) институты торговых операций между коренным населением и скупщиками, на формирование, в первую очередь, институтов защиты прав собственности, что, в свою очередь, приводило к принятию различных решений фундаментальной проблемы обмена, сказывавшихся на долгосрочной истории развития территории [Greif, 1994: 914].

В то же время надо признать, сами «коляне», участвовавшие в торговых сделках с коренным населением, находились в зоне повышенного риска и могли и остаться без прибыли. Они несли серьезные убытки при перепродаже соленой рыбы в Архангельске, так как приобретаемая у лопарей семга нередко была несвежей, при перевозке рыба продолжала портиться, а архангельские монополисты назначали крайне низкие цены. Таким образом, «коляне» сами попадали в зависимость от архангельских рыботорговцев. Для решения проблемы зависимости предлагались различные мероприятия, например, открытие ссудных касс под залог рыбы [Харузин, 1890: 126–128-129].

Основным предметом торговли была семга, в меньшей степени остальные виды рыб и результаты других промыслов, которые предназначались для сбыта на региональном рынке (см. табл.). Количество семги в разных реках варьировалось.

Сравнительные показатели доходности промыслов
[Харузин, 1890: 112–114].

Годы	Дичь (в руб.)	Семга (в руб.)
1882	23	4874
1883	38	6434
1884	143	10055
1885	120	10135
1886	105	13650

Так, в Поное «после установки забора, рыбы скоплялось такое количество, что первый день лова давал от 500 до 700 пудов, а за весь период до 3000 пудов. Такими рыбными богатствами ни р. Йоканга, ни р. Варзина, ни р. Качковка не отличаются». За хорошим уловом в короткий промежуток времени «лопари Каменского, Сосновского и Лумбовского погостов, а с последними и некоторые иоканчане под видом работников» отправлялись в с. Поной на промысел семги, проделывая путь от 150 до 200 и более км (тропа Каменский погост — с. Поной) [Чарнолуский, 1930: 85–89].

Семга служила средством оплаты государственных налогов: купцы и «верные целовальники», скупая семгу, удерживали у лопарей причитающуюся сумму в счет налогов и от лица «своих» лопарей вносили в казну. Характерно значение семги как своеобразной региональной валюты, вызывавшей в промышленниках те проявления алчности и других низменных страстей, которые сопутствуют деньгам. Лопари (саамы) промышленляли семгу главным образом ради денежного дохода от нее, т. е. семужий промысел имел для них исключительно экономическое значение. Лишь хорошо обеспеченные представители коренного народа оставляли «на свою нужу» не более пуда в качестве праздничной еды, тогда как озерной рыбы для «пропитания» запасали несколько десятков пудов [Чарнолуский, 1930: 90].

Кроме рыбы, предметом денежного торгова служил речной жемчуг, продажа которого обеспечивала экономику традиционного хозяйства наличными средствами. Вылов жемчужниц осуществлялся в реках Кола, Тулома, Лица и сбывался в Колу, Кемь и другие поморские города, в южные уезды Архангельской губернии, в Олонецкую и, отчасти, в Вологодскую губернии. Жемчуг, получаемый из «лопарских» рек, был, за редким исключением, недостаточно правильной формы с редко встречавшимися крупными или розовыми экземплярами, которые ценились особенно дорого [Гебель, 1909: 251–253].

Выводы

В процессе исследования рассмотрены элементы организационной и территориальной структуры торговли в XIX в. на Кольском п-ове. Отмечена преобладающая в это время роль развозно-разносной и периодической сфер торговли на данной территории, которые не способствовали ускорению динамики товарооборота при осуществлении множества посреднических торговых операций, но обеспечивали его разнообразие. Определены социально-экономические группы населения, которые участвовали в региональной торговле и обладали разными специфическими предпринимательскими способностями. Коренное население Кольского п-ова лопари (саамы) представлено в исторических источниках как субъект регионального рынка, не озабоченный проблемой максимизации благ, обеспечивавший собственное существование на основе местной природно-ресурсной базы в процессе ведения в рамках погоста распределенного домохозяйства. Домохозяйство лопарей (саамов) формировалось веками с учетом традиционных сезонных экономических циклов на обширной территории со специфическими физико-географическими условиями, от которых зависела промысловая специализация погостов. Не производившиеся домохозяйством продукты и товары были предметом обмена и торгова с другими субъектами регионального и внешнего рынков.

В качестве особенностей организации торговли на территории Кольского п-ова в XIX в. выделены: специфика расселения населения; отсутствие сухопутных путей сообщения и достаточного количества транспортных средств для доставки товаров; локализация торговых узлов вдали от мест проживания коренного населения; распыленность спроса и предложения; сезонный характер производства основных товаров; преимущественно меновой характер торговых отношений, серьезность посреднических финансовых рисков при торговле скоропортящимися продуктами промыслов; ограниченный ассортимент товаров, обменивавшийся на денежный эквивалент. Описан технологический процесс

торговли коренного населения в XIX в. с торговцами-скупщиками, использовавшими свою осведомленность о социально-экономических практиках и специфическом менталитете лопарей (саамов) для получения максимальной прибыли на рынке, свободном от конкуренции. Отмечено, что имеющиеся серьезные культурные различия между участниками сделки оказывали влияние на динамику формирования нематериальных институтов торговых операций между коренным населением и скупщиками, в первую очередь институтов защиты прав собственности. Что, в свою очередь, приводило к принятию различных решений фундаментальной проблемы обмена, сказывавшихся на долгосрочной истории экономического развития территории.

Список источников и литературы

Алымов В. К. Лопари Кольского полуострова // Доклады и сообщения Мурман. общ. Краеведения. Мурманск, 1927. Вып. I. С. 7–22.

Атлас Архангельской губернии с топографическими, историческими, экономическими и камеральными описаниями. Составлен по Высочайшему повелению в 1797-м году. (Краткия историческия примечания о Архангельской губернии, топографическое оной описание с присовокуплением такового ж о рыбных и звериных морских промыслах; Топографическое и историческое описание города Холмогора; Камеральное описание Холмогорской округи). 1797. Т. 3. 202 с.

Вальдман К. Н. Старинное становище и торг (XVI в.) на Крайнем Севере (Кегор — Вайда-губа) // Известия Всесоюз. геогр. о-ва. 1968. № 1. С. 53–58.

Вехов Н. В. Старинные ярмарки Архангельской губернии // Московский журнал. 2004. № 11. С. 43–49.

Гебель Г. Ф. Наша Лапландия. СПб.: [б. и., 1909]. VIII. 314 с.

Громыко М. М. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI в. // Средние века: сб. М.: Наука, 1960. Вып. 17. С. 225–258.

Дадыкина М. М., Крайковский А. В. «Промысел стараться умножить»: деятельность Сальной компании А. Д. Меншикова и морские промыслы на Русском Севере: 1704–1721 гг. // Меншиковские чтения — 2014: науч. альманах / гл. науч. ред. П. А. Кротов. СПб.: XVIII век, 2014. Вып. 5 (12). С. 71–77.

Дергачев Н. Статистический очерк Лапландии // Русская Лапландия: Статистический, географический и этнографический очерки. Архангельск: Тип. Губернского Правления, 1877. С. 1–107.

Дихтяр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 235 с.

Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей // Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии. Записки Императорского Русского Географического Общества по отд. Этнографии. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1877. Т. VIII. С. 8–89.

Иванов В. И. Монастыри и монастырские владения XVII в. в Кольском уезде // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А. А. Преображенского: сб. ст. / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А. В. Семенова. М.: РОССПЭН, 2007. С. 255–276.

Иванова М. В., Казакова К. С., Шабалина О. В. Опыт социоэкономического и культурного развития Арктической зоны РФ в XVIII —

начале XX вв.: к разработке источниковой базы исследования // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. Т. 8, № 9–12. С. 61–76.

Иванова М. В., Шабалина О. В. Извоз и содержание почтовых станций как вид экономической деятельности коренного населения Кольского полуострова (саамов) в XIX в. // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 42–53.

Иванова М. В., Шабалина О. В. Социально-экономические аспекты освоения Кольского полуострова // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 4 (55). С. 50–59.

Калинин И. М. Торговые сношения лопарей с русскими в половине XVII века // Изв. Русского Географического о-ва. 1929. № 1. С. 59–76.

Ключевский В. О. Краткое пособие по русской истории: частное издание для слушателей автора. Изд. 5-е. М., 1906. 196 с.

Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Прометей; МГПИ им. В. И. Ленина, 1991. 334 с.

Кордт В. А. Очерк сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов до 1631 г. // Сборник ИРИО. СПб. 1902. Т. 116, XII, CCCXLVII. 243 с.

Лейман И. И. География ярмарок на Европейском Севере России: из истории в современность // Изв. Коми научного центра УрО РАН. 2014. Вып. 1 (17). С. 110–116.

Любименко И. И. Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 год // Известия АН СССР, Отделение обществ. наук. 1933. № 10. С. 729–754.

Мельгунов П. П. Очерки по истории русской торговли IX — XVIII вв. М.: Изд-во магазина «Сотрудник школ» А. К. Залесской, 1905. 291 с.

Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1981. 259 с.

Обзор Архангельской губернии за 1911 год. Архангельск: Губернская тип., 1912. 189 с.

Обзор Архангельской губернии за 1899 год. Архангельск: Губернская тип., 1900. III. 199 с.

Перхавко В. Б. Пушнина в древнерусском товарообмене (IX–XIII вв.) // Отечественная история. 1999. № 5. С. 164–174.

Платонов С. Ф., Андреев А. И. Новгородская колонизация Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Пб.: Гос. изд-во, 1922. Вып. 1. С. 26–37.

Руднев Н. Ф. Промыслы по Мурманскому или Лапландскому берегу: (Сведения, собр. во время плавания шкуны «Задорная» в 1861 г. // Морской сборник. 1862. Т. LXIII, № 11. С. 31–70.

Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 199. 296 с.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 38: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Т. 2. (С 1581 по 1604 год). СПб., 1883. IV, X, III, 443, XXVI с.

Федоров П. В. Историческое регионоведение в поисках другой истории России (на материалах Кольского полуострова). Мурманск, 2004. 241 с.

Флоря Б. Н. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII в.) // Средние века. 1973. Вып. 36. С. 129–151.

Харузин Н. Н. Русские лопари: (Очерки прошлого и современного быта) // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. Труды Этнографического отдела. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. Т. 10; Т. 66. 472 с.

Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей: Опыт определения кочевого состояния лопарей Восточной части Кольского полуострова. Л.: Издание Гос. Русского географ. о-ва, 1930. 176 с.

Чиркин Г. Ф. Историко-экономические предпосылки колонизации Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Пб.: Гос. изд-во, 1922. Вып. 1. С. 7–26.

Шаскольский И. П. О возникновении города Колы // Исторические записки. 1962. Т. 71. С. 270–279.

Шумилов М. М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 472 с.

Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838–1844 г. // Этнографический сб. ИРГО. СПб: Тип. Эдуарда Праца, 1858. Вып. 4. 320 с.

Greif A. Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies // The J. Political Economy. 1994. Vol. 102, Issue 5. P. 912–950.

Сведения об авторах

Иванова Медея Владимировна

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Шабалина Ольга Вячеславовна

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Ivanova Medeya V.

Dr. Sci. (Economics), Leading Research Fellow of Barents Centre of Humanities, FRC KSC RAS

Shabalina Olga V.

PhD (History), Leading Research Fellow of Barents Centre of Humanities, FRC KSC RAS

О. А. Бодрова

**ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОМЫСЛЫ, МИГРАЦИИ И ПЕРЕХОД К ОСЕДЛОСТИ
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА
НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ СААМСКОЙ СЕМЬИ К. АРХИПОВА⁸**

Аннотация

В статье рассматриваются хозяйственно-культурные особенности, переход от сезонных миграций и промыслов к оседлости и постоянной занятости имандрской группы кольских саами на примере семье К. И. Архипова. Исследование проводится на материале путевых, этнографических и краеведческих очерков второй половины XIX — первой половины XX вв.

Ключевые слова:

кольские саами, семья, Экостровский погост, оз. Имандра, Мончегорск, традиционные промыслы, миграции, оседлость, очерки.

Olga A. Bodrova

**TRADITIONAL INDUSTRIES, MIGRATIONS AND SETTLEMENT
OF THE INDIGENOUS PEOPLE OF THE KOLA PENINSULA:
THE CASE OF THE SAMI FAMILY HISTORY OF KALINA ARKHIPOV**

Abstract

The paper discusses the economic and cultural features, the transit from seasonal migrations and industries to settlement and regular employment of the Imandra group of the Kola Sami. It is the case of the family history of the Yokostrov sami Kalina Arkhipov. The study is based on the material of travel, ethnographic and local history essays of the second half of the XIX — the first half of the XX centuries.

Keywords:

the Kola sami, family, Yokostrovsky pogost, Imandra lake, Monchegorsk, traditional industries, migrations, settlement, essays.

Кольских саамов принято характеризовать как этнографическую группу, которая до начала XX в. сохраняла полукочевой образ жизни, сочетая оленеводческий, рыболовный и охотничий хозяйственные промыслы [Лукьянченко, 1971: 6]. Зимой саамы проживали в зимних погостах в местах, богатых ягелем, необходимым оленям, в остальное время года распадались на семейные или (реже) производственные группы для кочевания по рыболовецким участкам с одно- или многодневными переходами [Хомич, 1999: 15; Куропятник, 2003: 102]. В зависимости от природных ресурсов хозяйственные занятия того или иного саамского погоста могли несколько разниться по преобладающему промыслу. Для саамов западных и северо-западных погостов (Нотозерского, Бабинского, Экостровского, Пазрецкого, Печенгского, Мотовского) ведущим промыслом являлась речная, озерная или же морская рыбная ловля, для восточных (кроме Каменского) — оленеводство, для Каменского погоста — охота на дикого оленя. Из второстепенных занятий

⁸ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18-09-00392 «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность».

к 1880-х гг., когда активизировался колониционный процесс на Кольском п-ове, первое место по доходности стало занимать извозничество [Дергачев, 1877; Харузин, 1890], что было связано с увеличением потока чиновников, приезжих ученых, государственных служащих, выполняющих здесь исследования и работы, а главное — промышленников, добывающихся от своих селений у Белого моря до становищ на Мурманском берегу и обратно.

Первоначально извозничество у саамов составляло ямскую обывательскую повинность, которая возлагалась на весь «мир» (общество) и могла быть выплачена «и деньгами, и натурою» [Ефименко, 1878: 57]. Традиционно дорожную повинность, или «гоньбу», на обывательских станциях по всему пространству от Колы до Кандалакши отправляли саамы Экостровского погоста [Там же], а также других погостов, расположенных вдоль озера Имандры — одного из основных путей сообщения Кольского почтового тракта. В 1770-х гг. Екатерина II отменила ямскую повинность, и дорожные станции стали отдавать с торгов на три года тем, кто соглашался «гонять подводы» за наименьшую плату [Ушаков, 1998: 368]. Держатели станций, выигравшие торги, для перевозки людей и грузов должны были иметь установленное количество ездовых оленей (для зимнего времени), лодок (для перевозок в летнее время) и гребцов, которые в то же время служили провожатыми и носильщиками по сухопутным переходам [Энгельгардт, 1897: 77]; последними, главным образом, нанимались саамы. Они же, как правило, присматривали за путевыми избами на почтовых станциях, переселялись на этот участок со всей семьей.

Близость селений к почтовому тракту, «ямской» извозный промысел с налагающими требованиями более оседлого образа жизни, тесные контакты с русскими путешественниками отличали саамов, живущих по побережью Имандры, от других групп саамского населения задолго до железнодорожной колонизации и обусловили особый тип миграций и перехода к оседлости. Эта тема, безусловно, представляет для этнографов большой научный интерес, однако не являлась ранее, насколько нам известно, предметом целенаправленного изучения. Настоящее исследование является попыткой отчасти восполнить данную лакуну. В качестве одного из возможных исследовательских ракурсов выбрана история конкретной саамской семьи и жизни одного из ее наиболее ярких представителей — выходца из экостровских саамов Калины Архипова (1863–1937).

История семьи Архиповых, конечно, берет начало задолго до Калины Ивановича. Экостровские Архиповы упоминаются многими российскими и зарубежными исследователями, побывавшими на Кольском п-ове в XIX–XX вв. Однако именно за Калиной Ивановичем закрепились слава основателя если не династии, то поселения, давшего начало целому городу — Мончегорску. Следует уточнить, что целью данной статьи является не столько воссоздать семейную историю (что уже в общих чертах было проделано мончегорскими краеведами и потомками Калины Ивановича [Караваева, 1999; Архипова, 2006; Лейбензон, 2007]), сколько проследить, как преломляются в образе семьи Калины Архипова хозяйственно-культурные особенности жизни саамского населения конца XIX — первой половины XX вв.: от 1880-х гг., когда в связи с развитием колониционного процесса интенсифицируется дорожно-транспортное сообщение на Кольском п-ове, до предвоенного времени конца 1930-х гг.

Основным видом источников в исследовании послужили путевые, этнографические и краеведческие очерки. До XX в. тексты именно этого жанра, в том числе написанные иностранными авторами, содержат упоминания об Архиповых и их деятельности на дорожных станциях и могут служить специфическим источником исторической информации. Из документов, принятых на хранение в архивы, ценность для данного исследования представляют фонды № И-6 «Чиновник по крестьянским делам Кольского уезда», в котором имеется посемейный список Кольского уезда (1891 г.), и № И-21 «Кольское уездное полицейское управление» ГОКУ ГАМО в г. Мурманске (см. подробнее об архивных источниках, раскрывающих историко-политические и социальные аспекты жизни саамского населения Кольского п-ова: [Иванова и др., 2017]). Вместе с тем до 1900-х гг. архивных документов, раскрывающих биографию К. И. Архипова и членов его семьи (например, церковных метрических книг), крайне мало, что повышает ценность очерковой литературы дореволюционной эпохи для исследователя. Не утрачивают своей актуальности очерки и более позднего периода, однако они требуют критического анализа и подхода. С одной стороны, в силу того что очерк является полудокументальным-полухудожественным жанром [Очерк, 1934: 394], он сочетает в себе как изображение реальных фактов, так и их преломление через призму художественного видения автора, что далеко не всегда получается разделить в исследовании. С другой стороны, художественное осмысление исторических и этнографических реалий в очерковой форме само по себе представляет перспективный ракурс для социально-антропологического изучения, так как являет собой яркий пример мифотворчества, связанного в случае Калины Архипова с фигурой родоначальника, основателя, первопроходца.

Начало жизненного пути

Калина Иванович Архипов (саамское имя Калын Эвен) [Архипов Калина... (а), ЭР; Мончегорск, ЭР] родился 23 августа 1863 г. В источниках нет единого мнения по поводу его происхождения. Внучка Калины Ивановича пишет, что в середине XIX в. его родители Иван и Любовь Архиповы жили в Бабинском погосте, однако семейными угодьями Архиповых называет прибрежные районы озера Имандра, ягельники гор Поазуайвенч, Ньюдуайвенч, Сопчуайвенч [Караваева, 1999: 64] — окрестности современного Мончегорска, которые, как логично можно предположить, вместе с Монче-губой относились к территориям Экостровского погоста (см. перечисление тоней [Дергачев, 1877: 56–57]). Сомнительным кажется также предположение, что Калина Архипов происходил из Маселгского погоста (позднее — с. Пулозеро) [Предания Монче-тундры, ЭР], так как и в этом случае остается неясным, каким образом в его владения попала Монче-губа, которая исконно относилась к угодьям экостровских саамов и в этом качестве упоминалась еще в записках дьяка Василия Агалина (1574 г.), в писцовой книге Алая Михалкова (1608–1611 гг.), в переписях 1866 и 1897 гг., а также в других документах статистического содержания. Поэтому наиболее вероятными представляются сведения тех справочных ресурсов, в которых указывается, что К. И. Архипов происходил из экостровских (имандровских) саамов [Архипов Калина... (б), ЭР] и с конца XIX в. жил на южном берегу Монче-губы. В тех же краях, на южном берегу озера Лумболка, находилось жилище

и его сестры Матрены [Мончегорск, ЭР], что лишний раз подтверждает обычное право семьи Архиповых на данные территории (место проживания сестры Акулины в источниках не указывается). Согласно записям В. Ю. Визе, в этих краях жил и прадед Калины Левонтий (по подсчетам исследователя, это было примерно в 1840-х гг.), про которого Калина Иванович поведал предание о жертвоприношении в районе Нюдозера и Ньюда-реки (район Монче-губы) — в месте рыбной ловли, а значит, фамильной тони Левонтия [Визе, 1917б: 66].

Возможно, некоторая путаница с происхождением Калины Ивановича объясняется той причиной, что экостровские саамы в хозяйственно-культурном отношении находились близко как к бабинским, так и к масельгским саамам, входили в состав одного и того же общества — Экостровского [Мухин, 1910: 9 и др.]. Это позволило ряду исследователей относить их к единой географической группе — к саамам «имандрским» [Визе, 1917а: 15], селившимся у оз. Имандры, вдоль берегов которой проходила значительная часть Кольского почтового тракта. Многие века основой хозяйственного комплекса саамов этих погостов, судя по писцовым книгам и статистическим данным, являлась охота на пушного зверя, лесную птицу, а также озерная и речная рыбная ловля [Харузин, 1890: 464]. Олени держались только для семейных или ямских нужд (так, на Экостровской станции, по данным 1866 г., их было 14 [Дергачев, 1877: 14]), а сами саамы названных погостов нанимались ямщиками Кольского почтового тракта [Иванова, Шабалина, 2019: 44]. Другим второстепенным доходом экостровских саамов являлось судостроение, а также поделки из бересты [Харузин, 1890; Дергачев, 1977].

Среди ямщиков Имандры в большинстве путевых очерков российских и зарубежных исследователей упоминаются именно Архиповы. Не все из них были родственниками Калины Ивановича. Архиповы — одна из родовых фамилий кольских саамов, однако не обязательно однофамильцы являлись близкими родственниками, как указывают исследователи саамских семей [Лейбензон, 2007; Кучинский, 2008]. Так, Г. А. Лейбензон перечисляет среди саами Архиповых не только Калину и его детей, но и экостровского саама Фому Ефимовича, который в 1894 г. работал проводником у инженера Бориса Риппаса при проведении изысканий на трассе будущей железной дороги, а также Мирона Архиповича Архипова из Хибин, сопровождавшего экспедицию профессора Висконта, которая в 1922 г. добралась до Монче-тундры [Лейбензон, 2007: 3]. В архивных документах 1920-х гг., в которых указаны водные участки, закрепленные за экостровскими саамами и их семьями для рыбной ловли, значатся Максим и Архип Архиповы, Яков Архипов [НА РК. Ф. 1465. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 105–107]. В очерках более раннего периода — конца XIX века — упоминаются: Ларивон Архипов [Кудрявцев, 1884: 54] (по всей видимости, его же под именем Лариван, работающего на Йокостровской станции, мы встречаем в очерках англичанина Эдварда Рэя [Rae, 1881: 235]); Мирон Ефимович Архипов, с которым Рэй познакомился в Зашейке [Там же]; кузина Мирона Мария Ивановна Архипова и ее муж (рис. 1), работавшие на станции в Раснаволоке [Там же: 254] (видимо, о них же вскользь пишет другой английский путешественник, орнитолог Генри Персон, оказавшийся на станции Разнаволок в 1902 г. [Pearson, 1904: 153], а также незамужняя девушка Настасья Котеовна Архипова [Rae, 1881: 255].

Рис. 1. «Другие Архиповы»: Мария Ивановна Архипова с супругом, ст. Разнаволок. 1902 г. [Pearson, 1904: 155]

За недостаточностью сведений из архивных источников рубежа XIX–XX вв., для того чтобы восстановить первую половину жизненного пути Калины Архипова, приходится обратиться к очерковым текстам. Биографичность подобных сведений можно принять только с некоторыми оговорками и установить ее исходя из контекста. В. В. Чарнолуский, тесно общавшийся с Калиной Ивановичем в 1935 г., когда Союз писателей направил его собирать сказки у саамов Мончи, много пишет о «знаменитом проводнике геологических экспедиций Даниле Ивановиче Архипове» [Чарнолуский, 1972: 125] (рис. 2). Непонятно, зачем этнографу потребовалось изменить имя Калины Ивановича на Данилу Ивановича, но детали очерков подтверждают, что речь идет именно об этом саами. Из рассказов Данилы-Калины Архипова, пересказанных в очерках, следует, что его отец летом жил на Монче, в семейных угодьях, и держался «вольной жизни», будучи «лесовым человеком, кочевником тундры» [Там же: 141]. Сам Калина в возрасте 14–15 лет, то есть около 1877–1878 гг., «пошел в батраки»: зимой работал ямщиком на почтовой станции Половинка⁹ у богатого саама, выигравшего станцию с торгов [Там же: 140], а летом возвращался к отцу (по всей видимости, для занятий рыбной ловлей и лесной охоты) [Там же: 141]. По другим сведениям, трудовую жизнь Калина начал еще ранее: девятилетним

⁹ Неизвестно, была ли уже в это время станция Половинка; поселок с таким же названием появился только около 1900 г.

мальчиком вместе со взрослыми мужчинами он нанимался на работу на озерах, в море, ходил ловить рыбу и бить зверя [Караваева, 1999: 64].

На «вторую весну» наемной работы ямщиком к отцу Калины явился незнакомый человек, судя по характеристике, геолог, которого Калина отвел в леса и горы; тот что-то искал «во пустых местах» (возможно, имеется в виду тундра), набрал полный мешок камней и ушел [Чарнолуский, 1972: 141]. И тут проявляются «погрешности» очеркового жанра как исторического источника. Если предположить, что дата рождения Калины Ивановича указана в источниках верно, а свой возраст, когда он впервые выступил в роли проводника, саам указал приблизительно, то визит этого человека мог прийтись на самый конец 1870-х — 1880 гг. Действительно, в 1876 г. в Ловозерских тундрах побывал финский исследователь Арвид Генетц, однако это происходило в зимнее время, и ученый описывает свое путешествие как поездку на санях, что противоречит тексту «биографического повествования». В 1880 г. состоялась экспедиция в Хибинские тундры с участием Н. В. Кудрявцева. Дата и упоминание ученого среди тех, кого водил Калина, в очерках Чарнолуского наводят на мысль, что это вполне мог быть Кудрявцев, однако сам исследователь, подробно рассказывая о своих саамских проводниках, Калину Архипова никак не упоминает. Не подходит под описание и А. И. Кельсиев, проводивший исследования на Кольском п-ове в 1877 г., так как нет никаких сведений, что начинающий антрополог увлекался геологией и коллекционированием минералов. Остается предположить, что именно в этом отрывке «воспоминаний» Калины Архипова имеет место если не художественный вымысел, то «художественная» неточность (либо ошибка самого рассказчика). Тем не менее визит, предположительно, геолога стал поворотным моментом в биографии и жизнеописании Калины Ивановича, который с тех пор регулярно начал работать проводником у приезжих исследователей: «На том же веку» (видимо, до начала XX в.) к нему приходили «еще такие же люди. И они взяли камни, ничего не сказали, ушли. Все они были “большой руки” ученые люди. Он помнил фамилии многих из них до сих пор: Рамзай, Кудрявцев, Визе» [Чарнолуский, 1972: 141].

Проводник

Характеристика Калины Ивановича как проводника первых исследователей Кольского Севера (В. Визе, В. Рамзай, К. Висконта, Г. Рихтера, Б. Попова, А. Ферсмана, В. Чарнолуского), у которого они черпали бесценные сведения о географии края и саамском фольклоре, закреплена во всех печатных и электронных справочных изданиях [Архипов Калина, ЭР, (а) и (б)] и выполняет важнейшие функции в его жизнеописаниях. Во-первых, такая характеристика служит для описания личностных качеств Архипова. Так, Калина Иванович среди приезжих ученых слыл лучшим знатоком Монче-тундры и окрестностей Имандры. Г. Д. Рихтер рассказывал про него, что Калина Иванович при определении береговых линий озера был более точен, чем измерительные приборы, подтверждая тем самым бытовавшее среди путешественников убеждение в необыкновенном географическом чутье саамов [Пация, Разумова, 2006: 68]. В. В. Чарнолуский называл такую особенность у саамов «особой памятью и привычкой к своему краю, навыком разбираться в тончайших очертаниях контуров лесов на горизонте и протяженности холмов в волнистом рельефе тундры» [Чарнолуский, 1930: 46]. Во-вторых, информация

об исследователях, которых Калина Архипов водил по окрестностям озера Мончи, позволяет идентифицировать и выделить его среди других экостровских Архиповых, отличить от упомянутых ранее Фомы Архиповича (проводника Риппаса) и Мирона Архиповича (проводника Висконта). Правда, как следует из очерков, некоторых путешественников могли сопровождать или сталкиваться с ними при тех или иных обстоятельствах разные Архиповы. В-третьих, характеристика Калины Ивановича как проводника становится основополагающей для его жизнеописания, возвышая масштаб его фигуры, начиная с переломного момента встречи с незнакомым исследователем, до первооснователя города. По сути, в работе проводником нет ничего примечательного. Это был стандартный дополнительный промысел для имандрских саамов — водить приезжих чиновников и ученых по малоизвестному Кольскому краю. Однако в случае Калины Ивановича акцент от экономической деятельности сместился в сторону сопричастности к освоению районов Монче-тундры, индустриальному развитию региона и рождению нового города.

Основатель и культурный герой

На первый взгляд тот факт, что Калину Ивановича Архипова в современных справочных и публицистических текстах принято называть «основателем небольшого лопарского поселения на Монче-губе», «старейшиной рода» [Архипов Калина... (а) и (б), ЭР], может вызвать удивление. Как уже было отмечено, Монче-губа относилась к семейным угодиям экостровских саамов по обычному праву с незапамятных времен, что отразилось уже в первых письменных источниках, упоминающих саамские угодия на Кольском п-ове. Почему «основателем» и «старейшиной» должен считаться Калина Иванович, а не его отец Иван или дед Левонтий, чьи имена сохранились в истории, а летние тони также находились в Монче-губе, без знания историко-культурного контекста понять сложно. Безусловно, Калина Архипов не был первым саамом, поселившимся в районе будущего Мончегорска. Однако он стал первым *оседлым* саамом Мончи, что ознаменовало собой важнейший этап в истории и этнографии кольских саамов этого края.

В официальных документах Монче-губа как населенный пункт до 1935 г., когда получила статус рабочего поселка, практически не значится и даже не обозначается на картах вплоть до 1932–1933 гг. [Карта..., ЭР]. Не было зафиксировано в этом районе и саамов как оседлого населения; возможно, поэтому окрестности озера Мончи не вносили в списки статистических, антропологических и других видов общественных и гуманитарных исследований (см., напр.: [Золотарев, 1928: 17]). Надо сказать, что и в целом по Кольско-Лопарскому району, согласно Похозяйственной переписи 1926–1927 гг. оседлые саамские хозяйства являлись редкостью и составляли лишь треть от всех имеющихся (50 из 149) [Похозяйственная перепись..., 1929]. У Калины Архипова в Монче-губе первоначально имелась только летняя избушка для ведения сезонных летних промыслов, его зимнее жилище располагалось в с. Половинка, в двух километрах севернее станции Имандра. На постоянное жительство Калина Иванович перебрался в Монче-губу, только когда началось планомерное изучение и освоение Монче-тундры и прилегающих к ней районов [Лейбензон, ЭР]. Переход к оседлому образу жизни символически был зафиксирован

присвоением почтового адреса избушке Калины Ивановича. Если в 1910-х гг. ее локализация ограничивалась географическими параметрами: «Летняя вежа Калины Архипова находится в конце Montsche-lucht (против Масляного о-ва (Wuj-suol)» [Визе, 1917б: 73], то уже в 1930-х гг. она была нанесена на план строительства населенного пункта Монче-губа, а затем получила адрес: Саамская набережная, д. 1 (всего саамских избушек на этой «улице» было три) [Лейбензон, ЭР] (рис. 3). Во многих очерках содержится упоминание об обещании Василия Кондрикова, первого директора треста «Апатит», руководителя строительством будущего Мончегорска, превратить «первую» избушку города в музей [Чарнолуский, 1972: 118; Лейбензон, 2007: 3]. Возможно, эту идею обыгрывает и А. Е. Ферсман, «вспоминая» в своих очерках слова Калины Архипова: «Нет нам больше места на Монче-губе. Хоть бы в музей взяли!» [Ферсман, 1958: 80]. К слову, избушка простояла долгое время, так и не став музеем, пока не сгорела в 1970-х гг. [Попович, ЭР].

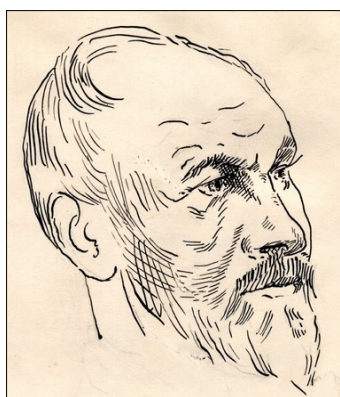

Рис. 2. Калина Иванович Архипов, рисунок В. В. Чарнолуского [Музей-Архив ..., ОФ 332]

Рис. 3. Калина Архипов с семьей у своей избушки в Монче-губе [Предания..., 2018: 28]

Небезынтересно, что статус основателя поселения Калина Иванович имел не всегда. В очерках до эпохи 1930-х гг., когда Монче-губа стала рабочим поселком, а Калина Архипов осел в ней на постоянное место жительства, авторы не употребляли по отношению к сааму таких громких эпитетов, а упоминали его лишь как отличного информанта, работника станции и проводника [Визе, 1917а, б; Белоусов, 1929 и др.]. Возможно, не у всех из них имелись фоновые знания о культуре саамов и особенностях их семейного и общинного права на водные угодья. Так, В. Белоусов, участник экспедиции от журнала «Всемирный следопыт», явно знал о фамильных владениях Архиповых и их истории крайне мало, так как в своих путевых очерках, претендующих на документальное изображение путешествия по Кольскому п-ову, представил вполне мифологическое и при этом абсолютно вымышленное предание о пришествии первого человека в Монче-губу и Монче-тундру. По словам писателя, в Монче-губе они поселились в охотничьей избушке у Федора Архипова, в фигуре

которого можно было бы узнать старшего сына Калины Ивановича, если бы автор не написал, что отец того погиб и не превратил бы Калину Ивановича в дядю Федора, приехавшего навестить племянника [Белоусов, 1929]. Ряд фактов, которые сообщает Белоусов о Калине Ивановиче, совпадает с реалиями его биографии (например, работа проводником и смотрителем станции), но в очерках полностью отсутствует патетическое видение личности Калины Архипова как первого саама, поселившегося на месте будущего города.

Переосмысление фигуры Калины Ивановича и его роли в рождении нового города происходит в текстах более позднего периода. Было высказано предположение, что Калина Иванович превратился из обычного проводника в символическую фигуру «первонасельника» города Мончегорска благодаря А. Е. Ферсману [Пация, Разумова, 2006: 68], романтизовавшему «приветливый костер саами Архипова» и «маленькую избушку с саамским камельком» на Монче-тундре [Ферсман, 1958: 76]. Вероятно, здесь сказывается влияние академика, которого исследователи рассматривают как культурного героя и «гения места» эпохи великого освоения и строительства, на все окружающее пространство Кольского Севера. Несмотря на характеристику саама Архипова как основателя Мончегорска, в некоторых очерках именно Ферсман предстает демиургом по отношению к этому городу: «Александр Евгеньевич пустой камень посмотрел, колупнул, поцарапал, даже языком лизнул. Разбил камень напополам <...> одну половинку подбросил в воздух, подставил этому летучему камню свою сумку. Упал один камень в сумку, а другая половинка упала на землю. Теперь на том месте рудник <...> Сказал: — Старик! Тут тебе большой город будет...» [Чарнолуский, 1972: 144]. В унисон «преданию», переданному В. В. Чарнолуским (больше похожему на литературно обработанные и дополненные этнографом воспоминания самого Архипова о походах с Ферсманом, чем на реальную историю), звучит предсказание академика, записанное в его собственных очерках: «...самый молодой город Советского Союза вырастет там, где на курьих ножках стоял сарайчик старого саами Архипова, где на Лумболке имела свою избушку его сестра Матрена, где нетронутой белела целина сплошного ягельного мха» [Ферсман, 1958: 80]. Таким образом, Калина Архипов, которого хотя и называют основателем поселения, выступает не столько культурным героем, сколько его проводником, функция которого заключалась в том, что он «встречал первоисследователей Монче-тундры, был их главным проводником» [Попович, ЭР], «главным хранителем тайн Монче-тундры для многих исследователей» [Лейбензон, ЭР].

Смотритель

В отличие от работы проводником другая экономическая деятельность Калины Архипова — как смотрителя станции — не наделяется в очерках дополнительными значениями и смыслами. Указывается, что он совмещал обе эти «службы», пока имел два жилища: на летнем месте, в Монче, где он построил избушку и баню, «встречал» и водил приезжих исследователей, и на зимнем месте, на станции Половинка (саам. Корксканда), где Калина Иванович нанялся смотрителем барака для проезжающих промышленников [Чарнолуский, 1972: 141]. На станции Калину Ивановича все уважали: «Барак свой он держал в чистоте и порядке, проходящих сторожил и потачки к пьянству и буйству не давал» [Чарнолуский, 1972: 142; Караваяева, 1999: 64]. Казармы, наподобие той,

где работал Калина Иванович, были построены несколько позже, чем станционные избы официальных почтовых станций Кольского тракта, отмеченные на всех картах Кольского п-ова и перечисленные всеми историками и статистами (Н. Дергачевым, А. Я. Ефименко, А. А. Мухиным, Н. Н. Харузиным и мн. др.). Дополнительные станции на пути следования поморов-промышленников от Кандалакши до Колы (такие, как Ягельный бор), расположенные обычно на выселках, с большими казармами, «выстроенными с затратами земских средств и трудов администрации», упоминаются редко [Мухин, 1910: 33–34]. Не встречается прямых сведений ни о казарме на Половинке, ни о других имандрских дополнительных станциях. Однако их можно обнаружить, внимательно изучая путевые очерки исследователей и другие источники. Например, на карте В. Рамзая 1887–1892 гг. отмечена станция, расположенная напротив мыса Высокого (район современной станции Нефелиновые пески). О ней же вспоминает Н. В. Кудрявцев в своих записках [Кудрявцев, 1884: 210–211]. Если допустить достоверность информации, изложенной в очерках Н. Н. Чарнолуского, то Калина Иванович переселился на Половинку «к своим тридцати годам» [Чарнолуский, 1972: 141], то есть около 1900 г. Примерно в это время возникло само поселение Половинка [Географический словарь..., 1939: 79], куда переехала часть экостровских саамов из распавшегося зимнего погоста, покинутого в самом конце XIX в. (как пишет В. Ю. Визе, за 17 лет до его экспедиции [Визе, 1917б: 73]).

Семья и переход к оседлости

По всей видимости, переход к оседлому образу жизни Калины Ивановича Архипова был обусловлен социально-экономическими причинами. С одной стороны, активный процесс изучения и освоения окрестностей Мончи привел к постоянному спросу на услуги проводника, а колониционная политика государства всячески способствовала тому, чтобы коренное население оставило кочевой образ жизни. С другой стороны, не могло не повлиять на изменение жизненного уклада и наличие семьи у Калины Ивановича.

Согласно очеркам, Калина Архипов женился к тридцати годам [Чарнолуский, 1972: 141], около 1900 г., и уже с семьей перебрался на Половинку. Его жена Степанида Карловна, по некоторым источникам, происходила из Бабинского погоста [Предания..., 2018], что вполне могло быть, учитывая вхождение Экостровского и Бабинского погостов в единый эндогамный ареал [Куропятник, 2003]. Вместе с тем существуют неопубликованные свидетельства потомков экостровских саамов, восстанавливающих истории своих семей, согласно которым жену Калины Архипова звали Степанида Карповна и она значилась в документах как крестьянская девица Кандалакшского прихода. Валентина Караваева, внучка Калины Ивановича от его дочери Марии, описывает Степаниду Карловну как очень энергичную женщину: «Она ни в чем не уступала мужчинам, ходила на лыжах, слыла удачливым охотником» [Караваева, 1999: 64]. Жена Калины Архипова рано умерла, семеро детей: Федор, Мария, Анисья, Александра, Леонтий (по другим источникам Левонтий, Леонид), Архип и Елена остались без матери. В очерках В. В. Чарнолуского их имена несколько изменены, но узнаваемы: Федотка, Анфиска, Соня, Леночка, Левк, Ярашка [Чарнолуский, 1972: 125–129]. Вместе с тем писатель, по всей видимости, и в данном случае не придерживался фактов: реальный возраст детей Калины Ивановича (если

Чарнолуцкий описывал в своих очерках именно их, о чем доподлинно неизвестно), должен был быть к 1930-м гг. намного больше.

Судьба детей Калины Ивановича прослеживается во многих краеведческих очерках и воспоминаниях потомков Архипова [Семенов-Тянь-Шанский, 1975; Караваева, 1999; Архипова, 2006; Лейбензон, ЭР; Лейбензон, 2007].

Старший сын Федор вместе с Германом Крепсом, будущим первым директором Лапландского заповедника, в 1929 г. провел предварительное обследование территорий, отведенных под заповедник, и учет диких оленей (рис. 4). Был арестован 29 сентября 1937 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности, расстрелян и реабилитирован только в 1959 г. Жена и дети Федора также не избежали репрессий.

Леонтий, как и отец, работал проводником во многих экспедициях и в рабочих группах по прокладке линий электропередач, заведовал оленьим стадом строительства «Североникеля» (рис. 5). В годы войны перебрался в с. Ловозеро, где умер в конце 1964 г.

Рис. 4. Кордон заповедника.
На Чунозере. Наблюдатели охраны
Ф. К. Архипов и Л. Г. Кокорин
выезжают в дозор. Ноябрь 1934 г.
[Семенов-Тянь-Шанский, 1975: 17]

Рис. 5. Леонтий Калинович Архипов
(справа) с сыном Николаем. 1941 г.
[Лейбензон, 2007: 3]

Архип, младший из сыновей, женился на Зинаиде Сорвановой, с семьей которой дружили еще старшие Архиповы. Был первым егерем Лапландского заповедника. Проработал сравнительно недолго и стал членом рыболовной промысловой артели «Имандра». В 1933 г. при спуске с горы на нартах получил смертельное ранение. Зинаида вторично вышла замуж и сохранила за своим сыном фамилию первого мужа.

Старшая из дочерей Мария после смерти матери стала хозяйкой в доме. Повзрослев, она перебралась в Колу и работала на почте, затем в Мурманск, где стала швеей. В 1924 г. под Ленинградом вышла замуж, вместе с мужем много переезжала по стране, работала на «Волховстрое», Свирской ГЭС, электростанции в г. Острове Псковской обл., Волховском алюминиевом заводе. Во время войны супруги попали на Урал и остались там жить. Внук Марии,

правнук Калины Ивановича, живет в Мурманске, окончил высшую «мореходку», работает в ПИНРО.

Остальные дочери прожили всю жизнь в Мончегорске, занимались рыбной ловлей, трудились на «Североникеле» и в «Кольстрое».

Сам Калина Иванович прожил до 74 лет, умер 28 мая 1937 г. на руках своего сына Леонтия, у которого находился на иждивении. Его потомков, по словам Валентины Караваевой, разбросало по всей стране: в Мурманск, Ковдор, Оленегорск, Москву, Санкт-Петербург, на Урал. «По их биографиям можно изучать географию и историю нашей страны» [Караваева, 1999: 65].

Выводы

Жизнь Калины Ивановича Архипова является отчетливой иллюстрацией полукочевого быта кольских саамов конца XIX в. — 1930-х гг., имандрской группы, имеющей следующие хозяйственно-культурные особенности:

- разделенное хозяйство (у Калины Архипова имелись летнее жилище в семейных угодьях в Монче-губе и зимняя изба в Половинке);
- сезонные миграции;
- короткий маршрут перекочевки (обе избышки Калины Архипова располагались буквально напротив друг друга через озеро);
- типичные для всех кольских саамов традиционные промыслы (рыбная ловля, охота, оленеводство);
- дополнительные источники дохода, связанные с дорожно-транспортным значением оз. Имандры (работа проводником, работа ямщиком и смотрителем на станции).

Предположительно, дополнительные промыслы также имели сезонный характер: основная нагрузка смотрителя в бараке приходилась на смены сезонов: весной, когда промышленники уезжали к промысловым участкам на Мурманском берегу, или осенью — когда они возвращались в свои селения на побережье Белого моря. Работа проводником имела отчасти сезонный, отчасти маятниковый характер. Подавляющая часть научных исследований проводилась в летний сезон, когда на горных возвышенностях сходил снег. При этом экспедиции подразумевали для Калины Архипова своеобразный «уход на работу» с возвращением сначала в летнее, затем в постоянное место проживания. Переход к оседлости имел, главным образом, экономические причины и был обусловлен появлением регулярного заработка в районе Монче-тундры, которая активно осваивалась, колонизировалась и застраивалась в 1930-х гг.

Список источников и литературы

Архипов Калина Иванович (а) // Кольская энциклопедия: в 5 т. URL: http://ke.culture.gov-murman.ru/slovník/?ELEMENT_ID=92650 (дата обращения: 14.08.2019).

Архипов Калина Иванович (б) // Кольский Север: энциклопедический лексикон. URL: http://lexicon.dobrohot.org/index.php/%D0%90%D0%A0%D0%A5%D0%98%D0%9F%D0%9E%D0%92_%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87. (дата обращения: 14.08.2019).

Архипова Е. С. История Мончегорска. Род Сорвановых: [исследовательская работа]. Мончегорск: Мончегорские электрические сети, 2006. 20 с.

Белоусов В. В снегах Лапландии // Всемирный следопыт. 1929. № 5. С. 323–344.

Визе В. Ю. Народный эпос русских лопарей: Материалы // Известия Архангельского о-ва изучения Русского Севера. 1917а. № 1. С. 15–24.

Визе В. Ю. Народный эпос русских лопарей: Материалы // Известия Архангельского о-ва изучения Русского Севера. 1917б. № 2. С. 65–73.

Географический словарь Кольского полуострова: в 2 т. / под ред. В. П. Воиновича. Л.: Тип. им. Володарского, 1939. Т. 1. 144 с.

Дергачев Н. Статистический очерк // Русская Лапландия: стат. геогр. и этногр. очерки. Архангельск: Тип. губ. прав., 1877. 108 с.

Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии // Записки ИРГО. 1878. Т. 8. С. 1–89.

Золотарев Д. А. Кольские лопари // Труды Лопарской экспедиции Русского геогр. о-ва по антропологии лопарей и великорусов Кольского полуострова. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1928. 207 с.

Иванова М. В., Казакова К. С., Шабалина О. В. Опыт социоэкономического и культурного развития Арктической зоны РФ в VIII — начале XX вв.: к разработке источниковой базы исследования // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. Т. 8, № 9–12. С. 61–76.

Иванова М. В., Шабалина О. В. Извоз и содержание почтовых станций как вид экономической деятельности коренного населения Кольского полуострова (саамов) в XIX в. // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 42–53.

Караваева В. Старожилы Монче-губы // Живая Арктика. 1999. № 3–4. С. 64–65.

Карта Кольского полуострова 1932–1933 годов НКТП СССР // Это Место. URL: <http://www.etomesto.ru/karta3140/> (дата обращения: 14.10.2019).

Кудрявцев Н. В. Русская Лапландия // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Ч. 1–2, март. С. 36–72.

Куропятник М. С. Социальная организация саамов // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 101–108.

Кучинский М. Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII веках. Модель социальной структуры. Серия DIEDUT. Альта, 2008. № 2.

Лейбензон Г. А. Мончегорск: история малой родины. Книга о том, как на земле саамской появился город, названный поэтами «жемчужиной Заполярья», и о людях, что построили город и современный комбинат // Краеведческий портал Мончегорска. URL: <http://krai.monlib.ru/monchegorsk-istoriya-maloj-rodiny/> (дата обращения: 05.07.2019).

Лейбензон Г. А. Лопарский след // Кольский никель. 2007. № 4 (239), 1 февраля. С. 3.

Лукияненко Т. В. Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX–XX в. М.: Наука, 1971. 167 с.

Мончегорск // Кольский Север: энциклопедический лексикон. URL: <http://lexicon.dobrohot.org/index.php/%D0%9C%D0%9E%D0%9D%D0%A7%D0%95%D0%93%D0%9E%D0%A0%D0%A1%D0%9A> (дата обращения: 14.08.2019).

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера. ОФ. 332.

Мухин А. А. О Мурмане и Лопландии. Записка Чиновника по крестьянским делам 1-го участка Александровского уезда А. А. Мухина. Архангельск: Губернская тип., 1910. 50 с.

Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 1465. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 105–107.

Очерк // Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. Т. 8. С. 394.

Пация Е. Я., Разумова И. А. *Genius loci*. (А. Е. Ферсман) // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова: сб. ст. Апатиты: КНИЦ РАН, 2006. С. 60–69.

Попович Т. От избушки Калины Архипова // Мурманский вестник. 2017. 30 августа. URL: <https://www.mvestnik.ru/our-home/ot-izbushki-kaliny-arhipova/> (дата обращения: 05.07.2019).

Похозяйственная перепись приполярного Севера СССР 1926–27 года. Территориальные и групповые итоги похозяйственной переписи. М.: Статиздат ЦСУ СССР, 1929. 259 с.

Предания Монче-тундры / Музей истории города Мончегорска, Мончегорская национально-культурная автономия коренного малочисленного народа саами. Апатиты: КаэМ, 2018. URL: https://psv4.userapi.com/c848432/u13331724/docs/d8/13e9c2906629/Predania_Monche-tundry.pdf?extra=IdvqlhJHWFwJWiyK83Gpe-TaY1ITxlbh4lb5TBPM9BGtv6xer-nGADcoFt2j7eXhievVIG46TlSqnqP-EnsEPcmxklBpxqSoYXssO7d91cz5bkpn0ccN5ojGylGBvjvA9UZSDmmjQ_NsfmWPZF77_mv&dl=1 (дата обращения: 15.09.2019).

Семенов-Тянь-Шанский О. И. Лапландский заповедник. Мурманск: Кн. изд-во, 1975. 244 с.

Ушаков И. Ф. Избранные произведения: Историко-краеведческие исследования: 3 т. Т. 3: Кольская старина. Мурманск: Кн. изд-во, 1998. 473 с.

Ферсман А. Е. Воспоминания о камне. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 168 с.

Харузин Н. Н. Русские лопари: (Очерки прошлого и современного быта). М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. 472 с.

Хомич Л. В. Саамы. СПб.: Просвещение, 1999. 95 с.

Чарнолуский В. В. В краю летучего камня. Записки этнографа. М.: Мысль, 1972. 271 с.

Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей: Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л.: Издание ГРГО, 1930. 176 с.

Энгельгардт А. П. Русский Север: Путевые записки. СПб.: А. С. Суворин, 1897. 258 с.

Pearson Henry J. Three summers among the birds of Russian Lapland. London: R.H. Porter, 1904. 215 p.

Rae E. The White Sea Peninsula: A Journey in Russian Lapland and Karelia. London: John Murray, 1881. 347 p.

Сведения об авторе

Бодрова Ольга Александровна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Bodrova Olga A.

PhD (History), Senior Research
Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.83-93

УДК 314.7.045(=112.2)(470.21)

Е. В. Бусырева

СУДЬБЫ РАСКУЛАЧЕННЫХ НЕМЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ ДВУХ СЕМЕЙ ИЗ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)¹⁰

Аннотация

Статья вводит в науку новые источники частного происхождения. Она посвящена истории немецких семей из Ленинградской обл., которые были раскулачены и высланы на север в Хибиногорск. В основу статьи легли интервью, полученные у представителей двух семей, а также документы их семейных архивов. Рассматривается история миграций немецких семей, сообщается о предках информантов. Основу семейной истории составляет процесс раскулачивания, что характерно для представителей «репрессированных народов». Тексты интервью и документы семейных архивов информантов обладают значительным информационным потенциалом и могут быть использованы в качестве источника для изучения российских крестьянских семей с немецкой родословной.

Ключевые слова:

спецпереселенцы, кулаки, немцы, спецпоселок, депортация.

Elena V. Busyрева

DESTINIES OF DISSOLVED AND EVICTED GERMANS (ON THE EXAMPLE OF TWO FAMILIES FROM THE MURMANSK REGION)

Abstract

The article introduces new sources of private origin into science. It is dedicated to German families from the Leningrad region. They were wealthy peasants, whom the Soviet government deprived of property and sent north to Khibinogorsk. The article is based on interviews, obtained from representatives of two families, as well as their family archives. The history of migration of German families is outlined in the article. The process of forced eviction is presented in more detail. The presented materials from the family archives of informants have a considerable information potential and can be used as a source for studying the peasant families with German pedigree.

Keywords:

special settlers, fists (prosperous peasants), Germans, special settlements, deportation.

¹⁰Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00392 «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность».

Судьбы раскулаченных и высланных в отдаленные регионы крестьянских семей являются актуальной темой, так как история нашего региона тесно связана с судьбами спецпереселенцев. Спецпереселенцами до 1934 г. именовались раскулаченные и высланные крестьяне, а в период с 1934 г. по март 1944 г. — трудпоселенцами [Вавулинская, 2013: 3]. Кулацкими считались те крестьянские хозяйства, которые использовали наемный труд. Линии жизни и семейные истории раскулаченных и выселенных в Мурманский округ немцев позволяют не только более глубоко и конкретно рассмотреть процесс раскулачивания в СССР, но выявить варианты протекания и осмысления этого процесса на уровне малых общностей. В данной статье прослеживается история миграций немецких семей до начала Великой Отечественной войны.

Начало массовой миграции немецких семей в Россию

На протяжении всей истории формирования и развития российских немцев миграционный фактор играл важную роль в этнических и социальных процессах, происходящих в их среде. Формирование этнической общности российских немцев началось после того как Екатерина II пригласила иностранцев на заселение в Россию [Савоскул, 2011: 492]. Как высказалась по этому поводу информант М. Ф.¹¹, *«мама говорила, что мы — приданое Екатерины II»*.

4 (15) декабря 1762 г. императрица Екатерина II подписала Манифест «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в своё отечество русских людей, бежавших за границу», призывающий иностранцев переселяться в Россию [Полное собрание..., 1830: 126]. Из иностранных граждан приехали преимущественно немцы. Причин тому несколько. Во-первых, были экономические основания (поиск лучшей жизни во все времена был основной причиной миграций) — высокие налоги, малоземелье, голод как следствие Семилетней войны, которая только заканчивалась в это время в Европе (15 февраля 1763 г.). Во-вторых, мигрировать вынуждала принудительная военная служба. В-третьих, переселению способствовало реформирование религиозно-образовательной сферы [Терехин, 1999: 18.].

Исследователи разделяют переселение немцев в Российскую империю на два основных этапа. На первом этапе — в 1764–1773 гг. заселялось преимущественно Поволжье, однако в 1765 г. небольшую часть колонистов расселили в окрестностях Петербурга, так как большому, быстро растущему городу требовалось всё больше продовольствия [Андрейчева, ЭР]. На втором этапе, который датируется 1789–1824 гг., заселялись преимущественно Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии, а также Бессарабия. Согласно данным, приведенным С. О. Терехиным, в Россию на первом этапе переселились около 30600 немцев, а во второй период — около 41600 человек [Терехин, 1999: 25]. Полученные земли передавались не в собственность, а в вечное наследуемое пользование. Можно было работать на этой земле, передавать ее по наследству потомкам, но продавать было нельзя. Разрешалось только вернуть обратно государству. Домами и хозяйственными постройками колонистов обеспечивала российская казна. По существу, они или приезжали на всё готовое или получали деньги на приобретение дома [Андрейчева, ЭР].

¹¹Сведения об информантах содержатся в конце статьи.

К концу XIX в. в России жило около двух миллионов немцев, но на Европейском Севере их число было невелико [Фаузер, 2011: 155]. В частности, в Кольском уезде Архангельской губернии числилось всего два немца (один мужчина и одна женщина) [Первая всеобщая..., 1904: 50–51].

В начале XX в. значительная часть немцев проживала на территории современной Украины, в Поволжье, Приазовье и Причерноморье. Впоследствии, в результате депортаций, ареалами расселения немцев становятся Сибирь, северные и восточные регионы Казахстана и Урал [Савоскул, 2011: 512]. Административно-правовое положение немцев на спецпоселении в годы Великой Отечественной войны является предметом специального исследования [Белковец, 2003].

Семейные корни информанта М. Ф.

Корни информанта М. Ф. происходят из немецкой колонии Ново-Александровская, которая находилась на территории современного Фрунзенского района Санкт-Петербурга. Со временем Ново-Александровская колония стала быстро сокращаться из-за нового строительства и к середине 1970-х гг. перестала существовать [Андрейчева, ЭР]:

Сейчас это уже Ленинград. У меня прапрабабушка еще там похоронена, может быть, слышали, станция Обухово. Вот на немецком кладбище, где могила моей прапрабабушки, написано, я запомнила, Екатерина Ф., урожденная В., родилась в тысяча восемьсот тридцать шестом году. А раньше там была немецкая колония.

Ниже представлены дореволюционные фотографии предков из семейного архива (СА) информанта М. Ф. (рис. 1–3). Хотелось бы подчеркнуть, что предки информанта — крестьяне, занимавшиеся огородничеством: «У них основное — картошка была». Безусловно, данные фотографии «постановочные», что сказывается на облике, позах, одежде, но очевидно, что русские крестьяне на снимках того же времени выглядят иначе.

Рис. 1. Прадед (фото из СА информанта М. Ф.)

Рис. 2. Прабабушка (фото из СА информанта М. Ф.)

Рис. 3. Дед и бабушка (фото из СА информанта М. Ф.)

Родная бабушка информанта М. Ф. София умерла совсем молодой (ей не было и тридцати лет) от заражения крови в 1918 г. Дед, имея на руках трех маленьких детей, вновь женился.

Его вторая жена Шарлотта *«не была классической мачехой, она нормальная была»* (рис. 4). Информант сохранила о ней теплые воспоминания. *«Бабуся»* (так её нежно называла М. Ф.) не только помогла мужу вырастить его детей, но и воспитать его внуков. И тот факт, что в самые тяжелые времена (в период раскулачивания и в годы войны) семья выжила, рассматривается, прежде всего, как её заслуга.

Информант М. Ф. вспоминала рассказы старших о родине: *«Там вокруг было много заводов. Дома были большие, и немцы сдавали жилье русским рабочим. И дети между собой играли и по-русски говорили»*.

Возможно, данное обстоятельство

повлияло на дядю информанта, который не стал заниматься, как его предки, фермерством: *«А вот дядя, родной брат родной бабушки, сельское хозяйство вообще не любил. Он работал на заводе. Поэтому его не раскулачили»*.

Семейные корни информанта А. Ф.

Предки информанта А. Ф. происходят из немецкой колонии Овцино (Овцына) Слуцкого района (в настоящее время поселок имени Свердлова во Всеволожском районе Ленинградской обл.).

В «Списках населённых мест Российской Империи» второй половины XIX в. указано, что немецкая колония Овцино расположена на берегу Невы, население лютеранского вероисповедания [Списки..., 1864: 192].

Екатерина II хотела привить в России навыки европейского земледелия, в том числе и любовь к картофелю, поэтому основные посевные площади у колонистов, проживающих недалеко от Петербурга, занимал картофель. Предки информанта А. Ф. (рис. 5) (как и второго информанта) занимались овощеводством: *«До выселения сюда у них было очень большое хозяйство. Они овощи выращивали, картофель»*.

Рис. 4. Вторая жена деда
(фото из СА информанта М. Ф.)

Рис. 5. Бабушка и мама (стоит)
информанта А. Ф. (фото из СА)

Раскулачивание

На формирование исторической памяти народа большое влияние оказывают значимые для всех принадлежащих к этой группе людей политические события, которые часто были связаны с притеснением их прав и свобод [Савоскул, 2011: 492]. Переживание такого травмирующего события, как спецпереселение, способствовало как самоидентификации общности «спецпереселенцы» [Змеева, Разумова, 2017; Разумова, 2019], так и внутренней интеграции «репрессированных народов» [Шнирельман, 2001, 2018; Гучинова, 2004]. Одним из главных факторов интеграции был семейный [Разумова, 2018]. Раскулачивание и переселение — основные события в истории российских крестьянских семей, в одном ряду с ними находится только война. Весомый вклад в изучение частных судеб спецпереселенцев Мурманской обл. внес В. Я. Шашков. В своих работах он рассматривал основные этапы жизни раскулаченных, а также уделял много внимания и социальным последствиям раскулачивания.

В ноябре 1929 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) было принято решение о проведении сплошной коллективизации [Шашков, 1997: 178]. 30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» [Постановление Политбюро ЦК ВКП(б), ЭР]. В этот же период был взят курс на ускоренное промышленное освоение севера, и Мурманский край столкнулся с дефицитом собственной рабочей силы. Данная проблема была решена при помощи использования труда раскулаченных крестьян.

В 1931 г. в Мурманский округ прибыло самое рекордное количество спецпереселенцев — около 15 тысяч, из них 7842 человека были направлены в Хибиногорск [Шашков, 2004: 109].

Как указывает В. Я. Шашков, национальный состав спецпереселенцев был чрезвычайно пестрым: «На 1 января 1935 года в городе Кировске и его окрестностях среди спецпереселенцев были представители 32 национальностей. Самой многочисленной группой были русские, которые составляли 74 % от общего состава спецпереселенцев. Немцев числилось 426 человек» [Шашков, 1993: 58; 1997: 213; 2004: 112]. Среди них были и семьи наших информантов, раскулаченные и выселенные в 1931 г.: «Родители моего деда, вот они были хозяевами, вот их и раскулачили... Они были крестьянами. А в тридцать первом их раскулачили и сослали сюда» (М. Ф.). У семьи было большое хозяйство, в котором они использовали наемный труд.

Оказавшись на спецпоселении, дед информанта М. Ф. стал «работать разнорабочим» (или, как указано в справке, «подносчиком при кладовой» (рис. 11), а «бабушка, поскольку она умела хорошо шить, работала в Кировске до сорокового года в ателье. И вот, если появлялась какая-нибудь скандальная дамочка, всегда ее посылали улаживать конфликт».

АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
МЭРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И АДМИНИСТРАЦИИ ОБЛАСТИ
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
В Г. ВЫБОРГЕ (ЛОГАН)
АРХИВНАЯ СПРАВКА

13.02.95 № 10275-Ф 191194 С-Петербург, Литейный пр.
243-Ф д.4 Информант ГВБД
г. Выборг 184200 Мурманская обл.
На № 1425-Ф-49 от 13.12.95 г. Апатиты, Администрация
На № 35/14-12-4 от 28.12.95

В неполных документах архивного фонда Исполкома Ленинградского Пригородного райсовета Ленинградской области и его Финансового Отдела, в документах о лишении и восстановления лиц, лишенных избирательных прав и кулацких хозяйств района (списки составлены в 1931-1936 гг.) значится:

Генрих Христианович, 1862г.р., глава
Маргарита Федоровна, 1874г.р., жена
Яков Генрихович, 1905г.р., сын
Маргарита Христиановна, 1904г.р., невестка
Андрей Генрихович, 1909г.р., сын
Христина Генриховна, 1896г.р. : отношение к главе семья
Шарлотта Яковлевна, 1905г.р. : не указано.

жители колонии Овцино Усть-Ижорского (Овчинского) сельсовета, лишены избирательных прав в 1931г как кулаки, за применение наемного труда (№ и дата решения о лишении прав не указаны).

Годы рождения [] указаны как в документе.

Хозяйство [] за применение наемного труда привлекалось к индивидуальному налогообложению на 1930-1931 (акт Пригородного райфинотдела от 16.01.32), ликвидировано.

Имеется отметка "выселены в Хибиногорск" (кем и когда принималось решение, конкретные причины выселения в деле не указано).

Сведениями об имущественном положении семьи [] архив не располагает.

Опись имущества, конфискованного при раскулачивании, личные дела [], похозяйственные книги колонии Овцино до 1940 года в архив не поступали.

Рис. 6. Справка о раскулачивании и выселении семьи отца информанта А. Ф.

Семья деда информанта А. Ф. также была раскулачена и лишена избирательных прав за применение наемного труда, хозяйство ликвидировано, вся семья выслана в Хибиногорск (рис. 6).

Спецпереселенцы стали «приписными рабочими» на рудниках и фабриках. Их трудом были заложены основы развития богатых сырьевыми ресурсами окраин страны. Условия жизни спецпереселенцев были крайне неблагоприятными, что приводило к высокой смертности [Фаузер, 2011: 157, 161].

Согласно Постановлению Президиума ЦИК СССР от 3 июля 1931 г. «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков», спецпереселенцев должны были восстановить во всех гражданских правах по истечении пяти лет с момента выселения [Постановление..., ЭР]. Однако Кировский район остро нуждался в рабочей силе. В связи с этим Райкомендатурой апатитовых разработок было решено запретить выезд из района поселения трудпоселенцам. Они обязаны были два раза в месяц отмечаться в комендатуре [Кировск в документах..., 2006: 89]. Самовольно оставившие место выселения трудпоселенцы привлекались к судебной ответственности [Там же: 185–186]. Трудпоселенцы были оставлены на неопределенный срок в местах ссылки. При этом паспорта им не выдавались [Лобченко, 2012: 19].

Таким образом, благодаря процессу раскулачивания власти решили проблему нехватки рабочей силы на стройках первых пятилеток и освоения хозяйственно значимых территорий. Кроме того, была уничтожена оппозиция недовольных советской властью в сельской местности, произведена конфискация имущества зажиточных крестьян [Суслов, 2013: 14]. Задачи экономического освоения малообжитых территорий, богатых природными ресурсами, решались при помощи принудительных переселений. Именно принудительные переселения с этого времени становятся приоритетными для государства [Фаузер, 2011: 156–157].

Родители

Рис. 7. Мать информанта А. Ф. (стоит справа). Кировск, 1937 г.

Рис. 8. Отец информанта А. Ф.

Рис. 9. Мать информанта А. Ф.

Мать информанта М. Ф. работала табельщицей на комбинате «Апатит». Параллельно она училась: *«Мама кончила техникум в Кировске, медицинский. И отец у меня кончил мед. техникум. Она вышла за него замуж. Отец у меня русский, тоже из раскулаченной семьи из Ленинградской области, только из Кингисеппского района».*

Мать информанта А. Ф. (рис. 7, 9) приехала в Кировск к раскулаченным родителям по собственному желанию: *«Мама в тридцать шестом году по собственному желанию сюда приехала из Ленинграда, потому что ее родителей сюда выслали».*

Переезд из Ленинграда в Кировск — это выбор тактики эскапизма, реакция на возникшее чувство опасности. Дело в том, что мать информанта А. Ф. в тридцатые годы работала в составе обслуживающего персонала (или, как выразился сам информант, *«прислужой»*) в консульстве Германии. Она почувствовала назревающую угрозу и решила уехать на север к родителям на спецпоселение. Таким способом ей удалось избежать, возможно, более серьезных проблем. По прибытии в Кировск ее поставили на учет спецпоселения как члена кулацкой семьи (рис. 10).

Рис. 10. Справка из СА информанта А. Ф.

Рис. 11. Справка из СА информанта М. Ф.

Отец информанта А. Ф. (рис. 8) также из раскулаченной немецкой семьи, выселенной в Хибиногорск (рис. 6). Со слов младшего брата информанта (Г. Ф.), *«до выселения (имеет в виду депортацию по национальному признаку в 1940 г. — Е. Б.) отец работал сварщиком. Его еще посадили на три года за драку с комсомольцами».* Из-за чего произошла драка, брату информанта неизвестно. После освобождения отца в 1939 г. родители информанта А. Ф. *«поженились, еще здесь. А в сороковом всех немцев отсюда выселили в июле. И получается, что я родился по дороге».*

Информант М. Ф. также сообщила, что семью ее матери в 1940 г. вывезли в Алтайский край (рис. 11). Мать уехала вместе с ними, несмотря на то, что была замужем за русским (отец в это время учился в медицинском институте в Свердловске): *«Она могла не ехать, но <...> их всех увезли, не оставаться же здесь одной»*. Многих пугала неизвестность будущего. А единство семьи было гарантом выживания в тяжелые времена [Разумова, 2018: 22].

Как известно, летом 1940 г. вышел Приказ НКВД СССР № 00761 «О переселении из г. Мурманска и Мурманской обл. граждан инонациональностей». Согласно этому приказу, немцы были депортированы в Алтайский край [Бугай, Гонов, 2003: 170–171]. Депортации — это насильственная миграция, одна из разновидностей политических репрессий. Превентивным (предупреждающим) депортациям в СССР подвергались народы, с зарубежными соплеменниками которых велась война [Полян, 2001: 11–12, 30]. Чтобы исключить возможность шпионажа, из приграничной Мурманской обл. в целях безопасности выселялись в отдаленные регионы российские немцы и финны [Киселев, 1992]. Коллективная память о депортации составляет важнейший компонент исторического сознания российских немцев [Эйхельберг, 2012: 96]. Депортация по национальному признаку объединила российских немцев, сформировала осознание единства исторической судьбы, общей этнической идентичности (так же как и у российских финнов).

Спустя годы матери информантов вернулись на север. Отец информанта А. Ф. умер во время войны после ареста по статье 58-10 УК РСФСР (контрреволюционная агитация).

Сравнивая историю двух семей, можно прийти к выводу, что судьба родителей информанта А. Ф. сложилась более трагично. Вероятно, повлиял тот факт, что оба родителя — немцы. А у информанта М. Ф. немкой была только мать. Выйдя замуж, она поменяла свою немецкую фамилию на русскую фамилию мужа. Поэтому ей легче было адаптироваться в сложившихся социально-политических условиях. Такая же тактика поведения (брак с русским) была характерна для финских женщин.

Если по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи, в Кольском уезде проживало 2 немца [Первая всеобщая..., 1904: 60–61], в 1926 г. немецкое население в регионе составляло 51 человек (0,22 %), то к 1939 г. численность немцев резко увеличилась за счет переселения раскулаченных семей в регион и составила уже 970 человек (0,33 %). В результате депортации из Мурманской обл. в 1940 г. по национальному признаку численность немецкого населения сократилась в 1959 г. до 345 человек (0,06 %) [Население..., ЭР] (табл.).

В последующие годы численность и доля немцев в Мурманской обл. постоянно снижались в результате ассимиляционных процессов и оттока российских немцев в ФРГ.

Изменение численности немецкого населения Мурманской обл.
[Население..., ЭР]

Год	1897	1926	1939	1959
Численность	2	51	970	345

Сведения об информантах

М. Ф., *ж.*, 1938 г. р., отец — русский, мать — немка, место рождения г. Кировск, образование высшее;

А. Ф., *м.*, 1940 г. р., из моноэтнической немецкой семьи, родился по дороге из г. Кировска в Алтайский край (место рождения в паспорте указано поселок Змеиногорск Алтайского края), образование высшее.

Список источников и литературы

Андрейчева В. Ф. Ново-Александровская колония в Обухово и Преображенское кладбище. URL: <http://blog.excurspb.ru/petersburg/item/44-novo-aleksandrovskaya-koloniya> (дата обращения: 19.02.2019).

Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 324 с.

Бугай Н. Ф., Гонов А. М. «По решению правительства Союза ССР...». Нальчик: Эль-Фа, 2003. 927 с.

Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х — середине 1950-х гг. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2013. 337 с.

Гучинова Э. М. Вынужденные переселения и этническое самосознание: на примере этнополитической истории калмыков в XX веке: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2004. 56 с.

Змеева О. В., Разумова И. А. Спецпереселенцы Хибинского края: динамика идентичностей // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168), ноябрь. С. 33–43.

Кировск в документах и фактах, 1920–1945 гг.: хрестоматия // ГАМО в г. Кировске. Кировск, 2006. 265 с.

Киселев А. А. ГУЛАГ на Мурмане. История тюрем, лагерей, колоний // Советский Мурман. 1992. 6–30 октября.

Лобченко Л. Н. Север гулаговский: из истории спецпереселенцев северного края // Хибинский край. Память сердца. Апатиты: Апатит-Медиа, 2012. С. 11–19.

Население Мурманской области. URL: <https://www.turkaramamotoru.com/ru/230679.html> (дата обращения: 29.07.2019).

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1899 года: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел / под ред. Н. А. Тройницкого // Архангельская губерния. Тетрадь 3. 1904. 157 с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XVI (с 28 июня 1762 по 1765). СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. URL: <http://elibrary.shpl.ru> (дата обращения: 26.07.2019).

Полян П. М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2001. 327 с.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. URL: <http://pseudology.org> (дата обращения: 01.08.2019).

Постановление Президиума ЦИК СССР от 3 июля 1931 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3743.htm (дата обращения: 06.06.2015).

Разумова И. А. Идентификация символической общности «спецпереселенцы» сквозь призму мемуарных текстов // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2019 Вып. 16 (10). С. 5–20.

Разумова И. А. Семейный фактор интеграции исторической общности спецпереселенцев // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Вып. 14. С. 14–28.

Савоскул М. С. Судьба российских немцев в XX веке: связь истории и географии (этапы миграции по данным переписей населения 1897–2000-е гг.) // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII междунар. науч. конф. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 492–513.

Списки населённых мест Российской Империи, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел // Санкт-Петербургская губерния. По состоянию на 1862 год. Вып. 37 / Обработано И. Вильсоном. СПб.: Изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1864. 214 с.

Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х — начале 50-х гг. XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. 38 с.

Терехин С. О. Поселение немцев в России. Архитектурный феномен. Саратов: Кадр, 1999. 216 с.

Фаузер В. В. Немцы в Республике Коми: до и в годы Великой Отечественной войны // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII междунар. науч. конф. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 155–162.

Шашков В. Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области: к 65-летию Мурманской области / Мурманский гос. пед. ун-т. Мурманск: Максимум, 2004. 320 с.

Шашков В. Я. Спецпереселенцы в Хибинах. Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин (книга воспоминаний) / Хибинское общество «Мемориал». Апатиты, 1997. 222 с.

Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане: роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936 гг.). Мурманск: Изд-во МГПИ, 1993. 139 с.

Шнирельман В. А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Язык и этнический конфликт / под ред. М. Брилла Олкотт, И. Семенова. М.: Гендальф, 2001. С. 12–33.

Шнирельман В. А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 12–34.

Эйхельберг Е. А. Депортация советских немцев: взгляд из Германии // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 96–101.

Сведения об авторе

Бусырева Елена Владиславовна

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Busyрева Elena V.

PhD (History), Research
Fellow of the Barents Centre of Humanities, FRC KSC RAS

О. В. Шабалина

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ФОНД Г. Д. РИХТЕРА МУЗЕЯ-АРХИВА ЦГП КНЦ РАН КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация

В статье представлен фонд ученого-географа Г. Д. Рихтера, участника арктических экспедиций, принадлежащий Музею-Архиву истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. Персональный фонд рассматривается как комплексный потенциальный источник для исследований в различных областях знания, в том числе для исторических реконструкций процессов изучения и освоения Европейской Арктики в 1920–1930-х гг.

Ключевые слова:

Г. Д. Рихтер, Кольский п-ов, Арктика, арктическая экспедиция, источник личного происхождения, Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН.

Olga V. Shabalina

PERSONAL FUND OF G. D. RICHTER OF THE MUSEUM-ARCHIVE OF THE BCH KSC RAS AS A HISTORICAL SOURCE

Abstract

The paper presents the fund of the geographer G. D. Richter, a participant in Arctic expeditions, belonging to the Museum-Archive of History of Studying and Exploration of the European North of the Barents Centre of Humanities of the KSC RAS. The personal fund is considered as a comprehensive potential source for research in various fields of knowledge, including for historical reconstructions of the processes of study and development of the European Arctic in the 1920s and 1930s.

Keywords:

G. D. Richter, Kola Peninsula, Arctic, Arctic expedition, personal source, Museum-Archive of History of Studying and Exploration of the European North of the BCH of the KSC RAS.

При проведении исследований по проблеме истории изучения и освоения Арктики (в т. ч. и истории организации и проведения арктических экспедиций) широко используются архивные источники, но предпочтение отдается официальным документам, научно-исследовательской и управленческой документации. В сложившейся современной ситуации в гуманитарных науках, определяющей как приоритетные историко-культурный и антропологический подходы в исследованиях, все более востребованными становятся материалы личных (персональных) фондов, отложившихся в государственных и ведомственных архивах, музеях, библиотеках.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц региона (ЦГП) КНЦ РАН, созданный в 1974 г. по решению президиума Географического общества (ГО) СССР при его Северном филиале (СФ) в г. Апатиты, хранит и экспонирует как типичные музейные объекты (предметы быта, научный инструментарий и т. д.), так и традиционно архивные объекты — документальные материалы персональных фондов и коллекций отечественных ученых, деятелей науки, путешественников и мореплавателей, чьи исследовательские интересы и активная трудовая деятельность были связаны с экспедиционными исследованиями в Арктике

[Шабалина, 2014, 2017]. Среди тех, кто стал фондообразователем Музея-Архива, известный географ Гавриил Дмитриевич Рихтер (1899–1980) — участник арктических научно-исследовательских экспедиций 1920–1930-х гг.

В период комплексного изучения производительных сил нового Советского государства — в 20–30-е годы XX века — Кольский п-ов был исследован усилиями многочисленных экспедиций, деятельность которых именно в этот исторический период, по мнению академика А. Е. Ферсмана, оценивалась в своей основе как один из важнейших и наиболее актуальных научных методов [Ферсман, 1929: 2].

Известный исследователь «русской Лапландии» полевым методом — ученый-геоморфолог, страновед, снеговед, доктор географических наук (1945), профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Гавриил Дмитриевич Рихтер — проводил свои полевые сезоны также в Западной и Восточной Сибири, участвовал в исследовании Антарктиды. Разрабатывая теорию комплексной физической географии, он формулировал принципы и схемы природного районирования, изучал современные физико-географические процессы. Создал ряд комплексных характеристик крупных природных регионов страны. Г. Д. Рихтер являлся основоположником нового направления — ландшафтного снеговедения. Он исследовал снежный покров и его роль в природе и хозяйственной деятельности. Многие из его рекомендаций по использованию снежного покрова были использованы в сельском хозяйстве и учтены при проектировании зимних аэродромов, сооружении снежно-ледовых дорог и др. Один из создателей отечественной школы геоморфологического и физико-географического картографирования. Под руководством Г. Д. Рихтера составлены первая геоморфологическая карта европейской части СССР, карты природного районирования СССР, снежного покрова СССР и земного шара. Занимался историей развития географических знаний в нашей стране. Вел активную преподавательскую работу [Золотницкая, 2004].

Г. Д. Рихтер родился 7 (19) июля 1899 г. в Царском Селе (г. Пушкин) в семье известного статистика, экономиста и географа-энциклопедиста Д. И. Рихтера (1848–1919). Гавриил впервые попал на Кольский п-ов еще в школьные годы летом 1914 г., когда вместе с двумя старшими братьями Дмитрием и Владимиром осуществил путешествие по лодочно-пешему маршруту из Кандалакши в Колу и далее — на пароходе вдоль Мурманского берега в Архангельск. Красота дикой природы края произвела на него неизгладимое впечатление, которое и определило его дальнейшую деятельность в качестве географа. Но прежде, чем окончательно выбрать дело всей своей жизни, в 1916 г. Г. Д. Рихтер поработал в качестве рабочего геологического отряда Самарского музея: вместе с сестрой Ириной собирал геологические образцы Самарской губернии. В 1917 г. после окончания реального училища в Царском Селе поступил на медицинский факультет Юрьевского (Тартуского) университета, но после эвакуации учебного заведения в Воронеж перевелся на естественное отделение Петербургского университета, а в начале октября 1919 г. — новый перевод в только что открытое специальное высшее учебное заведение — Географический институт. Откуда Г. Д. Рихтер уже в ноябре был призван на военную службу в Красную армию в г. Владимир, затем — был курсантом Военно-хозяйственной академии. После демобилизации в марте 1921 г. Гавриил Дмитриевич продолжил свое образование в Географическом институте. Будучи

студентом, Г. Д. Рихтер с мая 1921-го по август 1924-го являлся научным сотрудником Географического института. В августе 1921 г. под научным руководством А. А. Григорьева участвовал в Большеземельской экспедиции Д. Д. Руднева [Музей-Архив. НВФ 1156. Л. 1–2].

Мечта Гавриила Дмитриевича заняться изучением Кольского п-ова осуществилась в 1922 г.: по приглашению профессора-почвоведца Н. И. Прохорова он участвовал в работах Кольского почвенно-ботанического отряда Северной научно-промысловой экспедиции ВСНХ в качестве топографа в маршрутах по Монче- и Чуна-тундре. Членами отряда также были: ботаник О. И. Кузенева и агроном, первый заведующий сельскохозяйственным опытным полем на станции Хибин Г. М. Крепс. Во время работ отряда Г. Д. Рихтер и Г. М. Крепс договорились о дальнейших совместных работах по изучению озера Имандра [Музей-Архив. НВФ 1156. Л. 1–2].

В 1923 г. участвовал в качестве научного сотрудника в Южно-Уральской экспедиции Промышленно-географического отдела КЕПС во главе с А. А. Григорьевым и С. Н. Недригайловым. В том же году начал преподавать в средней школе № 199 в Петрограде.

В декабре 1924 г. Г. Д. Рихтер окончил Географический институт и был «оставлен при Институте для научной и преподавательской работы»: в 1925 г. стал ассистентом, затем доцентом географического факультета ЛГУ, одновременно являясь штатным аспирантом (с 1 октября 1925 г. по 1 марта 1931 г.) и научным сотрудником Географо-экономического научно-исследовательского института (ГЭНИИ). В это же время Гавриил Дмитриевич был избран действительным членом Географического общества и Русского общества любителей мироведения, где его назначили секретарем географической секции. Далее он так и продолжал активно совмещать научно-исследовательскую и административно-преподавательскую деятельность [Золотницкая, 2004; Музей-Архив. НВФ 1156. Л. 1–2].

С 1925 по 1927 гг. Г. Д. Рихтер одновременно руководил работами Имандровской экспедиции Мурманской биологической станции и Колонизационного отдела правления Мурманской железной дороги. Кроме руководства экспедицией, Гавриил Дмитриевич осуществлял глазомерную съемку озера и географические наблюдения, первый заведующий опытным сельскохозяйственным полем на станции Хибин Г. М. Крепс — ботанические и гидрологические наблюдения, Ф. В. Крогиус — ихтиологические и гидрологические работы, С. Ф. Егоров — геоморфологические работы. Экспедиция в течение трех лет провела комплексное обследование одного из самых крупных в Европе озер — озера Имандра и опубликовала серию отчетов, статей и монографию, вышедшую в 1934 г. (рис. 1–3) [Музей-Архив. НВФ 1156. Л. 1–2].

В 1925 г. Г. Д. Рихтер вместе с С. Ф. Егоровым вошел в состав Имандровской экспедиции, одновременно выполняя научные поручения Этнографического отдела Русского музея, обнаружил на Большом Оленьем острове в северной части Кольского залива Баренцева моря грунтовый могильник лапландской культуры, который впоследствии был изучен археологами и датирован около середины II тысячелетия до н. э. [Шмидт, 1930: 121–122].

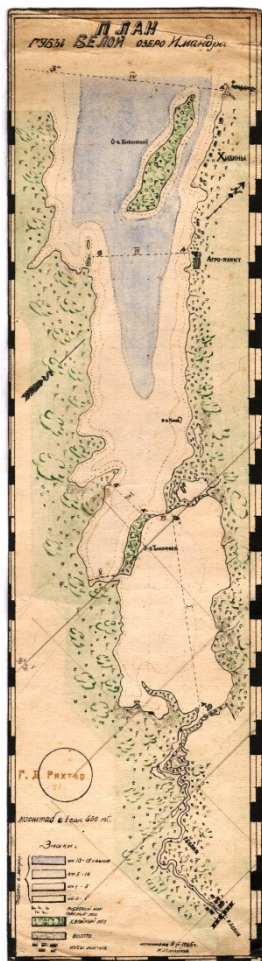

Рис. 1. М. Михайлов. План губы Белой оз. Имандра. 9 апреля 1925 г. Масштаб: в 1 см 500 м [Музей-Архив. НВФ 1126]

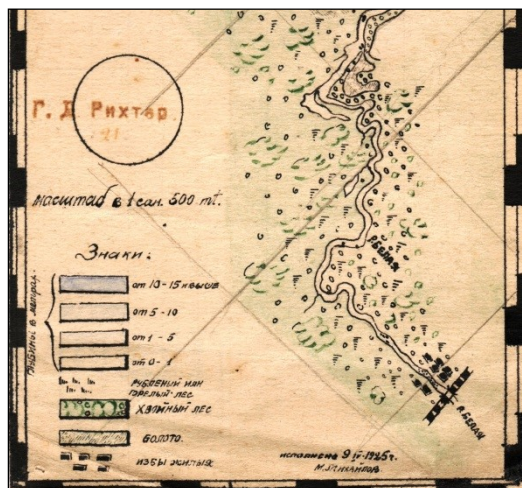

Рис. 2. Фрагмент плана губы Белой оз. Имандра [Музей-Архив. НВФ 1126]

Рис. 32. Фото видовое. Г. Д. Рихтер. 1926. Фото Г. М. Крепса. [Музей-Архив. ОФ. 53]

В 1928 г. Г. Д. Рихтер был сотрудником Естественно-географического отряда Кольской экспедиции АН СССР (руководитель — геоморфолог и почвовед А. А. Григорьев, впоследствии — академик, лауреат Государственных премий СССР), изучавшего восточную часть Кольского п-ова. Его коллегами в исследованиях были Ю. Д. Цинзерлинг (ботаническая география) А. А. Лобек (коллектор). Рихтер Г. Д. осуществлял глазомерную маршрутную съемку, барометрическую нивелировку и картографирование. В 1928 г. за работу на Кольском п-ове ему была присуждена малая серебряная медаль Географического общества.

В 1929 г. Гавриил Дмитриевич руководил работами Географо-разведочного отряда Кольской экспедиции Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР по рекогносцировочному

исследованию Чуна-, Монче- и Волчьих тундр, где вместе с Г. М. Крепсом была выбрана и обследована территория для Лапландского заповедника. Составленная им совместно с Г. В. Горбацким карта обследованного района использовалась в работах заповедника [Музей-Архив. НВФ 1156. Л. 1–2].

В 1930 г. силами этого же отряда под руководством Г. Д. Рихтера был изучен бассейн реки Нивы. По поручению Ленинградского отделения треста «Энергострой» (ЛОЭ)¹² Гавриил Дмитриевич участвовал в геологических изысканиях для выбора створа плотины Нивской гидроэлектростанции (Нива ГЭС-2), строительство которой осуществлялось на Кольском п-ве в рамках плана ГОЭЛРО.

В июне 1931 г. Г. Д. Рихтер был зачислен на должность ученого специалиста географа в Геоморфологический институт (ГЕОМИН) СОПС АН СССР (с 1936 г. — Институт географии АН СССР), 16 октября становится заведующим сектором субполярной зоны, а в 1932 г. назначен заместителем директора ГЕОМИНа. Принимал участие в создании Атласа Ленинградской обл. и Карельской АССР как заместитель председателя редакционной комиссии. В 1933 г., выполняя поручение Геоморфологического института Академии наук СССР, Г. Д. Рихтер в составе геоморфологического отряда № 5 Карело-Мурманской комплексной партии экспедиции ЛОГИДЭП занимался рекогносцировочным обследованием рек Варзуга и Поной «в целях выяснения возможностей использования гидроэнергетических ресурсов этих рек и составления на основании рекогносцировки гипотезы их использования» [Рихтер, 1936: 49]. В этот год Гавриил Дмитриевич стал делегатом Первого всесоюзного географического съезда, по-прежнему активно занимался общественной работой [Золотницкая, 2004].

В 1933 г. не без участия Г. Д. Рихтера в Географо-экономическом научно-исследовательском институте (ГЭНИИ) был создан новый отдел — Мурманский филиал. Работа в нем велась под руководством его председателя Владимира Платоновича Воцинина (1882–1965), в основном по заданию Облплана. В результате запросов местных организаций отделом были составлены и опубликованы два тома «Географического словаря Кольского полуострова», географо-экономический атлас Мурманской области и ряд разрозненных карт, комплексное описание национальных районов округа [Золотницкая, 2004]. Существенный вклад, который подчеркивал В. П. Воцинин, Г. Д. Рихтер внес в подготовку этих изданий. В своем письме от 7 апреля 1948 г. на имя Гавриила Дмитриевича Владимир Платонович пишет: «Еще в начале декабря я вспоминал, как 15 лет назад Вы <...> закладывали в Мурманске фундамент филиала. <...> Вот как бежит время! За это промежуток мы много раз встречались, и, по-видимому, крепко, хотя и без деклараций, подружились. Я неоднократно говорил Вам, что без Вашего участия и доброго отношения, не было бы у нас ни 1-го, ни 2-го тома Словаря, а без Ваших карт и Атласа Мурманского округа» [Музей-Архив. ОФ 104. Л. 1].

В 1-м томе «Географического словаря Кольского полуострова» опубликован очерк Г. Д. Рихтера «Физико-географическая характеристика территории Мурманской области», а в «Перечень саамских физико-

¹² Ленинградское отделение треста «Энергострой» (ЛОЭ) — предшественник ЛОГИДЭПа.

[illegible][illegible]

99

Во время Великой Отечественной войны Г. Д. Рихтер был прикомандирован к Московской группе Геолого-географической комиссии Отделения геолого-географических наук (ОГН) АН СССР, где занимался составлением специальных карт, в том числе о заснеженности аэродромов. В конце 1942 г. в качестве заведующего группой минерального сырья принимал участие в исследовательской работе вновь создаваемой базы АН СССР в Сыктывкаре по изучению Севера. Далее он успел поработать в Котласе, Кировске, Ухте, Москве, не оставляя при этом преподавания.

После войны Г. Д. Рихтер продолжил исследования снежного покрова, вместе с А. А. Григорьевым руководил работой по созданию многотомной серии монографий «Природа СССР», «Физическая география СССР», был одним из руководителей серии «Природные условия и естественные ресурсы СССР», участвовал в работе Ангаро-Ленской (1950) и Западно-Сибирской (1952) экспедиций.

С середины 1950-х гг. Гавриил Дмитриевич был организатором и руководителем научных молодежных конференций, инициатором и душой знаменитых поездок «по меридиану» для молодых ученых, регулярно проводившихся в Институте географии. Впервые за рубеж Г. Д. Рихтер попал в 1956–1957 гг. в составе Антарктической экспедиции на научно-исследовательском судне «Обь». В 1958 г. участвовал в Географическом съезде в Румынии, в 1959 г. — в ГДР в научной сессии памяти Александра фон Гумбольдта, в 1960 г. — работал на Международном геологическом конгрессе в Стокгольме [Золотницкая, 2004].

После выхода на пенсию в 1969 г. продолжил работу научного консультанта, оппонента и рецензента. В июне 1980 г. Г. Д. Рихтер пережил инфаркт, а 11 октября 1980 г. его не стало. Не ведя в последние годы своей жизни полевых исследований, он мечтал снова побывать на Кольском п-ове. Узнав о существовании Северного филиала Географического общества СССР и об организации его силами Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера в г. Апатиты Мурманской обл., Гавриил Дмитриевич с большим энтузиазмом поддержал эту идею. В течение нескольких лет до конца 1976 г. он передал в дар Музею-Архиву большую часть своей «северной» библиотеки и часть материалов личного архива, касающихся его исследований на территории Кольского п-ова [Переписка Музея-Архива, 1975–1976].

В состав персонального фонда Г. Д. Рихтера была включена серия негативов на стекле в количестве 43 штук, сделанных самим фондообразователем во время работы по изучению восточной части Кольского п-ова в качестве сотрудника Естественного-географического отряда Кольской экспедиции АН СССР (руководитель А. А. Григорьев) в июле-сентябре 1928 г. На них запечатлена коренное и старожильское население (см. рис. 6, 7), фауна и флора, различные географические объекты.

Также на стекле сделаны позитивы в экспедиции Д. Д. Руднева в Большеземельскую тундру в августе 1921 г., которые Гавриил Дмитриевич счел нужным сделать частью своего фонда.

Среди единиц хранения фонда: оттиски статей Г. Д. Рихтера «Предварительный отчет о работах Имандрской экспедиции МБС» (1926), «Работы Имандровской Экспедиции Мурманской Биологической Станции» (1927), «Обзор картографических материалов по Мурманскому округу» (1928),

«Хибинские и Ловозерские возвышенности» (1929) и др. из различных периодических изданий, некоторые — с автографом автора; рукописные научные материалы фондообразователя и других авторов, например: записка Г. Д. Рихтера «Озеро Имандра» (1932), лекция В. Ф. Бурханова «Великая северная магистраль» (1957).

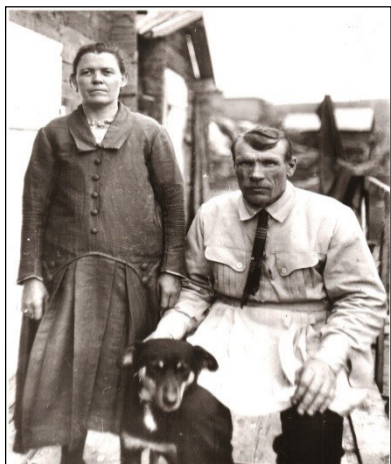

Рис. 6. Фотопортрет парный.
П. А. и А. П. Шмаковы,
с. Иоканьга. 1928
[Музей-Архив. НВФ 1164]

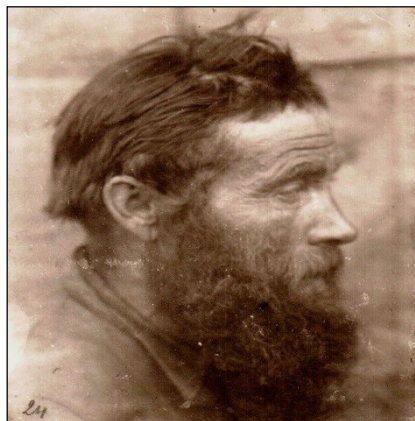

Рис. 7 Фотопортрет.
Лопарь А. М. Архипов
Ст. Хибины. Июнь 1925 г.
[Музей-Архив. ОФ 52]

Рабочая переписка с различными адресатами по вопросам публикации (1956–1957), переписка с сотрудниками Музея-Архива и руководителем СФ ГО СССР Б. И. Кошечкиным по вопросам передачи личной библиотеки и архивных материалов (1975–1976) также представлены в фонде.

Картографические материалы фонда включают в себя: таксометрическую карту Русской Лапландии (1925), составленную Г. Д. Рихтером при участии В. Г. Клейнберга; батиметрическую карту оз. Большой Имандры Г. Д. Рихтера при участии С. Р. Егорова по данным съёмки и промеров дна Имандрской экспедиции МБС (1925–1926); карту оз. Имандра с саамскими названиями, записанными Ф. В. Крогиус со слов Ф. К. Архипова и по данным Кудрявцева.

Среди различных первичных материалов полевых исследований в фонде представлены: таблицы с данными промеров Иокостровской, Большой, Бабинской Имандры; схематическая карта грунтов оз. Бабинская Имандра; план губы Белой оз. Имандра (1925), исполненный М. Михайловым; зарисовки контуров рельефа, сделанные Г. Д. Рихтером; схема террасы на берегу Бабинской Имандры у Песчаного Наволока Г. Д. Рихтера (1927); полевые материалы исследований в районе рек Варзуга и Поной геоморфологического отряда № 5 Карело-Мурманской комплексной партии экспедиции ЛОГИДЭП (1933); рукописные отчёты Г. Д. Рихтера о результатах геологической рекогносцировки, геоморфологических работах в указанных экспедиционных районах.

В фонде хранится значительный комплекс фотодокументов: фотоотпечатки видовые Кольского п-ова (1925–1928); фотопортреты

А. А. Григорьева, В. П. Вошинина, А. П. Карпинского, А. Е. Ферсмана, Г. Д. Рихтера (рис. 3), А. М. Архипова (рис. 7) разных лет. Имеется подборка пригласительных билетов: на научные чтения им. акад. А. Е. Ферсмана (1955, 1964, 1966–1968, 1970–1971); на открытие памятника на могиле А. Е. Ферсмана 20 мая 1965 г.

Самой «яркой» единицей хранения фонда можно назвать юмористический журнал «Кукиш» — печатный орган геоморфологического отряда № 3–5 Карело-Мурманской комплексной партии экспедиции ЛОГИДЭП. «Кукиш» позиционируется в самом тексте источника как «стенновка», т. е. просторечная, разговорная производная форма от «стенной газеты» («стенгазеты»), созданная коллективом авторов в июне 1933 г. во время рекогносцировочного обследования рек Варзуга и Поной [Музей-Архив. НВФ 1155. Л. 1–9].

Персональный фонд Г. Д. Рихтера Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН содержит творческие материалы ученого, полевые и картографические материалы различных экспедиций, в которых фондообразователь принимал участие, в т. ч. и на территории Кольского п-ова, эпистолярные документы, фотографии и документы личного происхождения. Этот фонд представляет собой комплексный потенциальный исторический источник, который позволяет восстановить и проиллюстрировать научную биографию ученого, исследовать историю научного изучения, освоения Европейской Арктики. Может служить источниковой базой для социально-антропологических исследований субкультуры «полевиков» 1920–1930-х гг.

Список источников

- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1126.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1155. Л. 1–9.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1156. Л. 1–2.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1164.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ. 52.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ. 53.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ. 104.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ. 422.
- Переписка Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН. 1975–1976. Л. 1–6.

Список литературы

Географический словарь Кольского полуострова: в 2 т. / С.-Петербург. гос. ун-т; под рук. В. П. Вошинина; сост. Т. А. Ельченкова [и др.]. Л.: Тип. им. Володарского. Т. 1. 1939. 144 с.

Золотницкая Р. Л. Истоки и продолжение жизни // Санкт-Петербургский университет. 2004. 8 февраля, № 3–4 (3659–3660). URL: <http://old.journal.spbu.ru/2004/03/11.shtml>.

Рихтер Г. Д. Результаты геоморфологической рекогносцировки в бассейнах рр. Варзуги и Поной (Мурманский округ) // Труды Ин-та физ. географии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 19. 140 с.

Ферсман А. Е. Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. 38 с.

Шабалина О. В. История арктических экспедиций в материалах персональных фондов Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского

Севера ЦГП КНЦ РАН // Вестник Кольского научного центра РАН. 2014. № 2 (17). С. 3–18.

Шабалина О. В. Литературно-изобразительные материалы персональных фондов Г. Д. Рихтера и В. В. Чарнолуцкого как источники по истории организации и проведения арктических и субарктических экспедиций в аспекте их финансового и продовольственного обеспечения // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. Т. 8, № 4–11. С. 66–82.

Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник: материалы комиссии экспедиционных исследований. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Вып. 23. С. 119–169.

Сведения об авторе

Шабалина Ольга Вячеславовна

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Shabalina Olga Vyacheslavovna

PhD (History), Leading Research
Fellow of Barents Centre of Humanities, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.103-113
УДК 371.3(=511.1)(470.21)

К. С. Казакова

ПЕРЕПИСКА КОЛЬСКОГО УЕЗДНОГО УЧИЛИЩНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ КИЛЬДИНСКОЙ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ (1892–1902)

Аннотация

Осуществлена публикация материалов фонда Кольского Училищного Отделения Государственного архива Мурманской области. Представлены документы различных административных инстанций по вопросам работы Кильдинской церковно-приходской школы в 1892–1902 гг. На основании публикуемых документов сделаны выводы об особенностях взаимодействия участников-организаторов церковно-приходской школы в малочисленном саамском погосте. Определены факторы, влияющие на условия деятельности сельской школы на Кольском Севере в конце XIX — начале XX вв.

Ключевые слова:

история образования, Арктика, архивные источники, саамский погост, Кольский п-ов, церковно-приходская школа, Кильдинская школа.

Ksenia S. Kazakova

CORRESPONDENCE OF THE KOLA REGIONAL SCHOOL DEPARTMENT ON THE ORGANIZATION OF THE KILDINCHURCHPARISHSCHOOL (1892–1902)

Abstract

The materials of the fund of the Kola School Department of the State Archive of the Murmansk Region are published. Documents of various administrative authorities on the work of the Kildinsky parish school in the late 19th - early 20th centuries are presented.

Based on the published documents, conclusions are drawn about the peculiarities of the interaction of the participants-organizers of the parish school in a small Sami graveyard. The factors affecting the conditions of activity of the parish school in the Kola North in the late 19th - early 20th centuries are determined.

Keywords:

history of education, Arctic, archival sources, Sami graveyard, Kola Peninsula, parish school, Kildinskya school.

В конце XIX — начале XX вв. на Кольском Севере была создана сеть начальных церковно-приходских школ и школ грамоты. Задача школ состояла в общеобразовательной и церковно-просветительской деятельности: «Школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания» [Правила..., 1884: 73]. Их организация направлялась и контролировалась Епархиальным начальством и специально созданным аппаратом управления в виде Епархиального училищного совета, который был аналогичным органу Министерства народного просвещения — Губернскому училищному совету, что, в свою очередь, еще раз подчеркивало независимость церковных школ от учебного ведомства. С 1884 г. училищный совет учреждался в каждой епархии для обсуждения вопросов, связанных с деятельностью церковно-приходских школ. Члены Совета назначались епархиальным архиереем из светских и духовных лиц, «преданных делу народного образования и близко знакомых с бытом и духовными потребностями населения» [Красницкая, 2012: 88]. Высшее управление всеми церковно-приходскими школами принадлежало Святейшему синоду. Создание промежуточной инстанции между епархиальным органом управления и отдельными школами было необходимо, вследствие значительного числа уездов, входящих в Архангельскую епархию, и большой территориальной разбросанности школ. На уездные отделения возлагалось «попечение о развитии и поддержании церковно-школьного дела» (наем учителей, «изыскание» местных средств, снабжение школ книгами и учебниками, «содействие к устройству» дополнительных классов, уроков для взрослого населения, воскресных школ и др.) в пределах уезда [Там же: 91].

Анализ документов Кольского уездного отделения Архангельского епархиального училищного совета, хранящихся в Государственном архиве Мурманской обл. (ГАМО. Ф. И-133), позволяет проследить деятельность духовного ведомства в развитии начального образования на Кольском Севере, определить роль церкви в создании системы школ, ее участие в решении вопросов, связанных с просвещением инородческого населения края в конце XIX — начале XX вв.

В фонде Кольского отделения представлены дела с рапортами учителей о ходе обучения [ГАМО Ф. И-133. Оп. 1. Д. 5], переписка между отделением Училищного совета и сельскими старостами по вопросам финансового обеспечения школ, снабжения школ книгами [ГАМО Ф. 133. Оп. 1. Д. 1; также ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 234], отчеты инспекторов и наблюдателей о работе церковно-приходских школ [ГАМО Ф. И-133. Оп. 1. Д. 4; ГАМО Ф. И-133. Оп. 1. Д. 7]. Такие важные документы, как отчеты уездных отделений Совета по работе церковно-приходских школ, сметы расходов, запросы, то есть основной поток делопроизводственной документации, с периферии направлялся в центр. Знакомство с материалами фонда раскрывает направление деятельности

и специфику организации школьного дела на Кольском Севере. Прежде всего, в фонде представлены статистические материалы: отчеты о церковно-приходских школах, количестве и составе учащихся и преподавателей [ГАМО Ф. И-133. Оп. 1. Д. 5], средствах на содержание школ, также сохранилась переписка Кольского училищного отделения и приходских священников об открытии новых школ, снабжении школьных библиотек книгами и учебными пособиями.

На Кольском Севере в дореволюционный период действовало 14 церковно-приходских школ, многие из которых находились в отдаленных саамских погостах. Непосредственное управление, а зачастую и преподавание в церковно-приходских школах в конце XIX вв. было обязанностью приходских священников. Идея назначения священников учителями начальных училищ была высказана и реализована на практике еще в первой половине XIX в. В первую очередь это было связано с нехваткой учительских кадров и нежеланием учителей ехать в отдаленные села окраинных уездов Архангельской губернии. Кольский Север в этом отношении находился в самом невыгодном положении. Например, инспектор училищ Архангельского Епархиального совета, собираясь в 1911 г. в служебную поездку по Александровскому уезду, писал: «Страшно становилось при мысли о предстоящем путешествии в отдаленный Александровский уезд, в неведомую дотоле Лапландию. Знакомые предупреждали меня, чтобы я был осторожен при поездке по безлюдным лопарским тундрам» [Козмин, 1912: 1]. Даже священники, давно жившие в саамских погостах, сталкивались с множеством трудностей. Об этом свидетельствует, например, некролог, посвященный о. Константину Щеколдину: «Инородческое лопарское население прихода не имело постоянной оседлости <...>. И за этим кочующим стадом приходилось следовать и его пастырю. Разъезды по приходу были громадны, а дорог ни зимой, ни летом, никаких никогда не было» [Протоиерей Константин..., 1916: 225]. Фактически до строительства железной дороги на территории Кольского п-ова не было путей сообщения, кроме морских [Иванова, Шабалина, 2019: 45].

Большие расстояния, отсутствие коммуникаций и необходимость работы в отдаленных саамских погостах определили то, что в начальных церковно-приходских школах Кольского Севера в конце XIX в. преподавали и контролировали работу школ преимущественно местные священники. Как заведующие церковных школ приходские священники должны были руководить и наблюдать за правильной постановкой учебного процесса в школе, заботиться о хозяйственной стороне жизни школы и изыскивать местные средства на школьные нужды. На заведующих школами лежала обязанность ведения отчетности и переписки с надлежащими лицами и учреждениями по делам школы, забота об открытии в приходе новых школ, повторительных классов и воскресных школ. Таким образом, можно говорить, что развитие школы или ее неудачи были во многом следствием деятельности заведующего, его инициативы и заинтересованности в школьном деле. Эффективность работы школы прежде всего зависела от личных качеств священника, его энергии и добросовестного исполнения своих обязанностей.

Немаловажным фактором для устройства начальных школ в крестьянских селах было ее финансовое обеспечение. В «Правилах о церковно-приходских школах» говорилось, что «школы открываются <...>на местные средства прихода, без пособий или с пособием от сельских и городских обществ,

приходских попечительств и братств, земских и других общественных и частных учреждений и лиц, епархиального и высшего духовного начальства, а равно и казны» [Правила..., 1884: 74].

Таким образом, согласно «Правилам», сельские общества, изъявляя желание открыть школу, должны были на сельском сходе документально подтвердить свое намерение и зафиксировать размер необходимого денежного содержания для обеспечения работы школы. Если материальное содействие в открытии и содержании школы оказывали частные лица, то по ходатайству священника они утверждались в звании попечителей школы. В их обязанности входила забота об устройстве школьного помещения, выдаче жалования учителю и т. д. Попечители из крестьян пользовались преимуществами, предоставленными должностным лицам волостного и сельского управления, а за ревностное исполнение этих обязанностей могли быть представлены архиереями к почетным наградам [Житенев, 2014: 185].

На практике механизм открытия церковно-приходских школ на Кольском Севере был несколько иным. Бедные сельские общества саамских погостов не проявляли инициативы в открытии школ. Для лопарей, привыкших к натуральным повинностям, содержание школы, которое включало и денежное вознаграждение учителю, было достаточно обременительным. На Кольском Севере, в отличие от других губерний, просвещенных попечителей, которые взяли бы на себя финансовое бремя по содержанию школы, практически не было. Единственным исключением, пожалуй, являлась Пазрецкая церковно-приходская школа, открытая в 1888 г. Благодаря авторитету и широкой известности священника этого прихода Константина Щеколдина попечителями этой школы пожелали стать обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев и русский консул в Финмаркене Д. Н. Островский [Краткое историческое..., 1896]. Также есть сведения о том, что одним из попечителей Пазрецкой лопарской школы был Николай Харузин.

Тем не менее руководство Архангельской епархии предписывало священникам лопарских приходов «озаботиться об открытии церковно-приходских и школ грамоты» [Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111 Л. 319], поэтому инициатива по вопросу об учреждении школы принадлежала, как правило, местному священнику. В делопроизводственных бумагах, отправляемых в центр, законоучители, обосновывая необходимость учреждения школы, писали о стремлении местного населения к просвещению. Так, в отчете Кольского училищного отделения за 1891/1892 учебный год говорится, что «в лопарских погостах Нотозерском, Сонгельском, Кильдинском и Пазрецком довольно сочувственно относятся к школам, что видно из того, что они выстроили школьные дома, ремонтируют их и ассигнуют на отопление, общежитие и канцелярские материалы» [ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 4. Л. 43].

Стремление лопарей к просвещению было лейтмотивом не только официальных делопроизводственных документов, но и этнографических сочинений конца XIX — начала XX вв. [Казакова, 2018]. В качестве примера можно привести сочинение инспектора училищ Николая Козмина, представленное широкой общественности после служебной командировки по Александровскому уезду Архангельской губернии в 1911 г. [Козмин, 1912]. Именно в это время, с началом активной колонизации Кольского Севера,

в этнографических текстах все чаще встречаются высказывания о необходимости просвещения коренного населения. Многие авторы видят в просвещении необходимое условие для успешной колонизации края.

«Несмотря на природные богатства, край этот остается далеко не использованным, население существует кое-как, остается на самом низком уровне культурного развития. Самая энергичная борьба с безграмотностью, рутиной, возможно большее насаждение школ, вот единственное, по моему убеждению, основанному на многолетнем наблюдении, средство как к поднятию промысловой деятельности Мурмана, так и к привлечению сюда пригодных для дела переселенцев и объединению разобщенных национальностей» [Мухин, 1910: 48].

Тем не менее, как показывает анализ архивных материалов, риторика официальных документов и публицистических сочинений порой была далека от реальной ситуации в отдаленных лопарских погостах.

Кильдинская церковно-приходская школа была открыта в 1889 г. и просуществовала с перерывами до 1917 г. Как следует из документов Кольского училищного совета, публикуемых ниже, церковно-приходская школа в Кильдинском погосте была открыта «по принуждению; также и училищный дом выстроен только потому, что лопари не хотят своим отказом оскорбить начальство» [ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 4. Л. 55.]. Можно сказать, что вопрос об открытии школы всецело зависел от возможности и желания сельского общества выделять на это собственные средства. Решение об участии жителей села (погоста) в обустройстве и содержании школы определялось на сельском съезде, фиксировалось и передавалось в Училищный комитет.

Публикуемые ниже документы показывают, что сельское общество могло изменить свое решение и сообщить о прекращении финансирования школы. Так, в июле 1892 г. в Кольское училищное отделение поступили документы по вопросу закрытия школы в Кильдинском погосте. Сельское общество, недовольное частыми отлучками законоучителя священника Кольского собора Иоанна Зуева, на общей сходке составило приговор, по которому «ввиду больших расходов, производимых для той школы, и других причин просило закрыть школу с тем, чтобы дети их обучались в Кольском приходском училище, как отстоящем невядалеке от Кильдинского погоста» [Там же: Л. 52]. Согласно правилам документооборота между административными инстанциями, кильдинский сельский староста Павел Дмитриев сообщил о принятом решении Кольско-лопарскому волостному старшине, который донес об этом чиновнику по Крестьянским делам Кольского уезда, а тот, в свою очередь, направил документы в Кольское училищное отделение. Кроме того, в эту же инстанцию было направлено отношение священника И. Зуева, в котором он, оправдывая себя, высказывает свою позицию по отношению к закрытию Кильдинской школы.

Поскольку решение об открытии, закрытии или передаче церковно-приходских школ в другие ведомства могло производиться только с разрешения епархиального архиерея, Кольский училищный совет, приостановив выплату жалования учителю Кильдинской школы, отправил документы по этому делу в Епархиальный училищный совет.

К сожалению, нам не удалось обнаружить документы, подтверждающие факт закрытия Кильдинской школы в 1892 г. Можно лишь предположить, что

школу в 1892 г. не закрывали официально, скорее всего, она просто не функционировала до разрешения сложившейся ситуации. В исследованиях по истории церкви на Кольском Севере есть данные о том, что в 1895 г. в Кильдинский погост был направлен молодой священник В. П. Мартынов, окончивший курс Архангельской Духовной семинарии, и с октября 1897 г. он был назначен учителем и законоучителем в Кильдинской церковно-приходской школе (до 18 мая 1899 г.). Указом Архангельской духовной консистории от 17 мая 1899 г. Мартынов был переведен в город Александровск, где стал законоучителем двухклассного городского училища [Бардилова, 2015: 193–194]. В феврале 1901 г. в Кильдинский приход настоятелем был назначен Александр Николаевич Голубков, окончивший Вологодскую духовную семинарию, который после назначения стал преподавать в Кильдинской школе грамоты. Однако уже через год он был перемещен для служения на Мурманский берег. С 1 августа 1912 по 1917 гг. священником в приходе был Николай Михайлович Диомидов [Там же: 197]. В целом, согласно приведенным сведениям, в Кильдинском погосте в течение разных промежутков времени не было своего настоятеля. Также хотелось бы обратить внимание на изменение статуса Кильдинской школы. Если в источниках до февраля 1901 г. эта школа имела статус церковно-приходской, то в дальнейшем в делопроизводственных документах стала именоваться Кильдинской школой грамоты.

В ходе дальнейшей архивной эвристики были обнаружены документы, которые объясняют позицию местных церковных властей по отношению к необходимости возобновления работы данной школы в новом статусе, подразумевающим значительное упрощение программы и, как следствие, сокращение учебного времени, о чем в своем отношении и ходатайствуют лопари, которые просят учебное начальство учитывать особенности их сезонного хозяйственного цикла [ГАМО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 234]. Согласно документам, весной 1901 г. крестьяне Кильдинского погоста обратились к чиновнику по крестьянским делам Александровского уезда с просьбой вновь открыть у них школу. Тот, в свою очередь, направил запрос о. Благодичному, который руководил работой Кемско-Александровского училищного отделения¹³. Священник В. Мелентьев направил запрос в Архангельский епархиальный училищный совет, ходатайствуя об открытии «хотя бы школы грамоты». От епархии было получено согласие на учреждение в Кильдинском погосте школы грамоты, кроме того, предусматривалось, что из средств училищного совета назначалось жалование псаломщику, которому было поручено обучение детей, по 5 рублей за каждого ученика. Тем не менее училищный совет определил, чтобы учебный год в школе продолжался не менее 100 дней, а «успешность учебных занятий была удостоверена местным о. благочинным или окружным наблюдателем» [ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 234. Л. 8].

В целом анализ различных источников показывает, что школа в Кильдинском погосте работала со значительными перерывами и неоднократно закрывалась. Основными факторами, влиявшими на образовательный процесс,

¹³В связи с изменением административного деления Кольское уездное училищное отделение в 1898 г. было реорганизовано, его функции были переданы Кемско-Александровскому отделению Архангельского епархиального училищного совета в г. Кемь.

были малонаселенность погоста и незначительное количество учеников, ограниченность финансовых средств у саамов этого погоста, отсутствие учителя, постоянно проживающего в погосте, частая смена настоятеля прихода, который, в свою очередь, являлся законоучителем в Кильдинской школе, слабая заинтересованность саамов в обучении.

Таким образом, на примере Кильдинской школы видно, что ограниченность материальных средств саамских погостов, недостаток квалифицированных учителей, отсутствие транспорта и коммуникаций не позволяли церковно-приходской школе на Кольском Севере развиваться стабильно и планомерно.

Осуществляемая ниже публикация документов Кольского училищного отделения по вопросу закрытия Кильдинской церковно-приходской школы в 1892 г., а также документов, касающихся возобновления деятельности этой церковно-приходской школы в начале XX в., призвана документально представить процесс взаимодействия населения саамского погоста и местных властей, а также интересы сторон в решении вопроса о деятельности школы в малочисленном саамском погосте. Документы хранятся в Государственном архиве Мурманской обл. в фонде № И-133 «Кольское уездное училищное отделение Архангельского епархиального училищного Совета» (1888–1898) и фонде № И-17 «Первое благочиние Мурманского округа Архангельской и Холмогорской епархии» (1824–1930). При передаче текста источника сохранена авторская орфография и пунктуация. Текст источников приводится с соблюдением археографических норм. Знак [...] обозначает пометы, примечания, купюры автора статьи.

№ 1

Письмо законоучителю Кильдинской церковно-приходской школы священнику Иоанну Зуеву от Кольско-лопарского старшины

№ 65

Законоучителю и учителю Кильдинской церковно-приходской школы священнику Кольского Собора Иоанну Зуеву от Кольско-лопарского старшины

На сообщение В. Благословения от 20 сего ноября за № 10 имею честь уведомить, что Кильдинский сельский староста Павел Дмитриев рапортом от 1-го июля с/г донес мне, что общество Кильдинских крестьян на счет коих содержится Кил.[ьдинская] церковно-приходская школа, на общей сходке, бывшей от 30 июня того же года, ввиду больших расходов производимых для той школы, и других причин просило закрыть школу с тем, чтобы дети их обучались в Кольском Приходском училище, как отстоящем не вдалеке от Кильдинского погоста, о ходатайстве сказанных крестьян от меня было донесено Г-ну Чиновнику по Кр.[естьянским] Д.[елам] Кол.[ьского] уезда 30 того же июля за № 506, ни распоряжения, ни ответа и поныне не получено, и потому я, приступить ныне к исполнению требования Вашего, в отношении заготовки для училища дров, осветительных и канцелярских материалов и прочего, впредь до разрешения этого вопроса надлежащим начальством не могу, — тем более, что сумм на сей предмет в распоряжении не имею. ноября 12-го 1892 г. № 634.

ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 4 Л. 52.

№ 2

Письмо законоучителя Кильдинской церковно-приходской школы священника Иоанна Зуева в Кольское Училищное Отделение

№ 66

Законоучителя и учителя в Кол.[ьское] Уч.[илищное] Отделение

Представляя при сем в подлинниках бессмысленную бумагу Кольско-Лопарского старшины, адресованную на тое имя, от 12 сего ноября за № 654-м на заключение Кольского Училищного отделения, прошу покорнейше учинить по сему делу зависящее распоряжение, составив журнальное определение. Я со своей стороны соображаясь с обстоятельствами дела, усматриваю здесь одну лишь интригу от Кольско-Лопарского старшины, принимающего попечение не об интересах просвещения народного, а едва ли более не о своих личных интересах, и потому действия его очевидно уклоняются в разрез распоряжениям Правительства, все меры прилагающего не о закрытии, а об открытии всюду и всюду школ грамоты, — это первое.

А во вторых, т.к. кочевники Лопари еще с конца месяца апреля разъехались в разные места по летним их становищам, и очевидно все находились они в разъединении друг от друга, в разброде, то очевидно, и совещания у них никакого быть не могло, если же неблагонамеренный их староста лопарь-дикарь Дмитриев и донес Волостному Старшине на счет закрытия школы в Кильдинском погосте, то от своего собственно имени, ибо в обычае у него позаочь класть клейма под лично составляемыми им от общества приговорами, в чем он был изобличен Лопарями под приговором составленным им на счет своей персоны о назначении ему жалования, и что неизвестно было и Г. Измайлову, Старшине и т.к. при том человек он низкой репутации, изобличенный в краже оленьих шкур у родного брата его, за что и был привлечен им к законной ответственности, то [неразборчиво] такому беспорядочному человеку давать не следовало бы, и незачем было бы по том Старшине доносить г. Чиновнику по Кр.[естьянским] Д.[делам] на счет закрытия школы, единственно от одного лица. самоуправства его самого: а других причин к закрытию школы не могло и быть. — 13 ноября 1892 г. № 11-й

ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 4 Л. 52-52 об.

№ 3

Представление Кольского Училищного Отделения в Архангельский епархиальный Совет

№ 67 Представление К.[ольского] У.[чилищного] Отделения в Совет

При сем честь имею препроводить два отношения: одно Кольско-Лопарского старшины от 12-го ноября за № 634, другое Учителя Кильдинской школы священника Иоанна Зуева от 13 ноября за № 11, о закрытии школы в Кильдинской школы. Не входя в разбирательство того и другого отношения, я со своей стороны

считаю долгом высказать истинную причину закрытия школы. В Кильдинском погосте школа открыта была Чиновником по Крестьянским Делах Макшеевым, можно сказать по принуждению; также и училищный дом выстроен только потому, что лопари не хотят своим отказом оскорбить начальство. Эту школу Кильдинчане терпят, пока Учителем был [неразборчиво] безвыездно проживавший в Кильдинском погосте и при своей должности. Но священник Зуев своими частыми отлучками в Колу по своим служебным обязанностям по Собору сперва вызвал тайный[зачеркнуто] глухой ропот на слабое учение, а потом и сходку, по которой постановлено лопарями, что если кто из родителей пожелает обучать детей своих, то может отдавать их в Колу в Городское Училище. Если у себя дома, на тех же домашних крохах, с платою всего на все от Кильдинского общества 15 руб.[лей] на освящ.[ение] и пр.[очее] не хотят обучать своих детей, то на чужом месте с платою на содержание, и подавно не будут обучать. Единственное средство, по моему мнению, побудить родителей обучать своих детей и непременно в Кильдинском погосте, назначить особого Учителя или Учительницу, который бы безвыездно проживал в погосте на своей должности, и не отталкивал бы лопарей частными своими поездками. Со времени поступления надлежащих отношений жалование Учителю с ноября месяца прекращено мною впредь до особого распоряжения Епархиального Училищного Совета.

ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 4 Л. 55-55 об.

№ 4

Отношение Кемско-Александровского отделения Епархиального Совета г. Кемь

Кемско-Александровское отделение Епархиального Совета г. Кемь

Его Высокоблагословению, Благочинному II-го округа Александровского у.[езда], священнику о. Алексею Шилову

22 декабря 1900 г. № 993

На отношение ваше имею честь сообщить Вам, что по журналу Совета, утвержденному Его Преосвященством в виду *слишком незначительного числа* учащихся в Кильдинской церковно-приходской школе и неимения для школы учебного помещения, так как школьное помещение по приговору крестьян предоставлено под квартиру священника, школа сия закрывается и ассигнованные на ее содержания средства (240 р.[ублей]) распределены между двумя школами Кемско-Александровского округа.

Представитель отделения священник В. Мелентьев.

ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 234 Л. 3-3об.

№ 5
**Отношение Кемско-Александровского отделения
к Архангельскому Епархиальному Училищному Совету**

<...> Из приговора видно, что Кильдинчане одним приговором желают временно обучать своих детей в школе с 1 февраля по 5 марта. Полагаю со своей стороны необходимым продолжить обучение лопарских детей молитвам и грамоте в видах просветительных, так как научаемы молитвам, грамоте, они научаются русскому языку, что может повлиять ко обрусению и оседлости. Кроме сего, усматривая из приговора, что у Кильдинчан есть сильное желание обучать своих детей, так как они не отказываются от содержания школы и построили школьный дом, и находится достаточное (12) число детей, то этим самым мотивы к закрытию школы — малое число учащихся и [неразборчиво] школьное помещение — устраняют, то посему <...>долг имею просить отделение дозволить псаломщику обучать детей Кильдинского прихода. Училищное отделение ходатайствует перед Епархиальным начальством об открытии школы в Кильдинском погосте хотя бы школы грамоты, так как такой тип школы наиболее удобный для лопарей, ведущих полукочевой образ жизни<...>.

Представитель отделения священник В. Мелентьев.
14 февраля № 87

ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 234 Л. 5 об.-6.

Список источников и литературы

Бардилева Ю. П. Русская Православная Церковь на Кольском Севере в первой половине XX века. Мурманск: МГГУ, 2015. 253 с.

ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 1.

ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 4.

ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 7.

ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 234.

ГАМО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 8.

Житенев Т. Е. Школы грамоты в Российской империи конца XIX — начала XX века // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2014. № 4 (17). С. 183–191.

Иванова М. В., Шабалина О. В. Извоз и содержание почтовых станций как вид экономической деятельности коренного населения Кольского полуострова (саамов) в XIX в. // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. Т. 10, № 2–16. С. 42–53.

Казакова К. С. Полярная «Одиссея» инспектора училищ Николая Козмина в 1911 году // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2018. № 28 (28). С. 140–147.

Козмин Н. По школам Лапландии (Дневник наблюдателя). СПб., 1912. 31 с.

Красницкая Т. А. Управленческая структура церковно-школьной образовательной системы в Российской империи: последняя треть XIX — начало

XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1–1(15). С. 87–98.

Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии: вып. 1–3. Вып. 3. Архангельск, 1896. 267 с.

Мухин А. А. О Мурмане и Лопландии. Записки Чиновника по крестьянским делам 1-го участка Александровского уезда А. А. Мухина. Архангельск: Губ. тип., 1910. 50 с.

Правила о церковно-приходских школах, Высочайше утвержденных 13 июня 1884 года // Официальный отдел Московских церковных ведомостей. 1884. № 20, 12 августа. С. 73–73.

Протоиерей Константин Прокопьевич Щеколдин (Некролог) // Архангельские епархиальные ведомости. 1916. № 9. С. 224–226.

Сведения об авторе

Казакова Ксения Сергеевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Kazakova Ksenia S.

PhD (History), Senior Research
Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.113-129

УДК 378 (470)

Т. Н. Жуковская, И. С. Пустовойт

С. С. УВАРОВ И ЕГО ПРОЕКТЫ 1811-1821 ГОДОВ (К 200-ЛЕТИЮ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГЛАВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Аннотация

Статья рассматривает основные реализованные и нереализованные проекты попечителя столичного учебного округа С. С. Уварова по реформированию высшей школы: реорганизацию учебного дела в Педагогическом институте, укрепление его материальной базы и состава преподавателей, этапы реформирования его структуры и статуса, итогом чего стало образование Главного педагогического института (1817), а на базе последнего — Санкт-Петербургского университета (1819). В основу деятельности Уварова в этом направлении была положена идея классического университетского образования. Исследование построено как на опубликованных, так и на архивных материалах фондов Министерства народного просвещения, канцелярии попечителя, документах университетского делопроизводства.

Ключевые слова:

С. С. Уваров, Санкт-Петербургский университет, Педагогический институт, реформы и контрреформы просвещения в первой четверти XIX в., проект устава Санкт-Петербургского университета.

Tatyana N. Zhukovskaya, Ivan S. Pustovoi

**S. S. UVAROV AND HIS PROJECTS 1811–1821.
(ON THE 200-TH ANNIVERSARY OF TRANSFORMATION
OF THE MAIN PEDAGOGICAL INSTITUTE
TO THE ST.-PETERSBURG UNIVERSITY)**

Abstract

The article examines the fundamental, realized and unrealized projects of S.S. Uvarov, the Curator of the capital educational district, for reforming high schools: the reorganization of teaching at the Pedagogical Institute, the strengthening of its material base and staff of professors, the stages of reform of its structure and status, resulting in the formation of the Main pedagogical Institute (1817), and on the basis of the last — S.-Petersburg University (1819). The basis of Uvarov's activity in this direction was the idea of classical University education. The study is based on both published and archival materials of the funds of the Ministry of public education, the office of the Curator, documents of the University records management.

Keywords:

S. S. Uvarov St. Petersburg University, Pedagogical Institute, reforms and counter-reforms of education in the first quarter of the 19-th century, draft Charter of St. Petersburg University.

История университетского образования в столице Российской империи в XIX в. была бы совершенно иной, если бы во главе Санкт-Петербургского учебного округа в период либеральных реформ просвещения оказался не европейски образованный и амбициозный С. С. Уваров, а кто-то другой. Санкт-Петербургский университет был обязан ему своим статусом, влиянием, местоположением и внешним обликом, поскольку именно по проекту С. С. Уварова 8 февраля 1819 г. он был «образован» на базе Главного педагогического института. Последний, как головное заведение в Империи, предназначенное для подготовки не только учителей, но и профессоров для университетов, также в значительной мере был детищем Уварова. Мы попытаемся более детально раскрыть направления просвещенного реформаторства С. С. Уварова, соответствовавшие его представлениям об идеальной для России модели университета, чем это сделано в существующей литературе [Жуковская, 1998; Петров, 1998; Андреев, 2009].

Материальная база будущего университета

Деятельность С. С. Уварова в должности попечителя, которой он, очевидно, последовательно добивался, развернулась в полном согласии с параграфом «Предварительных правил народного просвещения...» 1803 г., обязывавшим его «пещись об устройении в своем округе университета и других училищ, если где оных еще нет, о распространении и успехах народного просвещения в местах, ему вверенных» [Сборник постановлений..., 1864: 16–17].

Прежде всего С. С. Уваров стремился закрепить пространственное положение будущего университета на карте столицы и активно содействовал укреплению материальной базы Педагогического института, воспринимавшегося в тот момент как «отделение» будущего университета, приобретением книг, учебных пособий, коллекций, реорганизацией пространства обучения и проживания студентов и профессоров.

В этой связи отметим обстоятельство, которое делает начальную историю столичного университета уникальной. Петербургский университет, в отличие от Казанского или Московского, долго не мог обрести постоянного места,

соответствующего его статусу. Это был «перемещающийся» университет, вынужденный арендовать недостающие здания или тратить немалые штатные и иные суммы на перестройку и ремонт малоподходящих строений. Если здания Московского, Казанского и Дерптского университетов строились по специальным проектам именно как университетские, то Петербургский университет получил основные свои помещения в здании Двенадцати коллегий, изначально предназначенном для других целей.

С 1810 по 1816 гг. обсуждалась идея преобразования Педагогического института (далее — ПИ) в Главный педагогический институт (далее — ГПИ), в связи с чем С. С. Уваров выступил с проектом его перемещения в аристократический центр столицы, на участок казенной земли между Инженерной и Итальянской улицами и Михайловской площадью. Но этот план был отклонен, поскольку, как сообщал попечителю министр народного просвещения А. Н. Голицын, данная территория была границей императорских садов [Столянский, 1919: СІХ–СХLVIІ]. Как известно, проблема размещения университета будет улажена только спустя полтора десятилетия, когда Николай I распорядился оставить университет в здании Коллегий, передав в его распоряжение все историческое здание и подвергнув его грандиозной перестройке под нужды учебного процесса.

Проект преобразования ПИ в Главный педагогический институт и его корректировка (1811–1816)

22 сентября 1811 г. министр народного просвещения и тесть С. С. Уварова А. К. Разумовский представил проект преобразования ПИ не в университет, как предполагалось ранее, а в Главный педагогический институт. Однако этот проект не был утвержден сразу, а подвергся многолетнему обсуждению и корректировке [Жуковская, 2013: 21–24]. В этом обсуждении, разумеется, участвовал и С. С. Уваров, хотя модель профессиональной высшей школы для педагогов вместо университета, который мог быть центром притяжения европейской научной элиты, не соответствовала его личным амбициям. Проект реформы ПИ был призван решить текущие острые проблемы российского образования, связанные с нехваткой не только учителей для гимназий, но и профессоров для университетов.

Главным предметом деятельности ГПИ определялась подготовка учителей, магистров, адъюнктов и профессоров для «всякого звания и степени училищ», подведомственных и не подведомственных Министерству народного просвещения, в том числе частных наставников и гувернеров. Основные положения проекта были сохранены в итоговом Положении о Главном педагогическом институте (1816).

С первых дней исполнения должности попечителя С. С. Уваров в сотрудничестве с Конференцией профессоров ПИ работал над углублением содержания учебных программ Института в сторону профессионализации и настойчиво стремился к повышению уровня преподавания. Первая задача решалась путем введения новых предметов и перераспределения их между профессорами. Причем попечитель настаивал на увеличении часов преподавания латинского языка и новых европейских языков. В ПИ, помимо немецкого и французского языков, стали преподаваться итальянский и английский. Важно было, по мнению попечителя, рационально распределить нагрузку на студентов уже

на «предварительном курсе наук», который был определен в два года, для чего «сделать надлежащее распоряжение относительно ... часов для преподавания, назначая при том для русского и латинского языков во всякий учебный день по часу для каждого и принимая в уважение, что успехи студентов весьма много зависят от хорошего расположения времени» [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 459. Л. 1.]

Конференция ПИ представила попечителю проект расписания с распределением занятий по дням недели и предметов между профессорами [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 459. Л. 2]. Объем учебной нагрузки, с включением рисования как «предмета необходимого», был таков, что русской и латинской словесностью воспитанники заниматься должны были по 6 часов в неделю, французским и немецким языками по 4 ч, математикой тоже 4 ч; на общую естественную историю отводилось по 2 ч, на общую географию и, в частности, русскую — 2, на философские науки — 2, на Закон Божий — 2, на рисование — 2; всего же студенты Института занимались по 6 часов ежедневно, во все дни, кроме воскресенья [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 3].

Конференция взяла на себя уточнение содержания преподаваемых предметов, предложив проходить русскую грамматику, риторику, поэзию и римскую мифологию, греческую и славянскую последовательно. В числе математических наук она считала необходимым изучить арифметику, алгебру, геометрию и плоскую тригонометрию. В ряд философских наук предлагалось включить логику, метафизику и этику. Также ученая корпорация настаивала на необходимости улучшить преподавание новых языков путем смены преподавателей, в чем нашла поддержку Уварова. Магистр французской словесности Деламолиньер, ввиду незнания им русского языка приносящий «весьма малую пользу» учащимся, был отставлен [Там же].

Озабоченный отсутствием законоучителя «в том важном месте, каков Педагогический институт, где готовятся наставники юношества», Уваров представил министру А. К. Разумовскому собственный план преподавания Закона Божьего [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 4]. Этот план, фактически соединяющий догматическое богословие со светским знанием по истории религий и церкви, состоял из четырех пунктов. В первом пункте говорилось, что лекции по богословию должны содержать начальные знания всеобщего богословия и «энциклопедическое обозрение всех наук, полный богословский курс составляющих», а также всеобщую историю христианской церкви и, в особенности, русскую церковную историю. Предполагалось изучение догматов христианской церкви, чтение книг Священного Писания, как Ветхого, так и Нового завета, «с изъяснением истинного смысла и духа его» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 5–6]. Главная цель богословского учения виделась попечителю не только в том, чтобы показать студентам «насколько возможно, превосходство изучаемой ими православной религии», но и внушить, что «Закон Божий есть душа истинного просвещения».

Необходимость обновления курса богословия Уваров аргументировал тем, что «воспитанники обучались до этого в разных училищах и потому приобрели различные познания в данном предмете». Он предложил разделить курс на младший, средний и старший. На младшем и среднем курсах занятия по богословию должны были проходить совместно, а в старшем — отдельно, в другое время [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 459. Л. 18].

Попечитель предъявлял высокие требования к «духовной особе», которой надлежало передать преподавание богословия: «Преподающий должен сам быть убежден в святости религии, чувствовать всю важность возложенной на него обязанности, должен быть убежден, что одна только история церкви может пролить свет на всемирную историю» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 6–7].

Последний пункт нового плана преподавания обязывал каждого профессора, представляя слушателям свою область науки, передать им «свое собственное уверение и возбудить в них надлежащее уважение к столь важной отрасли человеческого познания» [Там же: Л. 7]. Вскоре министр А. К. Разумовский одобрил предложенный С. С. Уваровым проект преподавания [Там же: Л. 8].

Учебное время в ПИ разделялось на две части: от 8 до 12 утра и после обеда от 14 до 16 часов. В день проводилось по три-четыре занятия, устанавливалось шесть учебных дней в неделю. Эта традиция распределения учебного времени сохранялась и в университетах, по крайней мере до конца 1830-х гг.

Костяк преподавательского состава Института по основным дисциплинам учебного плана 1811 г. выглядел следующим образом: «Закону божьему обучает ... (В оригинале пропуск фамилии преподавателя, которого еще предстояло назначить. — *Т. Ж., И. П.*); философским наукам, т. е. логике, метафизике и этике — профессор П. Д. Лодий, всеобщей истории, особенно истории Российского государства — профессор Г. И. Терлаич, всеобщей географии, особенно Российского государства — профессор Е. Ф. Зябловский, общей естественной истории — профессор А. М. Теряев, начальным правилам математики — профессор М. Е. Резанов. Российской словесности, т. е. грамматике, риторике, поэзии и мифологии римской, греческой и славянской обучает магистр Сферин под руководством статского советника И. И. Мартынова; латинскому языку — магистр Васильевский под руководством профессора В. Г. Кукольника, французскому языку — магистр Деламолиньер, немецкому языку — магистр Шумахер, рисованию и черчению — учитель Берлинский» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 2]. Основные методические и содержательные новации в обучении отражаются в обширном плане реорганизации преподавания в ПИ, который включал 17 пунктов. Согласно плану, в Институте учреждалось три класса: нижний, средний, верхний — в зависимости от уровня подготовки поступающих. Предполагалось, что «воспитанники, обучавшиеся в семинариях или других училищах философии и богословию и сверх того знающие латинский язык, поступают в верхний класс», те кто обучался грамматике, поэзии и риторике и уже владел латинским языком, составят «средний класс», а «обучавшиеся только грамматике, либо поэзии, равно и незнающие сих наук, хотя бы и разумели латинский язык», поступают в «нижний класс» [Там же: Л. 12].

Поскольку была надежда пополнять состав студентов ПИ выпускниками гимназий, «особенно здешней» (т. е. Петербургской), то Уваров предусмотрел совмещение времени приема в ПИ с выпуском в гимназиях, который «бывает ... ежегодно и притом в июле». Кроме того, он предписывал руководству Института, «чтобы и в нем *ежегодно* был выпуск для очистки вакансий гимназическим и другим воспитанникам» [Там же]. То есть С. С. Уваров предполагал от прежней системы обучения «выпусками», существовавшей в ПИ с 1804 г., перейти к курсовой системе обучения, с наборами абитуриентов каждый год, которая утвердилась в университетах.

Пунктами 6, 7, 8, 9 плана устанавливалось, что учебный год впредь будет начинаться в августе, а заканчиваться в июле. Этапы перехода на новую систему выглядели следующим образом. Уже обучавшихся в ПИ студентов предлагалось выпустить в три срока: обучающиеся в верхнем классе должны были окончить курс к июлю следующего, 1812 г., т. е. пребывание их в ПИ после перехода на новый учебный план должно было продолжаться 1,5 года; обучающиеся в среднем курсе должны были закончить обучение к июлю 1813 г., следовательно их обучение составляло 2,5 года, из которых полтора — в среднем, а последний год в верхнем классе; обучающиеся в нижнем классе должны были окончить курс наук к июлю 1814 г., следовательно, их пребывание в ПИ составило бы 3,5 года, из которых полтора года они находились в нижнем классе, а два последних — в среднем и верхнем [Там же: Л. 13]. Этот переходный период должен был закончиться осенью 1814 г., после чего режим обучения приблизился бы к университетскому, оставаясь трехлетним.

Поскольку Уваров рассчитывал обновить состав абитуриентов выпускниками гимназий, предполагалось «начинать в институте уже с тех предметов, каких не проходили они в гимназиях вовсе или проходили сокращенно» [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 459. Л. 13]. В перспективе, как считал попечитель, «не нужно будет некоторые науки преподавать в институте вовсе, а другие, по крайней мере, в нарочитой обширности, и вместо них должно будет ввести новые. Расписание же должно быть сообразно степени и разности познаний воспитанников» Там же: Л. 14].

Летом 1811 г., к моменту введения нового учебного плана, в ПИ обучалось 80 человек, в процессе набора к августу количество студентов возрастет до 100 человек. Абитуриенты должны были поступать в средний или нижний классы, как из числа казенных воспитанников гимназий, так и вольноприходящих дворян и чиновников, для которых необходимо было «сделать объявление в ведомостях обеих столиц с обозначением того, какие требуются от них предварительные познания и какие условия при приеме в институт» [Там же]. Помимо этого, план содержал информацию о программе преподавания различных предметов, изучаемых в институте, о требованиях к подготовке учителей, желающих преподавать в гимназиях и институте [Там же: Л. 15]. Таким образом, Уваров предполагал превратить ПИ из достаточно закрытого учебного заведения в открытое для свободного поступления, с распределением абитуриентов по степени познаний на разные курсы, тем самым приближая его к университетскому типу обучения.

К учебному плану прилагались отдельные для каждого класса список предметов с распределением их по дням недели и список преподавателей, которым вверялся тот или иной предмет [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 459. Л. 16–17]. В «нижнем» классе предполагалось изучать: российскую словесность, философию, эмпирическую психологию, математику, географию, древнюю историю, естественную историю, латинский, французский, немецкий языки, рисование и черчение. В дневном расписании стояло по четыре предмета, устанавливалось шесть учебных дней в неделю. В «среднем» классе предполагалось изучать: российскую словесность (всеобщая грамматика, мифология греческая, римская, славянская поэзия, критический разбор писателей), философию, коммерцию, статистику, географию, историю, химию, естественную историю, математику, латинский, французский, немецкий языки,

рисование и черчение. В «верхнем» классе: всеобщую и российскую географию, всеобщую и российскую историю, эстетику, химию, физику и сельское домоводство, статистику, естественную историю, французский, немецкий языки, политическую экономию, полицию (административное устройство. — Т. Ж., И. П.), финансы, естественное право.

Между преподавателями ПИ предметы распределялись следующим образом:

«I. В верхнем классе [обучали]: эстетике — статский советник Иван Мартынов, естественному праву — ординарный профессор Петр Лодий, физике и сельскому домоводству — ординарный профессор Василий Кукольник, политическим наукам — ординарный профессор Михаил Балугьянский, химии — ординарный профессор Александр Шерер, статистике — ординарный профессор Карл Герман, естественной истории — ординарный профессор Андрей Теряев, математике — ординарный профессор Матвей Резанов, географии — ординарный профессор Евдоким Зябловский, всеобщей и российской истории — ординарный профессор Григорий Терлаич;

II. В среднем классе: философии — ординарный профессор Петр Лодий, статистике — ординарный профессор Карл Герман, российской словесности — магистр Егор Сферин, латинскому языку — студент Арсеньев, под руководством профессора, коммерции — студент Владиславлев, под руководством профессора, химии — студент Варчилов под руководством профессора;

III. В нижнем классе: философии — магистр Дмитрий Васильевский под руководством профессора, латинскому языку — студент Попов под руководством профессора, российской словесности — студент Посников под руководством профессора;

IV. В среднем и нижнем классе: рисованию и черчению — учитель Матвей Берлинский, естественной истории — студент Ржевский, географии — студент Баженов, истории — студент Рогов, математике — студент Левинский;

V. Во всех трех классах: немецкому языку — магистр Август Шумахер, французскому языку — магистр Лабе де Лонд» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 13].

Закону Божьему воспитанники должны были обучаться в «верхнем» классе от 16 до 18 часов по понедельникам, в «среднем» и «нижнем» классах совместно по пятницам, с 16 до 18. [Там же]. Таким образом, проект предусматривал реорганизацию содержания и режима обучения в ПИ, введение курсовой системы, все это приближало его облик к университетскому. От университетского типа обучения ПИ отличало отсутствие факультетской системы, предполагавшей специализацию от начала до конца обучения. Кроме того, можно видеть, что с умножением предметов и «классов» ПИ начал испытывать дефицит преподавателей, поэтому к ведению занятий привлекаются «студенты», т. е. оставленные при Институте лучшие выпускники прошлых лет, соискатели ученого статуса магистра. 24 января 1811 г. министр А. К. Разумовский утвердил данный план [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 3].

Однако данный проект реорганизации ПИ был отложен в «долгий ящик», вернулись к нему только через четыре года, когда новым министром вместо А. К. Разумовского стал А. Н. Голицын. Рассмотрев проект положения об Институте, А. Н. Голицын подвергает его редактированию, например, решает сократить количество общих мест в штате студентов и сокращает главу о правах профессоров. Тем не менее в своей основной части проект, получивший название

«Образование Главного педагогического института», был утвержден 23 декабря 1816 г. «Образование...» стало внутренне противоречивым документом, с одной стороны сохранявшим положения об автономии и уравнивании Главного педагогического института в правах с университетами, а с другой — ставившее новое учебное заведение под контроль назначаемого директора. Эта двойственность оказалась впоследствии роковой в судьбе Санкт-Петербургского университета, поскольку до 1824 г. он фактически действовал по Положению о Главном педагогическом институте. [Жуковская, 2013: 23]

От Главного педагогического института к Петербургскому университету

Структура ГПИ по составу кафедр была приближена к университетской. Число кафедр (т. е. ставок профессоров) увеличено до 21, кроме того, определено в помощь профессорам 6 магистров или лекторов; преподавать положено «все те науки (исключая медицинских), изящные искусства и языки коим обучаются в университетах» [Плетнев, 1844 : 10]. Фактически на ГПИ была распространена и факультетская система преподавания: учебные предметы сгруппированы в три «отделения, или факультета»: 1) наук философских и юридических; 2) наук физических и математических; 3) наук исторических и словесных. Последний факультет включал и кафедры языков арабского и персидского, открытые в начале 1818 г. Кроме того, на ГПИ было распространено право университетов производить по экзамену во все академические ученые степени («градусы»). Ученые звания в самом институте теперь не должны были противоречить положениям уставов российских университетов и предполагали те же классные чины.

От проекта 1811 г. в уставе ГПИ было сохранено деление курса обучения на три уровня: курс «предварительный» — в течение двух лет; курс «высших наук», или специальный, — в течение трех; «заключительный» — в течение одного года, посвященный собственно изучению педагогики» [Григорьев, 1870: 4].

Для посторонних «любителей наук» в ГПИ открывались особые «публичные курсы». В отличие от ПИ, среди учащихся ГПИ доля выпускников гимназий была существенно выше, лишь недостающее число студентов покрывалось казенными воспитанниками из духовных семинарий.

Однако административная система ГПИ отличалась от управления университетами. Во главе заведения поставлен был директор, подчиненный непосредственно попечителю округа, учебная часть вверена Конференции из профессоров и адъюнктов, а хозяйственная и полицейская — правлению из инспектора и советника, в котором директор также играл первенствующую роль. В одной из редакций проекта устава ГПИ коллегия профессоров наделялась широкой автономией, которая выражалась в праве избрания директора института общим собранием профессоров и в наделении собственной юрисдикцией (правом суда над своими членами, соответствующим судебной автономии университетов, дарованной уставами 1804 г.). Но в окончательной редакции устава, высочайше утвержденной 23 декабря 1816 г., это положение было изменено. Параграф 93 устава об избрании директора уже сообщал двусмысленно: директор избирается общим собранием профессоров из членов Конференции на 4 года *или* определяется особенным выбором начальства» [Сборник постановлений..., 1864: 847]. В реальности директор был именно «определен от начальства» и не принадлежал к корпорации. Им стал Д. А. Кавелин, человек близкий министру А. Н. Голицыну, но далекий от интересов просвещения.

Таким образом, статус ГПИ приблизился к статусу российских университетов, при сохранении его уникальной ориентации на подготовку педагогов. Это проявилось во введении факультетской структуры, в университетской форме подготовки специалистов высшей квалификации и в порядке приема в институт. Наконец, университетскими по объему стали служебные права преподавателей и уровень материального обеспечения: во всем этом преподавательская коллегия ГПИ уравнивалась с профессорами университетов. Отражением нового статуса ГПИ стало назначение на его содержание суммы, вдвое превосходившей первоначально определенную на нужды ПИ [Марголис, Тишкин, 2000: 101].

10 марта 1817 г. попечитель доносил министру об открытии с 1 марта курса наук в ГПИ. При Институте также были открыты лекции для чиновников гражданских ведомств, желавших пройти курс наук для сдачи «экзамена на чин» в объеме университета.

Еще одним важным шагом стало отправка в 1816 г. четверых лучших студентов ПИ в Англию для изучения метода преподавания по системе Ланкастера¹⁴. С. С. Уваров не только определил план их стажировки, продолжавшейся около 4 лет, но и обязал их вести постоянные записи для отчета о педагогических опытах во время пребывания в Англии и Франции, что они и исполнили [Жуковская, Дубровская, 2017: 59–95].

В 1817 г., с открытием Второго разряда ГПИ система педагогического обучения в нем стала двухуровневой. Второй разряд производил сокращенное обучение будущих учителей уездных и приходских училищ с использованием именно ланкастерского метода. Курс обучения, рассчитанный на 4 года, включал: закон Божий, русский язык, математику, физику, историю, географию, чистописание, рисование. Лучшие выпускники Второго разряда могли направляться в «высший разряд» ГПИ или другое высшее учебное заведение. Но во Второй разряд было набрано всего 30 воспитанников 14–15 лет, в том числе из учительских семей. Таким образом, Уваров попытался укрепить систему «лестницы» в подготовке педагогов и поощрить «продвижение» способных молодых людей из социальных низов.

С открытием Благородного пансиона при ГПИ в том же 1817 г. Институт стал привлекателен и для дворянской молодежи. На казенное содержание в пансион могли быть зачислены дети малосостоятельных дворян, не получившие систематического образования. Преподавание в пансионе основных предметов поручалось профессорам и адъюнктам ГПИ [Жуковская, 2017: 57–65].

Казалось, ГПИ — это длительный многоуровневый педагогический проект, отвечавший как запросам развития школы на всех уровнях, так и решению проблем социальной мобильности. Однако казус был в том, что даже вместе с Благородным пансионом и лекциями для «вольнослушающих» чиновников ГПИ не мог сообщить столице вид университетского города и привлечь по-настоящему

¹⁴ Белл-Ланкастерская система — методика взаимного обучения, суть которой состояла в обучении более старшими и знающими учениками учеников младшего возраста. Ее разработчиками в 1790-х гг. стали независимо друг от друга доктор Эндрю Белл и Джозеф Ланкастер. Идея быстрого и дешевого обучения, при минимальном участии педагогов-наставников, понравилась Александру I, посетившему Англию в 1814 г.

известных европейских ученых. В этом, на наш взгляд, состояла причина неудовлетворенности С. С. Уварова как реформатора и отношения его к ГПИ как к промежуточному проекту. Вероятно, уже в 1817 г. он вернулся к работе по приданию ГПИ статуса полноценного университета, обновляя штат его профессоров европейскими специалистами (именно тогда были приглашены Э. Раупах, Ш. Деманж, Ф. Шармуа и др.) и готовя новый проект организации на его базе «Санкт-Петербургского университета». Дискуссии о том, каким быть университету в столичном учебном округе, поутихшие с 1802–1804 гг., на этот раз не были такими острыми и протекали в кулуарах министерства и Главного правления училищ.

Скорее всего, С. С. Уваров был уверен, что Александр I по-прежнему поддерживает идею распространения в России европейской модели университета. Основы для этого в столице уже были заложены в 1804 г. образованием ПИ, который задумывался как отделение университета. Император высоко оценил первые итоги деятельности ПИ, а в 1808 г. повелел отправить в Европу для завершения научной подготовки 12 его студентов — будущее ядро профессорского состава ГПИ, а впоследствии и университета [Жуковская, 2009: 74–89].

С. С. Уваров уже в первый год своего попечительства пропагандировал среди литераторов идею открытия полноценного университета в столице. Тогда он приглашал В. А. Жуковского на профессорскую кафедру [Жуковская, 1998: 59]. Практическая агитация за университетскую идею, которая осуществлялась Уваровым среди своих просвещенных корреспондентов в России и за границей, убеждает, что он пришел на этот пост с большими общественными амбициями. Возможно, он думал сразу претворить в жизнь идею об университете, но она была вынужденно отложена, в том числе в связи с войной 1812 г. и неоднозначностью успехов других университетов, открытых в первые годы XIX в. Это требовало корректировки самой модели «университета для России». Намерения и амбиции Уварова все же реализовались в начале 1819 г. Не случайно впоследствии, уже став министром народного просвещения, во время торжественных университетских актов, начиная с 1844 г. он с гордостью принимал неофициальный титул если не «основателя», то «преобразователя» Петербургского университета [Плетнев, 1844; Марголис, Тишкин, 2000: 194].

С. С. Уваровым были представлены два главных мотива к преобразованию ГПИ в университет: административный (необходимость подчинить усложнившееся управление Петербургским учебным округом общему порядку, по которому во главе каждого округа стоял университет); научно-образовательный — в интересах развития российской науки, которое могло идти гораздо успешнее в стенах университета [Рождественский, 1919: XII]. Только университет с его свободой преподавания и административной автономией, высокой социальной репутацией, высокими чинами для выпускников, авторитетной ученой корпорацией из русских и европейских специалистов, мыслился им учреждением, соответствующим статусу столицы империи. «Обретение» университета в Петербурге, безусловно, укрепляло и личную известность Уварова, и репутацию администратора-ученого, которую он поддерживал в отношениях как с соотечественниками, так и с европейцами.

Так или иначе, в начале 1819 г. возобновилось продвижение проекта учреждения университета в Петербурге в форме преобразования ГПИ в университет с расширением его административной и научной

самостоятельности. Судя по всему, Уваров начал работать над этим проектом задолго до того, как представил министру 13 января 1819 г. «Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета» — учредительный документ, состоящий из 36 параграфов. Буквально через 3,5 месяца был готов обширный проект устава нового университета из 345 параграфов, который по объему превосходил все действовавшие уставы. За несколько месяцев такую подготовительную работу осуществить невозможно. В тот момент Уваров, скорее всего, был поддержан кем-то из влиятельных членов Главного правления училищ и не встретил противодействия со стороны министра А. Н. Голицына. Одобрение учредительных документов и их Высочайшее утверждение 8 февраля 1819 г. произошло довольно быстро.

Проект нового устройства университета был рассмотрен на заседании Главного правления училищ 30 января, одобрен и включен в доклад министра, высочайше утвержденный 8 февраля 1819 г. [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 219. Л. 3]. Этот день и стал считаться датой «образования» Санкт-Петербургского университета, которое де факто было лишь «переименованием», поскольку до введения в действие собственного устава университет продолжал действовать в прежнем составе студентов и профессоров по старому Положению ГПИ.

Проект устава для Петербургского университета и кризис просвещенного администрирования

В успехе своей попытки в 1819 г. Уваров не был до конца уверен. В сопроводительном тексте к «Первоначальному образованию...» есть оговорка, обращенная к министру: «Если проект сей получит Ваше, Милостивый Государь, одобрение и потом удостоится высочайшего утверждения, то сим одним уже дано будет движение всему делу и оставаться будет мне под наблюдением Вашего Сиятельства, приводить постепенно в надлежащий порядок все части внутреннего устройства Университета и его Округа» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 219. Л. 3]. В этом объяснении попечитель подчеркивал, что отличия вновь учреждаемого университета от уже существующих перенесены им из устава ГПИ (деление на факультеты, подготовка преподавателей для гимназий, административное устройство). Оставаясь приверженцем автономии, декларированной уставами 1804 г., Уваров надеялся «поручить опытейшим членам нового Университета составить его подробный Устав» [Там же].

26 мая 1819 г. С. С. Уваров представил на обсуждение Главного правления училищ, экспертного органа при министерстве обширный проект устава Санкт-Петербургского университета из 345 параграфов. В представлении автор оговаривает, что некоторые идеи заимствованы из организации университета Галле. Таким образом, Уваров выступил сторонником немецкого («гумбольдтовского») типа университетской организации, с его демократией как для профессорской корпорации, так и для студентов. Именно в этом его вскоре обвиняли критики устава, М. Л. Магницкий и Д. П. Рунич. Так, Уваров предложил по типу университета Галле «иметь неперменного, всегда от Правительства назначаемого Директора и вместе ежегодно избираемого ученым сословием Ректора». Он видел выгоду системы двух властей в том, что «чрез оную течение дел по ученой и хозяйственной части приемлет больше ясности и прочности и каждая часть будет находиться в руках более способных к ее управлению» [Там же].

Вероятно, над проектом устава, который был объемён и представлял собой грандиозный труд, Уваров работал не три месяца и не в одиночку. Наверняка ему содействовал в этой работе эксперт из профессоров университета, вероятнее всего, юрист М. А. Балугьянский, не исключено, что кто-то из немецких профессоров. Возможно, это был Э. Раупах, которому Уваров явно протезировал с 1817 г. настолько, что готов был видеть его ректором университета. Раупах был питомцем именно Галльского университета, куда он возвращался для защиты своей докторской диссертации, уже укоренившись в Петербурге [Жуковская, ЭР]. Балугьянский же был известен своей редкой работоспособностью, много лет руководя трудами Комиссии составления законов. Как известно, Балугьянскому была поручена переработка уваровского проекта после жесткой критики и отклонения его первой редакции проекта и отставки Уварова. Важно добавить, что первая, уваровская, редакция проекта устава не обнаружена ни в делопроизводстве канцелярии попечителя, ни среди бумаг Главного правления училищ, ни в архиве Департамента МНП, тогда как редакции, восходящие к Балугьянскому, известны историкам и подвергались разбору [Косачевская, 1971: 9–108]. Нетрудно предположить взаимосвязанность, если не на уровне идей, то на уровне текста, этих двух попыток написать устав для столичного университета, фактически перерабатывая университетскую модель 1804 г.

Основные идеи проекта развернуты в сопроводительных текстах к нему, написанных Уваровым. Новый устав предполагал важные изменения в системе преподавания наук, структуре кафедр и факультетов. Так, Уваров пишет, что «по пространству и по необходимости» одной кафедры для преподавания юридических наук недостаточно, предлагая отделить от римского права уголовное, «яко с первым несовместное», но весьма важное для практической подготовки правоведов. Он предусматривает три кафедры по части юридических наук и, соответственно, прибавку одной штатной единицы профессора с жалованием 2000 руб. [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 219. Л. 4]. Это предложение отвечало дифференциации юридических дисциплин, имевшей место в европейских университетах.

Структура университета, которую защищал Уваров, отличала его от других российских университетов по нескольким параметрам. Прежде всего, вместо традиционного деления на медицинский, юридический и философский факультеты было сохранено прежнее разделение ГПИ на отделения: I. наук юридических и философских, II. наук исторических и словесных, III. наук математических и физических. Выгоды этого разделения виделись в том, что «оно [разделение] больше согласно с местом, где Университет учреждается, с требованием времени и с настоящим порядком вещей и познаний, разделяет поле наук на равные между собою части и не представляет никаких неудобств, столь тесно сопряженных со старыми готическими формами университетов» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 219. Л. 6]. Подобное разделение наук при сохранении единой административной структуры историки находили в национальном Институте Франции в то время [Сухомлинов, 1889: 240].

Административной особенностью, заимствованной Уваровым из устройства университета Галле, было разделение сфер управления между директором и ректором, о чем говорилось выше. Эта система названа им «самым естественным делением властей и предметов» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 219. Л. 6].

К тому же должность директора уже существовала в ГПИ, его полномочия следовало лишь распространить на университет. Таким образом, помимо ректора, ежегодно избираемого ученым сословием, при университете действовал бессменный директор, назначаемый от правительства. Как помощнику попечителя и старшему члену университетского Правления, директору предоставлялся непосредственный надзор за всеми внутренними делами университета, исключая дела по ученой части, которыми ведала Конференция профессоров во главе с ректором, избираемым из ординарных профессоров.

Наконец, ввиду того, что «многочисленность пружин и раздробленность властей ...» весьма неудобны, как и ситуация, когда «ответственность не падает поистине ни на кого, а все без разбора имеют право входить во все дела, что части хозяйственные и правительственные в руках профессоров не могут процветать, а отвлекает только от ученых занятий без всякой пользы, и что наконец в случае внутреннего беспорядка Университет представляет какую-то недействующую массу, притупляющую все усилия министерства в достижении истины», было решено создать единый орган — Правление, где все, кроме ученой части, «сосредоточено в единый центр» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 219. Л. 7–8]. Правление действует по форме коллегиальной. В нем собираются все дела по хозяйственной и административной части университета и его округа, в нем может присутствовать и попечитель, его членами являются директор университета, ректор, советник или синдик, а также директор училищ Петербургской губернии [Сухомлинов, 1889: 241].

По убеждению Уварова, при таком разделении функций «никакая власть не ограничивается, кроме власти попечителя (сильная власть попечителя в отношении университетов была одним из принципов университетских уставов 1803-1804 гг., который подвергался критике).

Уваров настаивал на том, чтобы все академические вопросы оставались в руках профессуры: тогда невозможно было бы увольнять преподавателей и изменять программы административным указом. В то же время он хотел бы оставить только что созданный университет под своим плотным кураторством, фактически являясь последней инстанцией при рассмотрении любых вопросов, находящихся в компетенции Правления.

Возвышая статус столичного университета, Уваров предполагал «сдвинуть» иерархию чинов для его выпускников, присваивая действительным студентам XII класс вместо XIV, а кандидатам X вместо XII.

Уваровский проект устава подвергся сокрушительной критике, причем хорошо спланированной, обличавшей автора проекта как адепта «готических форм» университетской организации, т. е. немецкой модели, к тому времени дискредитированной событиями 1817–1819 гг. в самой Германии. История с обсуждением устава окажется полной трагизма: для самого Петербургского университета обернется тем, что он вынужден будет долгое время существовать вообще без устава, а С. С. Уваров покинет пост попечителя в связи с критикой его идей не только личными противниками в Главном правлении училищ, но и некоторыми членами университетской корпорации.

Усилия Уварова по преобразованию высшей школы в столице включали и такие формы, которые были задействованы постоянно и не связываются с какими-то реорганизациями. Это последовательная кадровая политика и целенаправленное приглашение в Петербург лучших иностранных ученых,

укрепление материально-технической базы ПИ, ГПИ, а затем и Университета: библиотеки, лабораторий (химической и физической), кабинетов (минералогического и зоологического), коллекций и музеев. При содействии попечителя университет приобретал коллекции известных ученых, расширял список иностранных почетных членов, укреплял связи с Академией наук, президентом которой С. С. Уваров был с 1818 г.

Политика С. С. Уварова была направлена на воспроизведение классической («гумбольдтовской») модели университета. Эта модель сочетала свободу преподавания и глубоких научных исследований с государственным покровительством, выстраивала систему кафедр и факультетов в том значении, в котором они существуют поныне [Александров, 2006: 273–274]. Эта система была обоснована попечителем и в целом отвечала вызовам времени, когда не только наука, но и система преподавания тяготели к интернационализации. Однако контрреформаторские настроения в министерстве в тот момент были слишком сильны и возобладали.

Во время обсуждения проекта устава в 1819 — начале 1820 гг. самым непримиримым его противником выступил попечитель Казанского университета М. Л. Магницкий. В частности, он обвинил Уварова в том, что вопреки одобренным Государем намерениям поручить составление устава опытнейшим профессорам, устав составлен им единолично в духе крайне опасном. Магницкий обвинил Уварова в стремлении «отвергнуть всякое христианское и нравственное образование, приблизить новый университет к анархии немецких университетов, внести в него всю новомодную мудрость, через которую немецкие университеты подкрадываются ко всему государственному и придут, наконец, к революции государств» [Санкт-Петербургский университет...: 104; Марголис, Тишкин, 2000: 114]. Составление нового устава он предлагал поручить Ученому комитету с тем, чтобы для его редактирования самим министром был назначен один из надежнейших и заслуженных профессоров университета. Из Ученого комитета Главного правления училищ проект устава решено было передать на рассмотрение университетского Совета, дозволив всем его членам свободно подавать свои мнения. Эта видимая уступка интересам ученой корпорации, далеко не единой в своих настроениях, была сделана намеренно, чтобы получить компрометирующий Уварова материал из самой университетской среды.

Резкая и откровенно заказная критика проекта в заседаниях Главного правления училищ усугублялась отсутствием С. С. Уварова, который в это время находился в отпуске по делам своих имений. Только в начале декабря 1819 г. он получил от министра отзывы критиков и готов был дать необходимые объяснения лично в Ученом комитете, куда решено было пригласить и ректора университета для окончания работы над уставом. Однако непримиримость точек зрения Уварова и его критиков сделала невозможным компромисс, таким образом, коллегиальное обсуждение проекта Уварова, какое происходило в Главном правлении училищ в 1802–1804 гг. в период выработки первых университетских уставов, было исключено. Текст проекта подвергся не конструктивной доработке, а обличениям его отдельных формулировок и положенных в него идей.

В заседаниях Главного правления училищ 31 декабря 1819 г. и 15 января 1820 г. перевес получили оппоненты Уварова, а проекту устава были навязаны новые формулировки. Был совершенно изменен первый параграф, определявший цель университета как «образование наукой человека и в человеке гражданина

и усовершенствование самой науки». Это определение, по предложению М. Л. Магницкого, было заменено на принципиально иное: «Цель университета состоит в образовании верных сынов церкви, верных подданных государю и добрых граждан Отечеству...» [Рождественский, 1919: С. XXV; Санкт-Петербургский университет...: 88–89]. Существенные изменения безосновательно вносились в состав факультетов: был добавлен медицинский факультет, из факультета философско-юридического исключены науки философские и ему придан характер более практический под наименованием юридико-политического; факультет историко-филологический переименован в философский и т. д. Эти новации были неконструктивны, но не приблизили утверждение устава, как и полученные критические замечания на него от профессорской коллегии. В дальнейшем оппоненты Уварова стремились изолировать его от влияния на процедуру обсуждения.

Критика устава профессорским совещанием в составе ректора и профессоров университета В. Г. Кукольника, Д. С. Чижова и А. П. Куницына не коснулась основ учебного строя университета, но подняла вопросы университетской администрации, служебного и материального положения преподавателей, организации студентов и т. д. [Рождественский, 1919: XXXVI]. Однако это создавало впечатление, что и академическая корпорация отвергает проект Уварова.

В то время как позиции попечителя слабели, университет продолжал существовать по «временным» положениям в видимом благополучии. Открылись публичные курсы, специализация казеннокоштных студентов по «разрядам» наук внутри факультетов. По представлению Конференции попечитель утвердил разделение факультета физико-математического на два разряда: наук физико-математических и наук «естествоиспытательных». На филологическом факультете было образовано три разряда: исторический, филологический и разряд восточной словесности. Это был едва ли не первый в русских университетах опыт раздробления факультетских предметов на однородные группы, с целью если не специализации, то облегчения занятий.

Подготовленный С. С. Уваровым либеральный проект устава для столичного университета можно считать последней попыткой следовать духу созидательных реформ 1802–1804 гг. в просвещении. Проект проходил «стадию обсуждения» около года, повлек формирование в отношении столичного попечителя мощнейшей оппозиции, поэтому устав университета так и не удалось принять. Более детальное рассмотрение хроники обсуждения проекта Уварова в течение 1820 — начала 1821 гг. в Главном правлении училищ по сохранившимся протоколам его заседаний [РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 19 и Д. 20] представляется важным направлением исследования и делом ближайшего будущего. Таким путем можно попытаться реконструировать сам обширный текст устава, который считается утраченным. Его обсуждение отразило перемены в настроениях экспертного окружения министра народного просвещения, а сам этот конфликт послужил развилкой между реформами и контрреформами в университетской политике и приблизил добровольную отставку С. С. Уварова с должности попечителя учебного округа. За этой отставкой последовал кризис 1821 г. в истории Петербургского университета, известный как «дело профессоров».

Список сокращений

ГПИ — Главный педагогический институт.
МНП — министерство народного просвещения.
ПИ — Педагогический институт.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга.

Список источников

РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 19.
РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 20.
РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103.
РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 219.
Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919: материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835 / под ред. С. В. Рождественского. Пг.: 2-я Гос. Типография, 1919. 759 с.
Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. I. 1802–1825. СПб., 1864. IV с., 1644, 44 стб., 42 с., 34 стб.: табл.
ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 459.

Список литературы

Александров Д. А. Места знания: институциональные перемены в российском производстве гуманитарных наук // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 273–274.
Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1870. 432, 96, СХХП, 15 с.
Жуковская Т. Н. «Императорский университет»: система высочайшего вмешательства в жизнь университетов в первой половине XIX в. // Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX века. Исследования, историография, источниковедение. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, Лики России, 2009. С. 74–89.
Жуковская Т. Н. Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803-1819) // Клио: журнал для ученых. 2013. № 10 (82). С. 15–25.
Жуковская Т. Н. Раупах Эрнст-Беньямин // Биографика СПбГУ. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/852-kunitsyn-aleksandr-petrovich.html> (дата обращения: 27.10.2019).
Жуковская Т. Н. Стипендиаты российских университетов в Европе в 1800–1810-х гг (по письмам и дневникам) // Запад-Восток: научно-практический ежегодник. Йошкар-Ола, 2016. Вып. 9. С. 59–95.
Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и воссоздание Петербургского университета // Очерки по истории Петербургского университета. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. Вып. VII. С. 56–74.

Жуковская Т. Н., Дубровская Н. В. Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете (1817–1830): организационная структура и повседневная жизнь // Клио: журнал для ученых 2017. № 9. С. 57–65.

Косачевская Е. М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. 270 с.

Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. «Единым вдохновением»: очерки по истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII — первой половины XIX в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 227 с.

Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие Санкт-Петербургского университета: Историческая записка, по определению Университетского совета, читанная ректором ун-та Петром Плетневым на публичном торжественном акте 8 февр. 1844 г. СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1844. 127 с.

Рождественский С. В. Первоначальное образование С.-Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835 / под ред. С. В. Рождественского. Пг.: 2-я Гос. типография, 1919. С. III–CXLVII.

Столянский П. Н. К истории зданий С.-Петербургского университета // Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. I. 1819–1835. Пг.: 2-я Гос. типография, 1919. С. CIX–CXLVII.

Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. [Соч.] М. И. Сухомлинова. СПб.: А. С. Суворин, 1889. 671 с.

Сведения об авторах

Жуковская Татьяна Николаевна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России с древнейших времен до XX в.
Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Пустовойт Иван Сергеевич

студент IV курса Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета

Zhukovskaya Tatyana N.

PhD (History), Associate Professor
of the Institute of History of Saint-Petersburg State University

Pustovoit Ivan S.

student of the Institute of History
of Saint-Petersburg State University

С. А. Курылев, Т. Н. Жуковская

**ГЛАВНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (1828–1859):
ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

Аннотация

Статья рассматривает цели учреждения и особенности административного устройства Главного педагогического института (ГПИ), который, с одной стороны, был связан нитями преемственности с первым Главным педагогическим институтом (1817–1819), а с другой — более двадцати лет располагался в одном здании с Петербургским университетом и имел общий с ним состав профессоров. Авторы показывают особенности комплектования и социального состава учащихся ГПИ, специфику режима обучения, его эффективность, карьерные перспективы для выпускников. Делается вывод о том, что для учащихся, выходцев из духовной среды, педагогическое образование было мощным социальным лифтом, позволявшим выстроить успешную учительскую или даже профессорскую карьеру. Исследование построено в основном на архивных материалах фондов Министерства народного просвещения.

Ключевые слова:

Главный педагогический институт, Министерство народного просвещения, история педагогического образования, учительская служба, студенты, И. И. Давыдов.

Sergey. A. Kuryliov, Tatyana N. Zhukovskaya

**MAIN PEDAGOGICAL INSTITUTE (1828–1859):
PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE AND SOCIAL HISTORY**

Abstract

The article considers the objectives of the establishment and features of the administrative structure of the Main pedagogical Institute (MPI), which, on the one hand, was connected by threads of continuity with the first Main pedagogical Institute (1817–1819), and on the other – more than twenty years was located in the same building with St. Petersburg University and had a common composition of professors. The authors show the features of recruitment and social composition of students of MPI, the specifics of the training regime, its effectiveness, career prospects for graduates. It is concluded that for students coming from the clergy, pedagogical education was a powerful social elevator that allowed to build a successful teacher or even professorial career. The study is based mainly on archival materials of the funds of the Ministry of public education.

Keywords:

Main pedagogical Institute, Ministry of public education, history of pedagogical education, teachers' service, students, I. I. Davydov.

В 1804 г. в Санкт-Петербурге был открыт Педагогический институт, который в 1816 г. был преобразован в Главный педагогический институт. В 1819 г. ГПИ, полностью сохраняя свое административное устройство и штат, фактически был переименован в Санкт-Петербургский университет. Некоторое время он следовал установке своего предшественника на подготовку педагогов: учителей для гимназий и профессоров для университетов.

30 сентября 1828 г. в Петербурге вновь был учрежден Главный педагогический институт, успешно действовавший более 30 лет до своего окончательного закрытия в 1859 г. В целом, второй ГПИ (1828–1859) можно считать наследником первого (1816–1819), поскольку опыт предшественника

сыграл немалую роль при открытии учебного заведения в 1828 г. В сравнении с университетами второй ГПИ отличался закрытостью и более строгим режимом обучения.

Еще одной отличительной характеристикой второго ГПИ являлась прямая подчиненность: его непосредственным начальником являлся министр народного просвещения или (в его отсутствие) товарищ министра. Поэтому наиболее важная часть делопроизводства института отложилась в виде единого комплекса в Российском государственном историческом архиве: фонд 733 (Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения), опись 93 (дела Департамента народного просвещения по Главному педагогическому институту). Второй комплекс архивных дел, отражающий внутреннее делопроизводство института, был механически присоединен к архиву первого ГПИ и составил один фонд с ним (фонд 13 в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга) [Жуковская, 2017: 114–164]. До сих пор архивы второго ГПИ, как и сама его деятельность, привлекали внимание исследователей лишь эпизодически [Булгакова, 1977: 38–43; Иванов, 2014, 32–46].

Правовое положение воспитанников и студентов ГПИ

Будучи учреждением закрытого типа, в которое, помимо прочего, не допускались вольнослушатели, ГПИ был местом, где жизнь его воспитанников регулировалась предписаниями ведомственного начальства. Это касалось взаимоотношений воспитанников как друг с другом, так и с администрацией.

Требования, предъявляемые к желающим поступить в учебное заведение, были отражены в уставе ГПИ: возраст не моложе 17 лет, за исключением молодых людей, проявивших превосходные дарования; отсутствие каких-либо физических и психических недостатков, которые могли бы мешать воспитанникам [РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 1. Л. 2 об.]. Главным требованием было то, что в ГПИ должны были поступать преимущественно воспитанники духовных семинарий, которые закончили класс философских наук. Однако, согласно уставу, в институт могли быть приняты также молодые люди из «свободного состояния», проявившие достаточные способности и знания.

Объяснение того факта, что воспитанники духовных семинарий названы предпочтительным контингентом для приема в ГПИ, можно найти в образце письма, которое рассылалось от имени министра народного просвещения архиепископам и епископам страны. Им в рекомендательной форме предлагалось содействовать избранию достойных семинаристов для отправления в Петербург. При этом подчеркивалось, что «молодые люди из духовного состояния, руководимые примерами благочестия и получившие под строгим надзором духовных властей твердые начала нравственного и классического обучения, будут способны докончить с успехом образование свое в институте и вступить потом с пользою в важное и почтенное звание учителей» [РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 1. Л. 44, 44 об.]. Важный принцип, положенный в основу при выборе будущих воспитанников института, сводился к сформулированному в том же письме положению — «начало премудрости есть страх господен» [РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 1. Л. 45]. На самом деле воспитанники духовных семинарий, в большинстве своем сыновья церковнослужителей, с раннего детства видели в своих родителях образец смирения и покорности не только перед Богом, но и перед государством.

Но в то же время видели и самоотверженное отношение к своему делу, которое отличало служение многих клириков от необременительной статской службы.

Вот как описывал поступление в ГПИ один из выпускников института: «Приемный экзамен происходил в начале августа. Экзамен был самый снисходительный. Прорехи знаний не замечались нашими профессорами: профессора хотели усматривать у нас задатки знаний. Если студент поступал на филологическое отделение, то с него не требовали сведений больших по математике (или, вернее, совсем не ставили ему в вину малознание «математическое»). Я, напр[имер], по алгебре не мог сделать простого алгебраического сложения, и ничего, — обратили внимание на мое сочинение о моей родине, на кое-какие знания по латинскому и греческому языку, — на знание Закона Божия, — и приняли в институт. Я не смог на экзамене показать разницу между барометром и термометром (у профессора физики Пчельникова) — и это ничего: не всякое лыко в строку! Профессор спросил, на какой факультет я поступаю и, узнав, что на филологический, — он, профессор, только сказал: «Слабо знаете физику», — и все. И я был принят в Главный педагогический институт» [Один из птенцов Института..., 1904: 55–56].

При поступлении в институт менялся социально-правовой статус молодых людей, поскольку они «увольнялись из духовного звания». Так, в 1840 г. о желании поступить в институт объявили Константин Садоков и Александр Серно-Соловьевич, воспитанники Вологодской и Минской духовных семинарий соответственно. Святейший Синод по прошению министра народного просвещения определил «уволить означенных учеников Садокова и Серно-Соловьевича, согласно желанию их родителей, из духовного звания для поступления в число воспитанников Педагогического института» [РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 110. Л. 3, 3 об.]. Выйдя из духовного звания и не поступив ни в какое другое, воспитанники и студенты ГПИ становились разночинцами, менялось их отношение к миру, была открыта дорога в другие сословия. Можно заметить, что выход из духовного звания студентов ГПИ отличался от подобного процесса в университете, где поповичи, дети купцов и государственных крестьян освобождались от подушного оклада только по окончании учебного заведения.

Не все правовые нормы, касающиеся студентов института, регулировалось уставом ГПИ. В качестве источника права здесь выступали также распоряжения министра народного просвещения, который юридически являлся непосредственным начальником института. В частности, по предписанию министра народного просвещения от 22 ноября 1850 г. с пометой «конфиденциально» директору ГПИ рекомендовалось, «чтобы в число студентов института не были принимаемы уроженцы Западных губерний, кроме тех, которые исповедуют православную веру» [РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 219. Л. 1 об.]. Однако и это предписание министра не всегда соблюдалось. Так, в августе 1852 г. три уроженца западных губерний, исповедовавших отличную от православия веру, все же были допущены (с одобрения министра) до вступительных экзаменов. Это воспитанник Шавельской гимназии Карл Рыдзевский, воспитанник Новгородской гимназии Иван Смирнов и воспитанник 3-й Петербургской гимназии Михаил Папков. Из них только первый закончил гимназию в Литве (нынешний г. Шауляй), двое других учились в гимназиях столичного учебного округа. На донесении директора института о том, что эти молодые люди успешно выдержали вступительные испытания в институте,

министр П. А. Ширинский-Шихматов поставил резолюцию: «Согласен на сей раз, а впредь предписать конфиденциально: западных уроженцев не допускать к испытанию без предварительного моего разрешения» [РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 219. Л. 2].

Причем данное ограничение распространялось только на уроженцев западных губерний и только в том случае, если они были неправославного вероисповедания. Так, Адольф Гибнер, сын учителя немецкого языка Тамбовской гимназии, закончивший эту гимназию, будучи римско-католического вероисповедания, хоть и был ограничен в праве поступления в ГПИ, однако на основании одобрительного отзыва о нем директора института И. И. Давыдова («мог бы быть со временем в звании учителя полезен знанием иностранного языка») приобрел право держать приемные испытания для поступления в число студентов ГПИ [РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 219. Л. 17, 17 об., 18, 18 об.].

Основным источником регулирования отношений внутри ГПИ является устав этого учебного заведения. В главе V устава «О нравственном надзоре» определены методы и средства осуществления контроля над воспитанниками института. Главная роль по части надзора за учащимися принадлежала директору, который осуществлял эту функцию при помощи старшего надзирателя и комнатных надзирателей. Таким образом, устанавливалась централизованная система контроля воспитанников: директор — старший надзиратель — комнатные надзиратели. Один комнатный надзиратель должен был приходиться на 20 воспитанников, то есть при количестве студентов в сто человек, определенных по штату, комнатных надзирателей полагалось пять. Заметим, что комнатные надзиратели — это те люди, которые довольно тесным образом контактировали со студентами каждый день, от их характера зависел микроклимат внутри коллектива учащихся. Комнатные надзиратели должны были немедленно доносить обо всех необыкновенных происшествиях в институте старшему надзирателю, а последний, в свою очередь, — директору. Представляется, что от сложившихся между студентами и комнатным надзирателем отношений зависело положение самих воспитанников в институте, ведь комнатный надзиратель (при удачно сложившихся отношениях) мог закрыть глаза на мелкие проступки, ничего не записав в ежедневном отчете о «благосостоянии воспитанников» и в «списке о поведении», который представлялся старшему надзирателю ежемесячно.

Приведем пример осуществления комнатными надзирателями своей непосредственной функции. В 1843 г. смотритель второго разряда ГПИ подал рапорт, в котором сообщал, что «воспитанник сего заведения Каша с самого начала второй трети истекающего года весьма ощутительно по временам стал оказывать упрямство, гордую самонадеянность, непослушание до величайшей грубости, пренебрежение всякого порядка, так что ежедневно получаемы были на него *жалобы как от комнатных надзирателей* (курсив наш. — С. К., Т. Ж.), так и от преподавателей; делаемые ему замечания, увещания и, наконец, выговоры не имели на него должного влияния. Последовавшее двукратное заключение его в карцер нимало его не образумило, напротив, он по-прежнему постоянно оказывал грубости и крайне дерзкое обращение со всеми преподавателями, с которыми он имел неприличные сцены, так, например: самым делом обличенный в неслушании того, о чем говорили в классе или в неприготовлении назначенного урока, он всегда с улыбкой, полувставая,

прибегал к таким оправданиям, которые производили всеобщий смех и нередко позволял себе такие дерзкие увертки и выходки, которые поставляли преподавателя в затруднительное положение» [РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 148. Л. 1, 1 об.].

В конечном итоге по представлению директора ГПИ министр народного просвещения распорядился исключить воспитанника Кашу из института «за неспособностью его к наукам и по недостатку познаний для учительской должности» [РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 148. Л. 3]. Заметим, что причина исключения не содержит намека на дерзкое поведение воспитанника.

Одним из элементов поддержания в институте дисциплины был утверждаемый директором распорядок дня. Причем у воспитанников, согласно уставу, должно было оставаться время для отдыха и приготовления домашних заданий в течение дня [Сборник постановлений..., 1875б: 173]. Приведем типичный для конца 1840-х гг. распорядок воспитанников и студентов ГПИ [Описание..., 1848: 34-36]:

6:00–7:30 — студенты и воспитанники должны быть «чисто, опрятно и по форме» одеты и собраться в классных комнатах для приготовления уроков;

7:30–8:00 — они все «по отделениям, в порядке» направляются в столовую, где происходит молитва, впоследствии каждый занимает свое место для приема пищи;

8:00 — начало во всех отделениях института занятий, продолжающихся до 12:30; в классных комнатах воспитанники занимали строго определенные места, назначенные им «по успехам и поведению»;

12:30–13:00 — обед, во время которого «разговор за столом воспрещается; одни студенты (статус воспитанника, отучившегося более 2 лет. — *С. К., Т. Ж.*) могут беседовать о предметах лекций своих без нарушения общей тишины со всей скромностью, отличающей людей образованных»;

13:00–15:00 — прогулка и отдых; студентам института позволялось прогуливаться по городу одним, но воспитанники отпускались из института только в сопровождении комнатного надзирателя и только все вместе; прогулки могли осуществляться в домашнем саду института либо по улицам; в это же время позволялось и посещение воспитанников посторонними лицами, но только в приемной зале и с согласия директора института;

15:00–18:00 — уроки во всех отделениях;

18:00–18:30 — отдых «в рекреационных залах»;

18:30–20:00 — приготовление и повторение изученного материала в классных комнатах;

20:00–22:00 — ужин и вечерняя молитва, после которой воспитанники отправляются в спальни в сопровождении своего комнатного надзирателя;

22:00–22:30 — при согласии директора института воспитанники могут продолжить свои самостоятельные занятия.

В выходные и праздничные дни воспитанники и студенты института посещали церковь университета, где служили молебны. После этого отличные по поведению обучающиеся могли отлучаться из института к своим родственникам или родителям. Причем отпускались в город они не просто так, им выдавался увольнительный билет, заверенный старшим надзирателем, в котором с одной стороны содержалась информация, «кто к кому и на какое время увольняется», а с другой стороны были напечатаны правила поведения, которыми должен был

руководствоваться воспитанник вне института. Родители или родственники при возвращении студента обратно в институт отмечали на билете, во сколько он туда отправился. Таким образом, студенты по выходным и праздничным дням могли задерживаться в городе до 22:00, а воспитанники до 21:00 [Описание..., 1848: 37–38].

Уставом ГПИ предусматривались «льготы и привилегии» в отношении особо благонаправных воспитанников, которые помогали поддерживать в институте установившийся дисциплинарный режим. Суть их сводилась к следующему:

- 1) «предоставление первых мест в классах, за столом и в комнатах»;
- 2) «избрание отличных воспитанников в так называемые старшие, с возложением на них присмотра за прочими товарищами их»;
- 3) «похвальный отзыв о воспитанниках в присутствии директора»;
- 4) «выдача похвальных листов после годичного испытания за постоянное в течение года прилежание и благонаравие» за подписью директора, инспектора и старшего надзирателя [Сборник постановлений..., 18756: 174].

За все время существования ГПИ этот порядок мало изменился, за исключением того, что в конце 1840-х гг., когда его директором стал И. И. Давыдов, в институте была заведена доска почета для особо отличившихся студентов.

Говоря о поощрении отличившихся студентов, надо сказать и о санкциях, действовавших в отношении воспитанников, нарушавших те или иные предписания. Основных видов наказаний в стенах института было три [Сборник постановлений..., 18756: 174]:

- выговоры от инспектора института и старшего надзирателя как наедине, так и в присутствии других воспитанников;
- подобные выговоры и замечания от директора института;
- заключение и содержание на хлебе и воде от одного до трех дней.

Впрочем, в уставе ГПИ была сделана оговорка насчет наказаний: «В случае недействительности неоднократных сего рода наказаний и совершенной безнадежности к исправлению, а также за другие важные проступки, воспитанники, с утверждения министра народного просвещения, исключаются из института» [Сборник постановлений..., 18756: 174, 175].

Именно на основании этого параграфа в 1833 г. был исключен из института воспитанник Андрей Федоров. 23 октября этого года директор ГПИ направил в Министерство народного просвещения прошение об исключении Федорова из числа воспитанников. Исключался он за то, что похитил карманные часы одного из учащихся, причем вор буквально был пойман с поличным своими товарищами, которые, видимо, и сообщили о происшествии комнатному надзирателю. Старший надзиратель сообщил о краже директору, и выяснением обстоятельств дела занялось правление ГПИ.

При даче показаний в правлении А. Федоров во всем сознался, отрицая при этом наличие у себя злого умысла в отношении чужой собственности. После случившегося он содержался отдельно от других воспитанников. В конечном итоге было принято решение о том, что Федоров более в институте оставаться не должен; к тому же преподаватели высказались о слабых успехах его в учебе [РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 38. Л. 1, 1 об.]. Содержащиеся в параграфе 96 устава ГПИ виды наказания (они перечислены выше) к Федорову применить было

невозможно ввиду особой тяжести проступка. Поэтому директор ГПИ руководствовался параграфом 97, предусматривавшим исключение студентов за особо важные проступки, отмечая, что поступок Федорова противен «доброй нравственности» [РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 38. Л. 1 об.].

Так как по уставу ГПИ воспитанники, исключенные из института, не могли в дальнейшем состоять на гражданской службе, то Андрея Федорова на основании постановления 1811 г. «Об отсылке в военную службу казенных воспитанников и студентов из разночинцев за развратное поведение и важные преступления» [Сборник постановлений..., 1875а: 702–703] было решено отдать в солдаты.

Несмотря на строгие требования к студентам и воспитанникам ГПИ и многочисленные ограничения, представляется, что питомцы института были в духовных семинариях выход из духовного сословия был осложнен, перспективы мирской службы очень призрачны, а материальные средства к существованию ничтожны в ожидании вакансий в церковных приходах. Окончание же ГПИ являлось реальным шансом покинуть духовное сословие и выстроить престижную педагогическую карьеру. Оно давало «поповичам» возможность занять учительскую, а при должном усердии и способностях и профессорскую должность и таким образом стать частью не только свободной, но и уважаемой социально-профессиональной группы. Таким образом, учеба в ГПИ и государственных учебных заведениях ему подобных являлась одним из немногих лифтов социальной мобильности в сословном обществе, посредством которого лица из духовного состояния могли попасть в другое сословие [Манчестер, 2015: 14–15].

Важен вопрос самооценки положения студентов и воспитанников ГПИ и его оценки исследователями. Оценка условий обучения в институте и положения студентов в немногочисленной мемуаристике неоднозначна. Так, А. В. Романович-Славатинский в своем очерке о выпускнике института Н. Д. Иванишеве, писал о ГПИ: «...Это было заведение вполне закрытое. Миддендорф, содержащий когда-то пансион для мальчиков, водворил и в институте настоящий пансионский режим, приноровленный для малолеток. Он следил не только за поступками воспитанников, но старался проникнуть и в их помыслы. Жизнь в закрытом заведении под ферулой такого тяжелого начальника была куда как печальна и монотонна. Содержание воспитанников было более чем скудное: нередко приходилось бывать впроголодь» [Романович-Славатинский, 1876: 29].

Автор некролога о выпускнике ГПИ К. Д. Краевиче, подписавшийся криптонимом «К. М.», отмечал: «Четыре года, проведенные в этом закрытом заведении при *довольно тяжелой нравственной обстановке* (курсив наш. — С. К., Т. Ж.) (директором его был известный И. И. Давыдов — словесник и математик, человек весьма тяжелого нрава), прошли в непрерывных занятиях» [К. М., 1892: 113].

Директор ГПИ был наделен широкими полномочиями, поэтому довольно жесткие дисциплинарные нормы, установленные в институте, им либо сглаживались, либо, наоборот, еще более усугублялись. Например, один из студентов института, покинув учебное заведение раньше положенного времени и не появлявшийся в институте неделю, так описывал последствия своего проступка: «Чтобы исполнить формальности, я упротил хозяина

семейства, где я пребывал (а он был «губернский секретарь» по чину, а по должности смотритель лазарета), написать извещение в институт, что я-де захворал. <...> И так я прожил здесь целую неделю <...> Возвращаясь в институт, я узнал, что разрешения от директора на бывалый отпуск в день 17-го сентября не последовало, и я поник всем сердцем своим <...> Увидя меня, директор сказал: «Вы теперь все потеряли» ... и продолжал ходить, а я — стоять. <...>

Я был ни жив ни мертв. Слова «вы теперь все потеряли» меня потрясли (я был на старшем курсе и учился последний год в институте) <...>

Всю ночь я не спал и все думал, что делать <...> В пять часов утра я встал. Написал директору покаянное письмо, где, ничего не скрывая, поведал ему все, что я делал эту неделю и просил прощения <...> После утреннего завтрака <...> явился я в квартиру директора с письмом своим <...>. Никто мне о моем проступке не напоминал потом — ни директор, ни инспектор, ни старший надзиратель, ни гувернер <...> Я ждал грозной расправы, а вышла полная Божья милость <...> Таким человеком был наш директор, Ив. Ив. Давыдов» [Один из птенцов Института..., 1904: 71].

Возможно, этому студенту помогло написание покаянного письма, но факт того, что директор института своими решениями мог корректировать правовые нормы учебного заведения, очевиден, поскольку, если следовать уставу ГПИ, студента ждало суровое наказание [Сборник постановлений..., 1875б: 174]. Здесь же даже не последовало выговора ни от директора, ни от инспектора.

Система распределения воспитанников и студентов Главного педагогического института

Большинство студентов ГПИ приготавливалось к занятию должностей старших учителей гимназий (высших в школьной иерархии). За полгода до окончания курсов наук конференция института должна была предоставить список кандидатов на вакансии старших учителей гимназий. Министр народного просвещения сообщал о числе студентов попечителям учебных округов, а те, в свою очередь, должны были предоставить информацию о вакантных местах в училищах. При этом выпускника института могли определить и на «низшие» учительские должности, но при самом удобном случае он должен был занять вакансию старшего учителя. Между должностями старшего и младшего учителя существовала разница в соответствующих им чинах по Табели о рангах. Так, окончившие ГПИ, как и окончившие университет со степенью кандидата студенты, определенные старшими учителями, получали чин XII класса. XIV классный чин приобретали те воспитанники, которые занимали места младших учителей [Жуковская, Казакова, 2018: 219]. Те студенты, которые по своим успехам были равны с отправленными за границу, но по тем или иным причинам не были отправлены в научную командировку, занимали должности адъюнктов в университетах империи при условии наличия вакантных мест. Студенты, которые вообще не были никуда распределены, оставались при институте и должны были выполнять «разные поручения начальства»; при этом они получали жалованье по назначенному званию (т. е. столько же, сколько старшие учителя гимназий).

Устав ГПИ предусматривал, что «студенты, отправленные к должности, получают прогонные деньги и, сверх того, не в зачет третное жалованье». Также всем выпускникам института разрешалось оставить при себе казенную одежду

и учебные книги, полученные во время обучения [Сборник постановлений, 1875б: 180]. Таким образом, институтское начальство оказывало не только содействие в трудоустройстве студентов, но и материальную помощь при их переезде на место службы.

За все время своей деятельности ГПИ осуществил две массовые командировки студентов за границу с научной целью — в 1836 и 1842/1843 гг. Всего «в чужие края» был отправлен 21 студент, большинство из них впоследствии преподавали в университетах империи, стали профессорами, то есть вполне оправдали цель своей командировки [Курылев, 2019: 333]. Но в конце 1840-х гг. в связи с обострившейся международной обстановкой заграничные командировки студентов ГПИ прекратились, и средства на них не выделялись. Количество же студентов и воспитанников ГПИ, которые заняли места старших учителей гимназий или были определены на низшие должности, составило 682 человека [Краткое историческое..., 1859: 72], не считая тех, кто был переведен из института при его закрытии в 1859 г. студентами в университеты.

До 1849 г. полный курс обучения в ГПИ составлял шесть лет (два года длился предварительный курс, три года — окончательный курс, один год — курс педагогики). В предварительном курсе осуществлялась подготовка воспитанников к слушанию высших наук в окончательном курсе, а звание студента воспитанник получал только при переходе из предварительного в окончательный курс. Если по той или иной причине воспитанник ГПИ не удостоивался звания студента после двух лет обучения, его отправляли на вакансию учителя в одно из уездных училищ (и далеко не всегда это училище находилось в том учебном округе, откуда приехал воспитанник). В 1849 г. система немного изменилась. По учебной части ГПИ приблизился к университетам, поскольку воспитанников в предварительный курс принимать перестали, институтский курс был ограничен четырьмя годами (младший и старший курсы). В 1854 г. в институте утвердилась четырехгодичная курсовая система (как в университетах). Первые два курса сохранили характер общего факультетского образования, последние же два курса носили характер специальных. При этом студентов, которые не были удостоены перевода с 1-го на 2-й или со 2-го на 3-й курс, положено было назначать уездными учителями; переведенных с 3-го на 4-й курс — младшими учителями гимназий. Только студентов, окончивших полный четырехлетний курс обучения, определяли старшими учителями гимназий [Краткое историческое..., 1859: 10–14].

При поступлении в ГПИ воспитанники давали подписку в том что по окончании учебного заведения они обязуются отслужить восемь лет по ведомству Министерства народного просвещения. Для поступающих это обстоятельство делало гораздо более привлекательным обучение в Санкт-Петербургском университете, нежели в ГПИ, поскольку срок обязательной службы для выпускников университета из казеннокоштных студентов составлял всего шесть лет.

Однако не все поступившие в ГПИ были способны к обучению. Уже в конце 1831 г. (т. е. после двух лет обучения первого набора в предварительном курсе) к увольнению из института были рекомендованы 14 воспитанников, которые, по мнению институтского начальства, не были достойны звания студентов. Этим воспитанникам было решено исключить из института и назначить учителями уездных училищ.

Были случаи, когда увольнение из института происходило из-за nepотpeбнoгo пoвeдeния тoгo или инoгo вoспитaнникa. Например, вoспитaнник Сoкoлoв, пo дoнeсeнию кoнфeрeнции инcтитута, был «зaмeчeн пocлeднee вpeмя двукpaтнo вoзвpaтившимcя дoмoй нe в трeзвoм видe», пoэтoму былo рeшeнo, чтo он «нe мoжeт дoлee oстaвaтьcя в зaвeдeнии кaк вpeдный пpимep для дpyгих мoлoдых лyдeй» [PГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 37. Л. 1]. Нeрaдивoгo вoспитaнникa былo рeшeнo oтпpaвить в Кaзaнский yчeбный oкpyг для зaнятия дoлжнoсти yчитeлa, a зa eгo пoвeдeниeм ycтaнoвить cтpoгий нaдзop. Пo дoнeсeнию пoпeчитeлa Кaзaнcкoгo yчeбнoгo oкpyгa министpy нaрoднoгo пpoсвeщeния в ceнтaбpe 1833 г., coвeт Кaзaнcкoгo yнивepcитeтa oпpeдeлил Сoкoлoвa в пepвoe гopoдcкoe пpихoдcкoe yчилищe Кaзaни, a дирeктopy yчилищ Кaзaнcкoй гyбepнии пpeдписaл нaблюдeниe зa пoвeдeниeм этoгo вoспитaнникa [PГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 37. Л. 8]. Зaмeтим, чтo caмo пo ceбe нaзнaчeниe в пpихoдcкoe (т. e. нaчaльнoe) yчилищe нocилo xapaктep нaкaзaния, пoкoлькy нe oкoнчивших ГПИ вoспитaнникoв oбычнo oпpeдeляли в yeздныe yчилищa. Пpeдcтaвляeтcя, чтo этo нaкaзaниe былo вpeмeнным, c вoзмoжнoстью впocлeдcтвии зaнять мecтo yчитeлa yeзднoгo yчилищa. Зaмeтим, чтo Сoкoлoвy пoвeзлo: eмy нaшли дoлжнoсть в пpихoдcкoм yчилищe в бoльшoм гyбepнcкoм гopoдe, a нe oтпpaвили в мaлoнaceлeнный yeздный гopoд.

Вoспитaнникoв мoгли yвoлить из инcтитута пo их жe пpoсьбe. В 1836 г. вoспитaнник cpeднeгo oтдeлeния инcтитута Свирeлин в пpoшeнии нa имя дирeктopa ГПИ oбъяcнял, чтo в из трeх лeт пpeбывaния eгo в Пeтepбyргe, двa пocлeдниe гoдa oн был oдepжим гpyднoй бoлeзью c кaшлeм (тyбepкyлeзoм. — С. К., Т. Ж.), oт кoтopoй нe мoг вылeчитьcя. Для вocтaнoвлeния здopoвья вoспитaнникy былo peкoмeндoвaнo (в тoм числe инcтитyтcким фeльдшepoм) пepeмeнить мecтo пpeбывaния. Дирeктop ГПИ испpocил y мМиниcтepcтвa coглacия нa oтпpaвкy Свирeлинa дoмoй для выздopoвлeния. Пocлe этoгo вoспитaнникa былo рeшeнo oтпpaвить в oднo из yчeбных зaвeдeний югa Poccии, гдe блaгoпpиятнee климaт [PГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 69. Л. 1]. Oднaкo министp С. С. Увapoв paспopядилcя oтпpaвить вoспитaнникa, ypoжeнцa Влaдимирcкoй гyбepнии, дoмoй, a пocлe этoгo в Киeвcкий yчeбный oкpyг для зaнятия дoлжнoсти yчитeлa yeзднoгo yчилищa [PГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 69. Л. 2].

Oднaкo дaжe дo poднoй Влaдимирcкoй гyбepнии Свирeлин тaк и нe дoeхaл. Oт coпpoвoждaвших eгo cтyдeнтoв Пeвницкoгo и Смирнoвa 15 фeвpaля 1836 г. былo пoлyчeнo дoнeсeниe, чтo пpи вьeздe в Нoвгopoдcкyю гyбepнию в гopoдe Кpeстцы Свирeлин cкoнчaлcя. Тaм oн и был пoxopoнeн [PГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 69. Л. 8].

Нecкoлькo paз ГПИ выпoлнял «гocyдapcтвeнный зaкaз» нa пoдгoтoвкy тoй или инoй гpyппы мoлoдых лyдeй. Пpи инcтитyтe фopмиpoвaлись cпeциaльныe кypcы c цeлью пoдгoтoвки вoспитaнникoв либo из oпpeдeлeннoгo гeoгpaфичecкoгo peгиoнa, либo из oпpeдeлeннoгo yчeбнoгo зaвeдeния. Внyтpи ГПИ были oбpaзoвaны cлeдyющиe «кypcы» (или oтдeлeния) [Кpaткoe иcтopичecкoe..., 1859: 14–15]:

1. Дepптcкий — oбpaзoвaн в 1840 г. cпeциaльнo для вoспитaнникoв Дepпcкoй нaчaльнoй yчитeльcкoй ceминapии c цeлью ycoвepшeнcтвoвaния их в pyccкoм языкe и пpигoтoвлeния для eгo пpeпoдaвaния в yeздных yчилищax Дepпcкoгo yчeбнoгo oкpyгa. Числeннoсть дaнных вoспитaнникoв кoлeбaлacя в инcтитyтe oт 3 дo 4 чeлoвeк.

2. Кавказский — учрежден в 1849 году с целью приготовления кавказских воспитанников к педагогической службе по Кавказскому учебному округу.

3. Варшавский — создан в 1851 г. для приготовления пансионеров Царства Польского в преподаватели русского языка и истории по Варшавскому учебному округу.

4. Санкт-Петербургский — образован в 1850 г. Поводом для его создания послужило постановление Министерства народного просвещения от 26 января 1850 г., которое гласило, что прием в Педагогический институт при Петербургском университете прекращался, а сумма, определенная на содержание воспитанников этого института, передавалась в Главный педагогический институт, куда отныне и должны были определяться воспитанники. Единственное отличие в положении студентов этого отделения от остальных студентов ГПИ состояло в том, что после его окончания они поступали на службу в какое-либо учебное заведение Санкт-Петербургского учебного округа [Сборник постановлений..., 1876: 1134–1135].

В феврале 1848 г. министр народного просвещения С. С. Уваров испрашивал у императора соизволения употреблять воспитанников ГПИ на службу по военно-учебным заведениям. Император оставил резолюцию: «Согласен, пора подумать, нельзя ли ими заменить домашних наставников французов, швейцарцев и немцев, до которых я больно не охотник» [РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 196. Л. 2]. Подобный отзыв императора можно объяснить нарастающим недоверием к представителям европейских государств как к возможному источнику заражения российской молодежи вредными идеями, учитывая начавшуюся в 1848 г. волну европейских революций.

На вопрос о том, может ли институт готовить домашних наставников, директор ГПИ отвечал, ссылаясь на совещание в конференции института: «От полного систематического приготовления домашних наставников ожидать можно благотворной пользы для родителей, живущих в отдалении от столицы и тех городов, в которых находятся университеты и гимназии. Домашние наставники будут в состоянии готовить юношей к поступлению в гимназии и университеты по лучшим методам и руководствам, принятым в казенных учебных заведениях» [РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 196. Л. 7, 7 об.]. Таким образом, в 1848 г. в институте было образовано специальное отделение с полным курсом обучения, которое приготавливало домашних наставников (около 20 человек).

Не все студенты горели желанием служить после окончания ГПИ восемь лет в одном из учебных заведений Министерства народного просвещения. И тогда в дело включались разнообразные связи и знакомства (если они, конечно, имелись). Известный литературный критик Н. А. Добролюбов, будучи еще студентом ГПИ, стал сотрудником журнала «Воспитание» и обратился к издателю данного журнала А. А. Чумикову с просьбой поспособствовать оставлению его после окончания обучения в Петербурге. Вот как сам А. А. Чумиков излагает этот эпизод: «Когда Добролюбов сообщил мне о предстоящей ему участи заглухнуть в каком-либо провинциальном городишке, то я обратился к попечителю уч[ебного] округа. кн. Г. А. Щербатову, покровительствовавшего моему изданию, с просьбой, не может ли он, если не имеется вакансии в Спб. гимназиях, хотя прикомандировать к одной из них Добролюбова, так как иначе я потерял бы в нем очень полезного сотрудника» [Чумиков, 1894: 428]. При этом А. А. Чумиков отмечает, что, несмотря на то, что

ГПИ не был подведомственен попечителю учебного округа, Г. А. Щербатов обещал похлопотать. Н. А. Добролюбов в конечном итоге был оставлен после окончания ГПИ в Петербурге, хотя не известно, помог ему Г. А. Щербатов или какие-либо другие лица. В «Кратком историческом обозрении...» истории ГПИ содержится информация, что Добролюбов после окончания института был определен в Санкт-Петербург «домашним наставником» [Краткое историческое..., 1859: 48]. Этот случай, когда студенту готов был помочь попечитель учебного округа представляется неординарным. Едва ли у других выпускников ГПИ была возможность прибегнуть к влиятельным покровителям.

Студенты ГПИ, в соответствии с его уставом, занимали также места преподавателей и в высших учебных заведениях страны. По тем или иным причинам не отправленные за границу, но способнейшие студенты отправлялись на вакантные должности в университеты или оставались в ГПИ, где осуществлялась их подготовка к испытанию на высшие ученые степени. Небольшая часть выпускников ГПИ назначалась на должности комнатных надзирателей или инспекторов учебных заведений.

Из 682 питомцев, окончивших ГПИ за годы его существования, 43 поступили в высшие учебные заведения, 377 — в средние, 262 — в низшие [Краткое историческое..., 1859: 17]. География распределения их была довольно обширна: питомцы ГПИ отправлялись на учительскую службу в том числе в Архангельскую, Олонецкую и Вологодскую губернии; 11 выпускников пополнили преподавательский состав трех губернских гимназий данных губерний [Калинина, 2017: 582].

Заметим, что лишь 52 % питомцев института окончили его полный курс, остальные же исключались из ГПИ до окончания полного курса, поскольку не набрали нужного количества баллов для продолжения обучения. Это говорит о том, что уже на этапе обучения отсеивалась менее способная к усвоению наук и, следовательно, менее пригодная к педагогической службе часть студентов и воспитанников. Можно говорить также и о складывании иерархии должностей, на которые мог претендовать питомец ГПИ в зависимости от того, в течение какого времени он учился в институте и насколько упорно: учитель приходского/уездного училища — младший учитель гимназии — старший учитель гимназии — преподаватель высшего учебного заведения.

Список сокращений

ГПИ — Главный педагогический институт.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Список источников

- РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 1.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 37.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 38.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 69.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 110.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 148.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 196.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 219.

Один из птенцов Института. Из воспоминаний о Главном педагогическом институте // Русская школа. СПб., 1904. № 10–11. С. 55–73.

Описание Главного педагогического института в нынешнем его состоянии (из отчета за 1847-й год). СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1848. 56 с.

Романович-Славатинский А. В. Жизнь и деятельность Н. Д. Иванишева, ректора университета св. Владимира и вице-председателя Киевской археографической комиссии // Древняя и новая Россия. СПб., 1876. № 1. С. 19–44.

Чумиков А. А. По поводу статьи «Н. А. Добролюбов» // Новое слово. 1894. № 2. С. 428.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875а.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отделение 1-е. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875б.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отделение 2-е. СПб., 1876.

Список литературы

Булгакова Л. А. Главный педагогический институт в 1828–1859 // Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена. 30-е Герценовские чтения. Научные доклады. Исторические науки. Л., 1977. С. 38–43.

Жуковская Т. Н., Казакова К. С. *Anima universitatis*: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2018. 576 с.

Жуковская Т. Н. Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): специфика отражения университетской повседневности // Биографии университетских архивов / под ред. Е. А. Вишленковой, К. А. Ильиной, В. С. Парсамова. М.: НИУ ВШЭ, 2017. С. 114–164.

Иванов А. Е. Главный педагогический институт. 1828–1859 гг.: из истории подготовки российской профессуры // Вестник истории, литературы, искусства. 2014. Т. 9. С. 32–46

Калинина Е. А. Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2017. 736 с.

К. М. К. Д. Краевич (некролог) // Русская школа. 1892. № 2. С. 112–117.

Краткое историческое обозрение действий Главного педагогического института 1828–1859 г., составленное в июне 1859 года. СПб., 1859.

Курылев С. А. Студенты Главного педагогического института (1828–1859 гг.), отправленные за границу, и их дальнейшая деятельность // Россия и мир в новое и новейшее время — из прошлого в будущее: материалы XXV юбилейной ежегод. междунар. науч. конф.: в 4 т. СПб., 2019. Т. 3. С. 331–334.

Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / пер. с англ. А. Ю. Полунова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.

Сведения об авторах

Курылев Сергей Александрович

студент Института истории

Санкт-Петербургского государственного университета

Жуковская Татьяна Николаевна

кандидат исторических наук, доцент

кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Института истории

Санкт-Петербургского государственного университета

Kuryliov Sergey A.

student of the Institute of History of Saint-Petersburg State University

Zhukovskaya Tatyana N.

PhD (History), Associate Professor

of the Institute of History of Saint-Petersburg State University

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.143-156

УДК 398.21/398.22+398.21:59

Е. А. Калинина

ПРАВОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОСПИТАННИКОВ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ДОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ (НА ПРИМЕРЕ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ)

Аннотация

В статье на основе законодательных документов, архивных источников, опубликованных документов, материалов периодической печати рассматриваются особенности правового и социального положения учащихся духовно-учебных заведений Олонецкой епархии в дореформенное время. К исследованию привлечены воспоминания учащихся, помещенные в центральной и региональной периодической печати и мемуаристике второй половины XIX — начала XX вв. Автор анализирует основные тенденции в изменении социального и культурного облика учащихся школ разных уровней, рассматривает повседневную жизнь воспитанников, показывая положительные и негативные стороны ее организации. В научный оборот вводятся ранее не опубликованные источники.

Ключевые слова:

духовное образование, духовная семинария, духовное училище, семинаристы, бурса, история повседневности.

Elena A. Kalinina

LEGAL AND SOCIAL STATUS OF PUPILS OF SPIRITUAL AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE PRE-REFORM TIME (ON THE EXAMPLE OF THE OLONETS DIOCESE)

Abstract

In the article, the features of the legal and social status of students of spiritual and educational institutions of the Olonets diocese in the pre-reform time are considered on the basis of legislative documents, archival sources, published documents, periodical materials. The study also attracted the memories of students placed in the central and regional periodicals and memoirs of the second half of the XIX — early XX centuries.

The author analyzes the main trends in changing the social and cultural portrait of schoolchildren at different levels, examines the daily life of students, showing positive and negative aspects of its organization. Previously unpublished sources are introduced into scientific circulation.

Keywords:

theological education, theological seminary, religious school, seminarians, bursa, history of everyday life.

Правовое положение учащихся духовных школ

Правовое положение воспитанников российских духовно-учебных заведений в первой половине XIX в. закреплялось уставами духовных семинарий и духовных училищ 1814 г., которые уделяли особое внимание нравственному управлению, конкретизировали способы воспитательного воздействия, а также внутренний распорядок их жизни. Духовные школы были не только учебными, но и воспитательными заведениями. При этом воспитательная задача духовных училищ была всегда более важной и состояла в утверждении и распространении истинного благочестия и воспитания просвещенных служителей слова Божьего. Распорядок дня в духовно-учебных заведениях, установленный законодательными актами начала XIX в., был направлен на умственное и нравственное развитие личности. Однако он не учитывал возрастных и психологических особенностей учащихся. Строгий контроль и жесткая регламентация как в школе, так и за пределами стен учебных заведений, полное повиновение старшим, училищному начальству, а также формирование системы запретов — вот основные характеристики положения воспитанников духовных семинарий и училищ. Изучение истории российской духовной школы невозможно без обращения к теме о положении учащихся как неотъемлемых элементах школьной системы.

В последнее время исследователи обращаются к освещению проблем повседневной жизни учащихся духовно-учебных заведений [Авдеева, 2104; Леонтьева, 2001; Заварзина, 2008; Сушко, 2010]. Однако в работах по истории духовного православного образования историками уделяется больше внимания сюжетам второй половины XIX — начала XX вв. Современными историками практики повседневности духовных школ в дореформенное время чаще всего рассматриваются фрагментарно, в контексте общих итогов по развитию образования в изучаемый период.

Уставы духовных семинарий и духовных училищ 1814 г. определяли правовую основу деятельности духовных школ. Главной задачей воспитательной работы составляли внушение страха Божьего, повиновение, «доброе употребление времени» и непрерывная деятельность. Страх Божий, указывалось в уставах, «должен быть вверяем не словами только, коих частое повторение делается бесплодным, но наипаче утверждением и распространением между юношами здравых понятий о непрерывности отношений наших к Богу и о действиях промысла его на все мгновения жизни; понятия сии должны наипаче быть укрепляемы примером и богобоязненностью наставников и смотрителей» [Устав Духовных приходских училищ, 1830; Устав Духовных семинарий, 1830; Устав Духовных уездных училищ, 1830]. Особое внимание уделялось воспитанию благочестия, чтению молитв, уклонение от которых считалось «худшим злом», чем пропуски уроков.

Повиновение являлось лучшим средством для укрепления основ христианской нравственности. В ревизорских отчетах особая глава посвящалась «Нравственной части», где проверяющие отмечали все положительные и негативные стороны воспитательной работы, делая акцент на покорности и благочестии. Так, в отчете о ревизии Олонецкой духовной семинарии иеромонаха Макария в 1844 г. в данном разделе отмечалось: «Поведение воспитанников хорошее и даже в отличном состоянии духовное повиновение начальствам, скромности, взаимной любви и благочестии» [ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2037. Л. 16].

Согласно школьным уставам, каждый день учащихся был расписан по часам («доброе распределение времени»): в установленное время они читали молитвы, ходили на уроки, посещали церковь, питались и отдыхали. Так изо дня в день протекала монотонная ученическая жизнь, некоторые разнообразия позволялись в праздничные дни. В свободное время учащиеся читали книги, разрешенные начальством, пели духовные песни. В нравственном отношении духовного юношества ученическая праздность считалась главным пороком, поэтому училищные власти старались занять каждую свободную минуту воспитанников каким-либо делом.

Все ученики регулярно посещали церковь и принимали участие в богослужениях. Здесь следует отметить, что в дореформенное время во многих зданиях духовных школ церкви отсутствовали, поэтому службы совершались в кафедральных соборах, находящихся в центре города. Многие же учащиеся проживали в квартирах на городских окраинах и тратили значительное время на дорогу к храму. Службы производились не только в послеурочное время до позднего вечера, но и рано утром. По сообщениям ректоров семинарий, воспитанники на утренние литургии приходили в церковь к 4 часам утра. Такой распорядок усложнял жизнь 12–14-летних подростков. Часть из них, несмотря на отдаленность квартир, исправно приходили в церковь и «охотно занимались на клиросе чтением и пением церковным, заблаговременно привыкали к труду и бдению каких требует от них пастырская служба в сельских приходах. В церкви стояли до самого окончания богослужения чинно и благоговейно» [РГИА. Ф. 802. Оп. 6. Д. 15987. Л. 1 об.], другие — опаздывали, пропускали службы, за что сурово наказывались училищным начальством.

Замкнутость духовного сословия

Оценивая значимость воспитательной работы в духовных школах, следует особо подчеркнуть сословную замкнутость российского духовенства: доступ к поступлению в духовную школу для других слоев общества был ограничен. Дети священнослужителей с 6–8-летнего возраста должны были обучаться только в Духовном училищном ведомстве. С 1809 г. прохождение низшей школы стало обязательным для всех сыновей клириков. Таким образом, все дети духовенства поставлены были «в положение некоторого рода духовных кантонистов, обязанных духовной службой, и должны были с детства обязательно приготавливаться к занятию духовных должностей» [Знаменский, 1878: 29]. Тем не менее многие учащиеся духовно-учебных заведений стремились окончить учение раньше срока, уйти из школы и перейти на гражданскую службу. Духовное ведомство ограничивало этот переход, сохраняя кастовость духовного сословия.

Процедура увольнения учащихся из духовного училища (даже по собственному желанию) затягивалась на несколько лет. Ученические заявления подавались на имя смотрителей духовных училищ или ректора семинарии, далее их рассматривали: на заседаниях училищного и семинарского правлений — епархиальными архиереями в епархии — в правлении Духовной академии — Комиссией духовных училищ — Святейшим синодом. В этот список учреждений добавлялась еще и губернская врачебная управа, которая давала заключение о действительной болезни учащихся в случае указанной в заявлении причины увольнения «по болезненным припадкам». И чаще всего прошения учащихся не получали положительного решения Синода. В Национальном архиве Республики Карелия сохранились заявления учащихся олонечких духовных училищ об увольнении по собственному желанию в адрес смотрителей духовных училищ в 1809–1811 гг. [НА РК. Ф. 25. Оп. 18. Д. 4/69. Л. 1–5]. Однако на все эти заявления правление Новгородской семинарии ответило отказом и направило в духовные приходские училища распоряжение о возможности исключения «порочных учеников» только с утверждения епархиального архиерея [НА РК. Ф. 25. Оп. 18. Д. 4/69. Л. 1, 2]. В качестве мер прекращения практики увольнения из духовных школ Комиссия духовных училищ в 1815 г. запретила определять к служительским должностям исключенных из семинарии учащихся до окончания учебного года [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 1498. Л. 1–5].

Таким образом, до введения нового Устава 1867 г. каждый воспитанник духовной школы, желавший покинуть духовное сословие, должен был получить разрешение не только от училищной, но от высшей духовной власти.

Единственный более свободный выход из духовного звания открывался тем духовным воспитанникам, которые поступали с разрешения начальства в светские учебные заведения. Например, воспитанников семинарий посылали в Петербургскую и Московскую медико-хирургические академии или в Педагогический институт в Санкт-Петербурге.

Путь семинаристов «в учителя» шел по двум направлениям. Первый путь: духовная семинария — университет — школа. По «Уставу Духовных семинарий» (1814) лучшим семинаристам присваивался первый разряд: они получали звание «студент» и могли продолжить свое образование в духовных академиях или стать священниками церкви второго разряда, преподавателями в епархиальных духовных училищах, а также получали право поступления в университет [Устав Духовных семинарий, 1830: 958]. Многие выходцы из духовного сословия после окончания семинарий обучались в университете, а затем работали в губернских гимназиях подведомственного учебного округа. Например, в первой трети XIX в. в светских школах Олонецкой губернии работали воспитанники духовных семинарий: Тверской — П. А. Лопатинский, М. А. Копосов, И. Ф. Яконовский; Ярославской — А. М. Протопопов; Владимирской — И. Д. Егорьевский; Костромской — М. Д. Беликов; Калужской — Г. И. Милованов и др.

Второй путь: духовная семинария — школа. Одной из особенностей семинарий начала XIX в. являлась подготовка своих воспитанников к учительским должностям для светских училищ. Еще в 1808 г. в законодательном акте «О усовершенствовании Духовных училищ; о начертании правил об образовании сих училищ и о составлении капитала на содержание духовенства» предусматривалась подготовка в духовных учебных заведениях педагогов для светских школ [О усовершенствовании Духовных училищ..., 1830: 368–393].

Так духовные училища и семинарии стали основной базой подготовки будущих учителей для начальных учебных заведений в российской провинции.

Семинаристы, окончившие полный курс учения в семинариях и имеющие аттестаты «в совершенном знании русского языка, по правилам грамматики, риторики и других науках», предпочитали начать государственную службу, в том числе учительскую карьеру [Об определении в статскую службу..., 1830: 702–703]. По причине продолжающегося отсутствия педагогических кадров в светских школах в 1815 г. было разрешено принимать в государственную службу, в том числе и в учебное ведомство, семинаристов, не закончивших обучения [О не изъятии из общих правил..., 1864: 763–766]. Это было связано со стремлением молодых представителей духовного сословия к получению чинов, которое было невозможно на церковной службе [Жуковская, Калинина, 2011, 2014; Жуковская, Казакова, 2018].

Таким образом, выход из духовного звания был чрезвычайно затруднен. Для удержания детей духовенства в Духовном ведомстве в некоторых семинариях с выпускников брали подписку о немедленном поступлении в священники. Как отметил Б. В. Титлинов, «при таких стеснениях выхода в светскую службу, количество увольняемых из Духовного ведомства в гражданское было весьма незначительно <...>. Ученики семинарии, желая выйти в гражданскую службу, старались быть исключенными из семинарии за плохое поведение, так как таковых легче отпускали из Духовного ведомства» [Титлинов, 1908: 253–254].

Социальный статус воспитанников

Процесс обучения детей священнослужителей (духовное приходское училище — духовное уездное училище — духовная семинария) продолжался до 12–13 лет. При этом для многих учащихся семинарская ступень обучения становилась завершающей. Немногие учащиеся, даже успешные семинаристы, имели возможность поступить в духовную академию. У одних не было финансовых средств, у других для обучения в высшей школе не было способностей, третьи стремились поступить на службу в церковные приходы и начать самостоятельную жизнь.

Приходские и уездные духовные училища получили название «бурса», соответственно их учеников называли «бурсаками». Воспитанники семинарии (семинаристы) во время обучения также имели свои наименования в соответствии преподавания главных предметов в учебном курсе семинарии. Учеников низшего отделения, где основными предметами являлись словесность и риторика, называли риторами, среднего, где больше учебного времени уделялось философии, — философами, а воспитанников высшего отделения — богословами. В народе учащихся всех духовно-учебных заведений чаще всего звали семинаристами.

Учащиеся семинарий по степени успеваемости подразделялись на три разряда в зависимости от успеваемости и поведения. Лучшие семинаристы — перворазрядники — могли продолжить свое образование в высших учебных заведениях, после рукоположения стать священниками или занять учительские должности в низших духовно-учебных заведениях.

Семинаристы второго разряда имели право поступить в медико-хирургическую академию, быть священниками в церквях третьего разряда, преподавателями приходских духовных училищ.

Те, кому присваивался третий разряд, поступали на службу священниками или дьяконами в церковь четвертого разряда. Они могли рассчитывать лишь на удаленные приходы или псаломщические места.

Выпускники второго и третьего разрядов в дальнейшем могли пройти переэкзаменовку и повысить свой статус.

Выпускники уездных училищ получали свидетельства, которые давали им право поступить в семинарию. «Безуспешные» дети со свидетельствами могли рассчитывать лишь на определение в дьяконы, без свидетельств же — в пономари и другие низшие церковные должности. Неудачники оставались на повторное обучение или отчислялись на службу в епархиальное ведомство.

Свидетельство об окончании приходских училищ давало «успешным» выпускникам право поступить в уездное духовное училище, «безуспешным» — на должности дьячков и пономарей. Отсутствие свидетельств лишало детей возможности находиться в духовном ведомстве. В духовные училища и на церковные должности они не допускались. Несомненно, такие условия повлияли на повышение степени образования среди духовенства. Отметим, что при характеристике ученика в первую очередь обращалось внимание на его благонравие, а затем на успеваемость.

Все учащиеся духовно-учебных заведений должны были проживать в специально устроенных общежитиях, где жизнь духовного юношества находилась под контролем училищного начальства. Однако многие олонечские духовно-учебные заведения в дореформенное время отдельных общежитий не имели и расселяли своих воспитанников по наемным квартирам. В плату за жилье входило питание, которое должны были обеспечивать хозяева. Квартиры губернского и уездных городов Олонечского края не представляли особенного разнообразия. Помещения предлагали прежде всего люди своего же круга: вдовы духовных, дьячки и причетники церквей, обслуживающий персонал духовных школ, то есть люди очень скромного достатка, которые, естественно, не могли создать ученикам необходимые условия для учебы и отдыха. Нередко они за определенную мзду заключали соглашение с инспектором или смотрителем, чтобы те «рекомендовали» подопечным и их родителям снимать именно эти, а не другие квартиры. Чаще всего съемные квартиры находились далеко от учебных заведений, и ученикам приходилось каждый день добираться на места учебы, несмотря на плохую погоду и бездорожье. Иногда проблемными были сдававшие жилье хозяева: они плохо кормили квартировавшихся учащихся или вели аморальный образ жизни, оказывая плохое влияние на постояльцев. Так, мальчики восьми-девяти лет попадали в неблагоприятные условия жизни.

В 1811 г. ревизор А. Минюшский отметил несоответствие квартир учащихся олонечских духовных училищ статьям уставов. «Малая только часть учеников живут по 5, а прочие по двое и поодиночке, — писал в отчете А. Минюшский. — Причиной тому, что достаточные граждане квартир в наем не отдают, а у бедных лишних комнат нет» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 501. Л. 115 об.].

В Олонецкой семинарии с 1829 до 1872 гг. не имелось собственного общежития, в связи с этим учащиеся проживали в наемных квартирах. Родители в большинстве случаев искали квартиры подешевле. На одной квартире одновременно проживало обычно несколько учащихся. Судя по отчету ревизора Платона (Городецкого) за 1833 г., в некоторых квартирах находилось от 14 до 39 человек. В такой обстановке жить, готовиться к урокам, соблюдать порядок, чистоту и дисциплину было затруднительно. «Переходя из теплых квартир в семинарский дом в зимнее время многие (воспитанники. — *Е. К.*) болели простудными болезнями, — отметил ревизор [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322. Л. 12 об.].

На серьезные трудности проживания олонецких семинаристов указывал и преосвященный Порфирий (Пашута) в своем рапорте в Святейший синод в мае 1853 г. Он, в частности, писал, что воспитанники семинарии проживают по несколько человек с платой 4–6 рублей серебром в месяц по квартирам, которые большей частью отдалены от семинарии, имеют «множество неудобств и невыгодны для благосостояния здоровья воспитанников <...>. В домах комнаты тесные, хозяева стараются поместить как можно большее количество пансионеров <...> с неопрятной прислугой из женского пола <...>. Со стороны содержателей наблюдались жалобы по поведению учащихся» [РГИА. Ф. 802. Оп. 4. Д. 5953. Л. 28–28 об.]. Несмотря на все рапорты преосвященных, отчеты ревизоров, призывы семинарского правления, общежитие для воспитанников Олонецкой семинарии так и не появилось на протяжении более 40 лет.

Учащиеся духовных школ разделялись на казеннокоштных, находящихся на полном государственном обеспечении, и своекоштных — на собственном содержании.

Родители своекоштных воспитанников сами оплачивали их содержание. Следует заметить, что расходы на содержание детей, прибывших с окраин епархии, были значительно больше. Приезжающим на учебу в губернский или уездный город приходилось дополнительно оплачивать питание, проживание, проезд к месту учебы и обратно на каникулы.

Фамилии претендентов на льготное обучение утверждались на заседаниях правлений, а затем еще лично ректорами или смотрителями духовных школ и епархиальными преосвященными. Привилегии получали дети-сироты, дети бедных родителей и из многодетных семей, отличающиеся успехами в учебе и хорошим поведением.

Сумма, выделяемая Синодом на обучение и содержание семинаристов, была рассчитана на определенное количество обучающихся, самостоятельно увеличить сумму расходов на содержание учащихся было нельзя. Епархиальные начальства постоянно обращались в Святейший синод с просьбами о прибавке к окладам воспитанников духовных школ, но чаще всего получали отказы. Как правило, при сохранении бюджетной суммы семинарские правления превышали установленную штатным расписанием численность казеннокоштных воспитанников. Данная мера сокращала ежегодный расход на одного ученика. Многие правления вводили целую систему казенной оплаты по содержанию воспитанников: полную («полные бурсаки») или частичную (половину или четверть) оплату обучения («полубурсаки»). Однако и эта система оплаты не могла удовлетворить все родительские просьбы и ходатайства на установление льготной оплаты. Особенную трудность испытывали многодетные семьи.

Родители, имеющие по 2–3 сыновей-воспитанников духовных школ, постоянно обращались с многочисленными просьбами в училищные правления об определении их на казенный счет. Бедность приходского духовенства не позволяла оплачивать питание, проживание, одежду своих детей.

«Назначая казенные оклады на семинаристов, Комитет по усовершенствованию духовных училищ не назначил никаких сумм в помощь бедным воспитанникам низших училищ, — писал Б. В. Титлинов. — Комитет предполагал, что средством для призрения последних будут добровольные пожертвования монастырей, приглашенных прийти на помощь нуждам духовной школы <...>. Однако надежды на добровольные пожертвования были преувеличены» [Титлинов, 1908: 338]. Таким образом, суммы на содержание учащихся духовных училищ определяли духовные семинарии из своих бюджетов. Выделяя часть своих средств на содержание «бурсы», семинарские правления значительно уменьшали оклады семинаристов.

Многие воспитанники духовных школ в дореформенное время владели жалкое существование, а при отсутствии денег не могли уехать домой на каникулы. Чтобы «выжить» в таких трудных условиях многие из них собирали милостыню, убегали в дома родителей или родственников, подрабатывали на «черных» работах. «Стыдно смотреть, как бедные ученики ходят по городу для снискания дневного пропитания», — отмечал в своем отчете по осмотру олонекских духовных училищ ревизор священник из Петербурга А. Минюшский в 1811 г. [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 501. Л. 257–257 об.].

По итогам ревизий духовно-учебных заведений в 1811 г. выяснилось, что в столичном округе насчитывалось 403 остро нуждающихся ученика, живущих впроголодь и просящих милостыню: в Новгородской епархии — 89 человек, в число которых входили и учащиеся олонекских духовных училищ, в Псковской — 82, Санкт-Петербургской — 63, Тверской — 150, Могилевской — 19. Митрополит Петербургский и Новгородский Амвросий (Подобедов) написал рапорт в Комиссию духовных училищ, где просил об учреждении дополнительного пособия этим бедным ученикам. Просьбу преосвященного одобрили: с 1812 г. на содержание воспитанников суммы увеличили в Новгородской епархии на 5 000 руб., в Санкт-Петербургской и Псковской — на 4000 руб., в Тверской — на 8000 руб., в Могилевской — на 1500 руб. В итоге по Санкт-Петербургской епархии было принято решение увеличить суммы содержания полного казеннокоштного ученика до 70 руб., полуказеннокоштного — до 40 руб. В других епархиях Петербургского учебного округа — от 60 руб. и до 30 руб. [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 575. Л. 24–24 об.]. В 1820-е гг. Комиссия духовных училищ повысила оклады, назначив в епархиях первого разряда бурсачного содержания до 120 руб. и полубурсачного — до 60 руб.

Судя по сохранившимся архивным источникам, в дореформенное время, численность своекоштных учеников и «полубурсаков» в духовных училищах Петрозаводска превышала количество детей, содержавшихся за полный государственный счет (см. табл.).

Способы содержания учащихся в духовных училищах Петрозаводска
в 1811, 1844, 1851 и 1852 гг.

Тип обеспечения	1811 г. количество/%	1844 г. количество /%	1851 г. количество/%	1852 г. количество /%
Петрозаводское уездное духовное училище				
Бурсачное	<i>Нет</i>	40/56	19/27	11/17
Полубурсачное	6/28	9/13	21/30	23/34
На отцовском содержании	15/72	23/31	31/43	33/49
Всего учеников	21	72	71	67
Петрозаводское приходское духовное училище				
Бурсачное	<i>Нет</i>	15/32	Нет	4/8
Полубурсачное	1/3	9/19	19/43	19/34
На отцовском содержании	32/97	23/49	26/57	32/58
Всего учеников	33	47	45	55

Примечание. Таблица составлена на основе источников: РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 575. Л. 1 об; ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2037. Л. 20; НА РК. Ф. 433. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–19.

Как видно из данных таблицы, составленной по годичным ведомостям об учениках петрозаводских уездного и приходского духовных училищ за указанные годы, в 1811 г. в училищах на полном казенном содержании не было ни одного учащегося. «На окладах полубурсачных помещены совершенно бедно, кои из них вспоможением терпят крайнюю нужду по дороговизне от неурожаев в прошлом году», — писал в своем отчете о ревизии олонецких училищ в 1811 г. А. Минюшский [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 501. Л. 116 об.]. Многие воспитанники переводились на монастырское содержание в Свирское училище, но и там достатка в питании не было.

В 1840–1850-е гг. в Петрозаводском духовном уездном училище численность полных бурсаков постепенно сокращалась: если в 1844 г. в уездном училище обучалось 40 человек (56 %) казеннокоштных, то в 1852 г. их численность уменьшилась до 11 (17 %). При этом увеличилось количество тех воспитанников, кто находился на полубурсачном содержании с 9 (13 %) до 23 (34 %) человек. На протяжении всего дореформенного периода сохраняется стабильно высокая численность учащихся, находящихся на «отцовском содержании» от 49 до 72 % — в уездном училище и от 49 до 97 % — в приходском. Таким образом, большинство родителей вынуждены были полностью или частично оплачивать обучение своих детей в духовных училищах. Важно отметить, что в приходском духовном училище в сентябре 1851 г. не было ни одного человека на полном государственном обеспечении, а в сентябре 1852 г. в нем было выделено средств на содержание только на четырех казеннокоштных учащихся.

В «Отчете о бурсачной сумме Каргопольского духовного училища за 1858 г.» также содержатся данные о содержании учащихся. В этом году из сумм Олонецкой духовной семинарии на содержание учащихся поступило 1097 руб. 27 коп., из них на 24 «бурсака» 499 руб. 60 коп. (по 20 руб. 21 коп на каждого),

на 40 «полубурсаков» — 491 руб. 63 коп. (по 12 руб. 30 коп. на каждого), на других 17 бедных учащихся — 106 руб. 58 коп. (по 6 руб. 27 коп. на каждого). Однако в ведомости у всех учащихся указаны разные суммы на их содержание. Например, «бурсаки» получили оплату от 19 до 26 руб., «полубурсаки» — от 10 до 17 руб., бедные ученики от 5 до 8 руб. Отметим, что из 61 ученика 18 получали «бурсачные» суммы только в течение половины учебного года [ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2537. Л. 2 об. 5].

В таком же «Отчете правления Олонецкой семинарии о бурсачных суммах за 1858 г.» из сумм семинарии на содержание учащихся в Петрозаводское духовное училище поступило — 2578 руб. 50 $\frac{1}{2}$ коп., в Свирское духовное училище — 583 руб. 44 коп. [ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2541. Л. 26–27]. Здесь следует отметить, что в 1844 г. в Олонецкой духовной семинарии из обучавшихся 121 ученика все получали содержание: 48 детей являлись казеннокоштными воспитанниками, а остальные 73 полубурсаками [ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2037. Л. 20].

Таким образом, численность детей низших духовных школ, содержавшихся на полный казенный счет, была невелика. Увеличивая количество «полубурсачного» содержания, училищные правления старались помочь всем нуждающимся, однако число священнослужительских семей, тративших значительные средства на обучение своих детей, постоянно увеличивалось.

Учащиеся семинарий и духовных училищ между собой значительно различались в возрасте. В одном и том же классе обучались подростки от 9 до 18 и более лет. Причем некоторые воспитанники семинарий и уездных училищ уже брили бороду, имели семьи, а рядом с такими зрелыми парнями приходилось сидеть юным мальчикам. «Рекрута семинарской науки с воем провожали не одна мать, сестры, а даже жена с ребенком на руках», — отмечал в своих мемуарах профессор Санкт-Петербургской духовной академии Д. И. Ростиславлев [Ростиславлев, 1880: 15]. В это время во всех учебных заведениях (как духовных, так и светских) «второгодничество» являлось распространенным явлением, причем были и такие ученики, которые «просиживали» в одном классе несколько лет подряд. Такое «соседство» неизбежно влекло за собой определенные проблемы для подростков, которые заимствовали от старших грубость в обращении и дурные привычки. «Второгодники <...> даже исторически, в силу традиций, — господá, аристократия класса, — вспоминал один из учащихся духовного училища. — Новички все ежатся, трусят каждого шага, боятся каждого учителя, всякого учебника, а старичок с первого же урока «грубит» учителю, с первого же дня ходит петухом среди новичков, раздавая направо и налево колотушки и щелчки, тому за то, что попался на дороге и не сумел сообразить, что перед старичком надо посторониться, этому, что не сразу показал книгу, третьему, что мало отломил лепешки. Попав в училище в первый раз, ученик сразу же оказывался во власти второгодников и силачей» [Смирнов, 1906: 13].

Характерной особенностью дореформенных духовно-учебных заведений было наличие среди учащихся «приватных» учеников, уже окончивших курс обучения, но оставленных при семинарии до приискания им места. Такой порядок был введен в декабре 1829 г. Приватных воспитанников предполагалось занимать повторением богословского курса, чтением Священного Писания и проповедями. Иногда их назначали на должности лекторов, временных учителей, заменяющих заболевших или отсутствующих наставников. Например, И. Агафонов

и И. Сермягин окончили Олонецкую семинарию в 1835 г., а находились в ней до 1836 г. Иван Агафонов «слушал богословские уроки», а потом был назначен учителем в Свирское приходское духовное училище. Иван Сермягин после безвозмездного исправления учительской должности во II классе Петрозаводского приходского училища стал штатным преподавателем этого же училища. В 1843/1844 учебном году при семинарии находились три частных ученика. Такие обстоятельства затрудняли деятельность преподавателей, которые должны были преподавать одновременно окончившим и действительным ученикам.

Относительно внешнего вида учащихся учебно-духовных заведений необходимо сказать, что по Уставу духовных семинарий 1814 г. каждый казеннокоштный семинарист должен был получить набор казенной одежды в следующем составе: парадный казакин (для публичных диспутов, экзаменов, праздников) из синего сукна на синей крашенине на три года, халат тиковый на один год, камзол затрапезный, овчинная шуба на три года, кушак и шляпа на год, пара сапог новых, пара головок и две подметки на год, две пары чулок шерстяных и одна пара нитяных, две рубашки, двое портков, две косынки — на один год; для постели давался обшитый холстом войлок из коровьей шерсти и пестрядинное стеганое на пакле и подбитое холстом одеяло.

В действительности же данные требования не выполнялись, а Устав в этом отношении делал значительные уступки. В случае невозможности по дороговизне «изготовить все сие на штатную сумму, платье делается токмо тем ученикам, которые имеют высшую степень бедности», — говорилось в Примечании № 2 к Уставу. Ученики, принятые на казенное содержание, имеющие свою одежду, употребляли ее «доколе окажется нужда в казенном». Преимущество получения новых вещей имели питомцы, «отличные по благонравию и успехам», а нарушителям дисциплины и неуспевающим учащимся «могут быть выдаваемы поношенные, отобранные у окончивших курс учеников или по прошествии срока употребления оных, исправленных пошивкою» [Устав Духовных семинарий, 1830: 973–974].

Казенное обмундирование достаточно быстро приходило в негодность, в целях экономии его не выбрасывали и, как правило, донашивали до дыр, передавали из рук в руки «по наследству» младшим воспитанникам, постепенно превращаясь в лохмотья.

Здесь следует отметить, что Устав не оговаривал фасон школьной формы, а именно: количество пуговиц, дизайн рубашек, воротников и т. д., что влекло за собой разный пошив формы для казенно- и своекоштных учащихся. Особенной проблемой явились финансовые трудности в приобретении зимней одежды. Училищное начальство и родители старались всяческими способами удешевить покупку одежды для детей, отступая от положений Устава. Как отметил Платон (Городецкий) в ревизии Олонецкой семинарии в 1833 г., «фризовые шинели, которые семинарским правлением по нужде, отступая от штатного расписания одежды, для казеннокоштных учеников устроили им на зиму, не могут предохранить их от простуды в суровом климате Петрозаводска» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322. Л. 12 об.].

Многие своекоштные ученики духовных училищ приобрести на свои деньги такое количество необходимого белья не имели возможности. Они ходили в школу в своей одежде, чаще всего ветхой и старой. Ревизоры в своих отчетах сообщали о неопрятности внешнего вида учащихся олонецких духовных учебных

заведений. Так, во время ревизии 1833 г. было отмечено, что в олонечских училищах форменная одежда воспитанников «в материи цвета и покроем одежды почти весь не соблюдаем никакого однообразия. Нанковые сюртуки у немногих. Спальные приборы разнообразны, у некоторых безобразны» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322. Л. 15 об.].

Недостаточное финансирование духовно-учебных заведений не давало также возможности обеспечить питомцев необходимыми спальными принадлежностями. В 1855 г. по этому поводу ректор Феофан (Говоров) писал архиепископу Аркадию: «Белье, простыни и наволочки — все из довольно грубого полотна, одеяла строятся из сукна — и наличные старые и на вид очень скудны. Хотелось бы белье, простыни и наволочки построить из лучшего холста — по крайней мере это необходимо для наволочек, кои это во всех училищах — или хотя из того же сукна, но построить новые» [Переписка..., 1894: 71].

Подобные проблемы были повсеместны. Например, в Пермской духовной семинарии многие из своекоштных и полукоштных учеников носили одежду «весьма разнообразную из разных материй, различных цветов и покроев, тогда так в духовно-учебном заведении воспитанники должны носить одежду единообразную и приличную духовному званию» [Образование..., 2016: 46–47]. Правление Пермской духовной семинарии в январе 1860 г. с разрешения преосвященного Ириней принял решение: обязать всех своекоштных и полукоштных учеников семинарии и духовных училищ носить одежду единообразную, «примеряясь к одежде полнокштных учеников, именно для зимнего употребления, — суконный сюртук из темно-синего или, по крайней мере, темного цвета сукна, с таким же воротником, ниже колена на два вершка, и брюки из такого же сукна; верхнюю одежду должны составлять тулуп, покрытый темным сукном или темной материей, или пальто такой же материи и цвета; для летнего употребления сюртук и брюки, из темно-серой нанки или подобной материи, такой же длины и покроя, как указанных учеников; фуражка должна быть из темного сукна, как тех же полнокштных учеников» [Образование..., 2016: 46–47]. Правление через Пермскую духовную консисторию обратилось ко всем родителям учащихся духовных школ, чтобы они шили для детей единообразную одежду.

Таким образом, в свете реализации реформы духовно-учебных заведений 1814 г. усиливается воспитательная работа с учащимися. Особенности правового и социального статуса учащихся духовно-учебных заведений в дореформенное время являлись строгая регламентация и контроль не только за школьной, но и за внешкольной жизнью. Положения уставов духовных семинарий и духовных училищ 1814 г. закрепляли традицию замкнутости духовного сословия. Воспитанники находились под постоянным контролем ректора, инспектора, учителей. Отсутствие у воспитанников права самостоятельного определения дальнейшего пути после окончания духовных школ оказывало негативное влияние на дальнейшее развитие российского духовного образования. В духовно-учебных заведениях сохранялись многочисленные нарушения дисциплины. Случаи нетрезвости, курения, воровства и другие подобные факты негативного поведения были частым явлением среди учащихся. К середине XIX в. в российских духовно-учебных заведениях назрели серьезные проблемы. Только новая реформа духовного образования могла изменить социальный статус воспитанников духовных

семинарий и училищ, а именно разрушить традиции замкнутости духовного сословия, улучшить их материальное положение, а также уделять больше внимания воспитанию основ нравственности учащихся.

Список источников

Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 25. Оп. 18. Д. 4/69. Л. 1–5.

НА РК. Ф. 433. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–19.

О не изъятии из общих правил гражданской службы, определяемых к учительским должностям церковно-служительских детей // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1: Царствование Александра I. СПб., 1864. Стлб. 763–766.

Об определении в статскую службу, токмо уволенных из духовного звания, которые окончили полный курс учения // Полное собрание законов Российской империи (в тексте — ПСЗ РИ). СПб., 1830. Собр. 1, т. 32, № 25506. С. 702–703.

Об определении семинаристов во все места гражданского ведомства // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Собр. 1, т. 32, № 25708. С. 1030–1031.

Образование в Пермской губернии XIX–XX вв. Из истории духовно-учебных заведений: сборник документов. Пермь, 2016. С. 46–47.

О усовершенствовании Духовных училищ о начертании правил об образовании сих училищ и о составлении капитала на содержание духовенства // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Собр. 1, т. 30, № 23122. С. 368–393.

Переписка между преосвященными Феофаном, бывшим Владимирским, и Аркадием, бывшим Олонецким // Христианское чтение. 1894. № 7/8. С. 69–107.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 1. Д. 501.

РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 575.

РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 1498.

РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322.

РГИА. Ф. 802. Оп. 4. Д. 5953.

РГИА. Ф. 802. Оп. 6. Д. 15987.

Ростиславлев Д. И. Записки Д. И. Ростиславлева // Русская старина. 1880. Т. 27, январь. С. 1–45.

Устав Духовных приходских училищ // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Собр. 1, т. 32, № 25676. С. 993–1001.

Устав Духовных семинарий // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Собр. 1, т. 32, № 25674. С. 955–980.

Устав Духовных уездных училищ // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Собр. 1, т. 32, № 25675. С. 981–993.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 277. Оп. 1. Д. 2037.

ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2537.

Список литературы

Авдеева А. Д. Из жизни гигиенистов-трезвенников: духовные семинарии и охрана здоровья населения в начале XX века // Родина. 2014. № 6. С. 78–81.

Заварзина Л. Э. Бурса в 1830–1860-х гг. // Педагогика. 2008. № 6. С. 83–93.

Знаменский П. В. Основные начала духовно-учебной реформы в царствование Александра I. Казань, 1878. 42 с.

Жуковская Т. Н., Казакова К. С. *Anima universitatis*: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2018. 576 с.

Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. «От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2014. Вып. 2. С. 22–32.

Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. «Просвещенная провинция»: Олонецкая губерния в составе столичного учебного округа в первой половине XIX в. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. Т. 2., № 7. С. 12–18.

Леонтьева Т. Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX — начало XX вв.) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 170–177.

Титлинов Б. В. Духовная школа. Вып 1. Вильно, 1908. 383 с.

Сушко А. В. Духовные семинарии в пореформенной России. СПб.: СПбГМА, 2010. 254 с.

Сведения об авторе

Калинина Елена Александровна

доктор исторических наук, профессор

Петрозаводского государственного университета

Kalinina Elena A.

Doctor of Science (History), professor

of the Petrozavodsk State University

АСПИРАНТСКИЕ ТЕТРАДИ
POSTGRADUATE NOTEBOOKS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.157-168
УДК 39(=511.1)"VIII/IX"470

О. А. Зайцев

**ДУХОВНЫЕ РОСПИСИ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫХ ПРОЦЕССОВ
В СРЕДЕ КОЛЬСКИХ СААМИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

Аннотация

В статье рассматриваются духовные росписи XIX — начала XX вв. как источник по истории христианизации кольских саами и как вид массовых источников церковно-приходского учета населения. По мнению автора, данный источник позволяет прояснить динамику этноконфессиональной ситуации и характер религиозности населения приходов, в том числе «лопарских». Определяется степень сохранности источника изучаемого периода по Кольскому Северу, его информационные возможности. Описана структура духовных росписей. На материале данного источника автор предпринимает попытку определить этноконфессиональную ситуацию и в местах компактного проживания саамов на примере Бабинского и Екостровского погостов в начале XX в.

Ключевые слова:

духовные росписи, кольские саамы, источники, приход.

Oleg A. Zaitsev

**CHURCH “SPIRITUAL PAINTINGS” AS A SOURCE ON THE HISTORY
OF ETHNO-RELIGIOUS PROCESSES AMONG THE KOLA SAMI
IN THE 19-TH — EARLY 20-TH CENTURIES**

Abstract

The article deals with spiritual paintings as a source on the history of Christianization of the Kola Sami and as a type of mass sources of parish records of the population. According to the author, this source allows us to clarify the dynamics of the ethno-confessional situation and the nature of the religiosity of the population of parishes in General and the Sami in particular. The degree of preservation of the source of the studied period in the Kola North, its information capabilities is determined. The structure of spiritual paintings is described. On the material of this source, the author attempts to determine the ethno-confessional situation in the places of compact residence of the Sami on the example of Babinsky and Ekostrovsky churchyards in the early XX century.

Keywords:

spiritual paintings, Kola Saami, the sources, the arrival.

Введение

Усиление православной миссии на Кольском Севере совпало с началом колонизации Мурманского берега в 1860-х гг. Оно стало своего рода ответом на образование в западной части Мурманского берега лютеранской общины, которую составили выходцы из Финляндии и Норвегии (норвежцы, финны, фильманы — норвежские саамы-лютеране), а также связано с расселением финнов в становищах на восточной части Мурманского берега [Орехова, 2009:

112–170]. На Западном Мурмане с 1860-х гг. появилось множество колоний, основанных переселенцами-лютеранами. Их не было только на Печенге, где были сильны позиции православной общины Печенгского прихода и восстановленного в 1880-х гг. Трифоно-Печенгского монастыря, а также созданного в 1874 г. прихода в Пазрецком погосте. Лютеранские колонисты (в основном финны) селились также по обоим берегам Кольского залива и на западной оконечности Восточного Мурмана [Орехова, 2008: 250–257; 2009: 112–170]. Кроме того, появилась лютеранская община на реке Ёна, неподалеку от Бабинского погоста, население которого было финским [Немирович-Данченко, 1877; Зайцев, 2016: 159–169].

На протяжении XIX — начала XX вв. продолжался процесс христианизации кольских саамов, который выражался в открытии новых приходов. В клировых ведомостях они назывались «лопарскими приходами», так как этническим большинством населения этих приходов были саамы [Зайцев, 2018: 154–166]. В конце XIX столетия при приходах стали открываться церковно-приходские школы [Казакова, 2018а, б].

Из ряда населенных пунктов, входивших в состав Кольского прихода, были созданы следующие приходы. **Печенгский** «лопарский приход» (1855 г.) включал, помимо Печенгского погоста, еще Пазрецкий и Нявдемский (с 1826 г. его территория находилась в подданстве Норвежского королевства) погосты, которые в 1874 г. выделились в отдельный **Пазрецкий** «лопарский приход». В Печенгский приход входили также рыболовецкие колонии в западной части Мурманского берега (от Кольского залива до границ с Норвегией), которые в 1902 г. выделились в отдельный **Китовский** Владимирский приход, включивший в себя как колонии, так и Мотовский погост, но данный приход «лопарским» не назывался. **Нотозерский** «лопарский приход» (1862 г.), включал в себя Нотозерский и Сонгельский погосты. **Ловозерский** «лопарский приход» (1862 г.) включал как Ловозерский, так и Лявозерский, Воронинский и Семиостровский погосты (причем Семиостровский и Лявозерский до этого входили в состав Понойского прихода), а также колонии на восточной части Мурманского берега, которые позже выделились в отдельные приходы. **Кильдинский** «лопарский приход» (1894 г.) включал, помимо Кильдинского погоста, Масельский (Пулозерский) и Разнаволоцкий погосты [Зайцев, 2018].

В **Кандалакиском** приходе на протяжении всей его истории числились два саамских погоста — Бабинский и Екостровский, но в отдельный приход они так никогда и не были выделены. В **Понойском** приходе числились Иокангский, Лумбовский, Каменский и Куроптевский погосты, а также до 1862 г. вышеупомянутые Семиостровский и Лявозерский погосты. В 1917 г. был создан **Иокангский** «лопарский приход» из одноименного погоста.

Исследования и вопрос о датировке источника

О духовных росписях на историческом источнике существует ряд работ. Это исследования по истории развития церковного учета населения в разных регионах России: в Москве [Щербачев, 2003; Федорец, 2010; 2013; 2014], в Санкт-Петербурге [Варламова, 1988; Маркова, 2007], в Тобольской епархии XVIII — начала XX вв. [Спичак, 2016а, б], в Пскове [Постников, 2016], в Вятском крае на рубеже XVIII — XIX вв. [Пентин, 2007], в Хакаско-Минусинском крае [Асочакова, 2009], в Удмуртии [Васина, 2009; 2015], а также по России в целом [Миронов, 1989; Дементьев, 2015].

Данный вид документа называют по-разному: «духовные росписи», «исповедальные» (или «исповедные») росписи/книги/ведомости. В нашей статье этот источник обозначается как «духовные росписи», поскольку на самом документе фигурирует данное название. Это документ ежегодного учета причтом исполнения исповеди и причастия и причин неисполнения «христианского долга». Он составлялся в форме посемейных списков по населенным пунктам. Как отмечает А. В. Спичак, «изначально эти документы, подобно метрическим книгам, преследовали светские практические цели — сбор податей со староверов и штрафов с неисповедавшихся» и «являлись своего рода инструментом контроля над религиозной жизнью населения» [Спичак, 2016а: 141]. Исследователь обращает внимание на то, что как документ духовные росписи являются «ценным историческим источником, свидетельствующим о динамике религиозности населения отдельных приходов, с достаточной полнотой отражают демографические процессы» [Спичак, 2016а: 141].

Среди исследователей нет единого мнения относительно начальной даты составления источника. Так, по мнению Б. Н. Миронова, начальной датой следует считать 1690 г., когда новгородский митрополит Корнилий ввел их с целью выявления старообрядцев и контроля за исполнением исповеди и причастия [Миронов, 1989]. С этой позицией соглашаются В. Н. Асочакова [2009: 97] и А. Б. Постников, который отмечает, что нововведение митрополита Корнилия позже, в 1697 г., было поддержано патриархом Андрианом и царем Петром I в виде приказа о записи тех, кто уклоняется от исповеди. Однако этот приказ не нашел должного исполнения на местах. Впоследствии духовные росписи постепенно вводились в обиход указами 8 февраля 1716 г., 17 февраля 1718 г. и 16 июля 1722 г. [Постников, 2016: 24–25]. В. С. Дементьев считает датой начала составления источника 1697 г. [Дементьев, 2015: 15]. По мнению А. И. Федорец, первые попытки ввести регистрацию населения — по крещению, венчанию, отпеванию, а также на основе учета исповедовавшихся и причастившихся, уклонистов и старообрядцев — были предприняты еще Собором 1666–1667 гг., но они были осуществлены не тогда, а позже — в 1690 и 1697 гг. Автор ссылается на работу Б. Н. Миронова и на указы 1716, 1718, 1720 гг. [Федорец, 2010: 53–54; 2013: 66; 2014: 57–58]. Т. А. Васина считает отправной точкой указ Петра Великого от 17 февраля 1718 г., которым, по ее мнению, было дано начало данному виду документов [Васина, 2009: 20; 2015: 68].

В 1737 г., согласно указу правительства Анны Иоанновны, был унифицирован порядок составления духовных росписей и определены особенности их формуляра, что впоследствии сохранялось практически неизменным вплоть до 1917 г. [Федорец, 2014: 58–59].

Сохранность источника

Духовные росписи по Кольскому Северу частично сохранились в фондах Государственного архива Мурманской обл. (ГАМО): фонд И-16 «Кольский Благовещенский Собор Мурманского благочиния Олонецкой епархии, г. Кола» (1775–1935 гг.) и фонд И-20 «Приход Церкви Рождества Святого Иоанна Предтечи Архангельской и Холмогорской епархии в с. Кандалакша» (1721–1931 гг.).

Кроме того, имеются духовные росписи и по некоторым другим приходам Кольского Севера. По Мурманскому берегу — в фонде И-34 «Териберский приход Мурманского округа Олонецкой епархии, с. Териберка». По Терскому берегу — в фондах И-7 «Варзугский Петропавловский приход 2 Александровского благочиния Архангельской епархии, с. Варзуга», И-8 «Варзугский Успенский

приход 2 Александровского благочиния Архангельской епархии, с. Варзуга», И-9 «Приход Церкви во имя Воскресения Христова, Знамени Богородицы и Святых Апостолов Петра и Павла Архангельской и Холмогорской епархии в с. Умба», И-10 «Тетринский Святотроицкий приход 2 Александровского благочиния Архангельской епархии, с. Тетрино», И-120 «Оленицкая Предтеченская церковь Оленицкого прихода Александровского уезда Архангельской губернии». По Кандалакшскому берегу — в фонде И-19 «Приход Церкви во имя Святителя Николая Чудотворца Архангельской и Холмогорской епархии в с. Ковда».

По Понойскому приходу, как и по новообразованным «лопарским» приходам, духовных росписей на данный момент обнаружено не было ни в ГАМО, ни в Мурманском областном краеведческом музее (МОКМ).

По Кандалакшскому приходу духовные росписи сохранились за 1780, 1781, 1783–1786, 1788–1791, 1793–1800, 1802–1806, 1809–1811, 1816, 1818, 1821, 1823, 1824, 1827, 1838–1841, 1850–1857, 1860–1863, 1865, 1867, 1869, 1871, 1872, 1874, 1875, 1877, 1878, 1881–1883, 1885–1888, 1890, 1891, 1898, 1902–1904, 1907–1911 гг. В качестве начальной даты функционирования документа можно принять 1780 г., с которого в данном приходе ведутся духовные росписи. Подтверждение этому находится в ряде клировых ведомостей по Кандалакшскому приходу. Например, в ведомости за 1909 г. сообщается: «духовные росписи имеются все с 1780 г. по 1909 г. включительно» [ГАМО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 136. Л. 3 об.]. Последней датой составления духовных росписей следует считать 1917 г., когда завершилось ведение подобного рода документов вследствие революционных событий. Из этого следует, что сохранность источника составляет 75 документов из возможных 138, или около 54,3 %.

По Кольскому приходу духовные росписи сохранились за 1840–1879, 1881–1901, 1903–1907, 1909, 1910, 1912, 1916, 1917 гг. И если принимать те же даты, как и по Кандалакшскому приходу, за временные границы функционирования документа, то сохранность составит 71 документ из возможных 138, или около 51,5 %.

Таким образом, сохранность источника по Кольскому и Кандалакшскому приходам в обоих случаях немногим больше 51 и 54 %, что несколько затрудняет исследование документов. Однако о структуре и содержании документов вполне можно судить по данному количеству источников.

Структура и содержание духовных росписей

Духовные росписи состоят из преамбулы, основной части, добавочной ведомости, сводной таблицы и резолюции приходского духовенства, благочинного священника, столонячка.

Преамбула включает в себя данные о том, откуда поступила, кому и когда была дана ведомость (бланк духовной росписи). Содержание ведомости следующее: «Ведомость дана из Архангельской Духовной Консистории в Кандалакшский приход, кемскаго уезда для записи в тысяча девятьсот десятом (1910) году обретающимся при оной церкви в приходе нижеявленных чинов людям, со изъявлением против коегождо имени о вытии их в святую четырехдесятницу у исповеди и святых таин причастия, и ктож исповедался токмо, а не причастился, и ктож не исповедался»¹⁵ [ГАМО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 106. Л. 1 об.].

¹⁵ Здесь и далее при цитировании старая дореволюционная орфография частично изменена. В частности, произведена замена ряда букв: «ять» заменена на «е», «фита» — на «ф», «и (i) десятичное» на «и», «омега» на «о», «ипсилон» на «и», «нос малый» на «я», «ерь» в конце слов, заканчивающихся на согласные, опущен.

Таблица 1

Вид таблицы основной части духовных росписей
[ГАМО Ф. 20 Оп. 1 Д. 106 Л. 1 об.]

Число				Лета		Показания действа.		
Домов или дворов.	Людей.			Мужеска пола.	Женска пола.	Кто были у исповеди и святого причастия.	Кто ж исповедался токмо, а не причастились, и за каким винословием.	Которые у исповеди не были.
	Мужеска пола.	Женска пола.						
1	2	3	4	5	6	7	8	9

Табл.1 содержит 9 колонок:

1 — номера домов или дворов, что облегчает подсчет дворов как в отдельных селениях, так и в целом;

2 и 3 — порядковые номера людей мужского и женского полов по отдельности, что также облегчает подсчет населения;

4 — сословная принадлежность (духовные, статские, военные, мещане, крестьяне и крестьяне-колонисты или просто колонисты и члены их семей), местность (населенный пункт); записи имели вид посемейных списков прихожан для каждого селения. Вначале записывался глава семьи (фамилия — если была, имя, отчество), затем его жена с именем и отчеством (у вдов указывалась фамилия мужа) или отмечалось вдовство; после — их дети с именами (и с отчествами, если отец умер), супруги детей и их дети; внебрачные указывались без отчества. Эти данные позволяют оценить социальную стратификацию общества, проследить родословные;

5 и 6 — приблизительный возраст, для младенцев (иногда и для детей старше 1 года) указывали количество месяцев;

7 — здесь указывали, был ли человек на исповеди и причастии или только на причастии для детей до 7 лет;

8 — отмечалось посещение только на исповеди, а если человек не был даже на исповеди, то указывали причину неисполнения таинств: «по болезни», «отлучке», «нерадению» («нерачению»), «по опущению», реже указывалось «по малолетству», так как малолетние до семилетнего возраста могли причащаться без исповеди. Также в качестве причин неучастия человека в жизни прихода в данной графе указывались его симпатии к другим вероисповеданиям, как то: «по склонности к старообрядству», «по склонности к лютеранству» (или «лютеранскому исповеданию»), «римско-католическому вероисповеданию» и т. п.;

9 — указано, какое количество лет человек не был на исповеди и причастии (например, «9–18» означает, что человек 9 лет не исповедовался, а 18 лет не причащался).

Следующая часть духовных росписей — **«добавочная ведомость»**, которая содержит следующие данные:

а) количество прихожан по духовной росписи за предыдущий год (количество лиц мужского и женского пола и общее число жителей);

б) количество прибывших людей за текущий год («по рождению», «через брак», «по перемещению» и «итого прибыло»), данные по которым давались отдельно по каждому полу, а затем суммировались с прошлогодними данными;

в) количество убывших людей за текущий год («по случаю смерти», «через брак», «по перемещению» и «итого убыло») — данные, по которым также представлялись отдельно по каждому полу, а затем вычитались из суммы данных по прибывшим членам прихода за текущий год с общими данными за прошлый год, в итоге получалась общая цифра за текущий год [например: ГАМО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 107].

Далее в документ включалась **сводная таблица** по прихожанам с количественными данными, которая несколько раз менялась по структуре. Так, до 1843 г. она имела следующий вид по вертикальным графам, как указано в табл. 2.

Таблица 2

Графы сводной таблицы духовных росписей до 1843 г.
[ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 26. Л. 380, 427, 460]

	Исповедовавшихся и причастившихся		Исповедовавшихся токмо, а не причастившихся		У исповеди не бывали. От 6 лет и до престарелых		За малолетством, кои ниже 6 лет.		Итого	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Крестьян										
жены их										
дети	муж									
	жен									

Примечание. Нумерация колонок условна и создана для удобства, так как в самой таблице колонки не нумеруются.

Как видно из примера, половая дифференциация как по вертикали, так и по горизонтали выглядит излишней. В колонке 1 указывались сословия, причем члены их семей считались отдельно и занимали отдельные строки: жены их, дети мужского пола, дети женского пола.

Указывались следующие сословия (каждое по отдельности): военные («штаб-и обер офицеры», «унтер-офицеры и солдаты» в две отдельные строки), канцелярские служители, поселенцы, купцы, мещане и крестьяне, далее шла строка «итого вообще» [например: ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 26. Л. 380, 427, 460].

С 1843 г. была введена новая структура сводной таблицы, которая стала занимать по ширине целый разворот (оборотная сторона одного листа и лицевая сторона другого листа), то есть все данные записывались в одну строку, отчего таблица имела очень большое количество столбцов. Составлялась она в таком виде по 1854 г. включительно, причем в духовной росписи за 1843 г. имели место оба варианта сводной таблицы — старый и новый [ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 26. Л. 380, 385 об. – 386].

В указанный период времени были добавлены новые столбцы «число»: «церквей» и «дворов считая по четыре души во дворе», — позже, с 1855 г., они были исключены из сводной таблицы.

С 1843 по 1846 гг. указывались следующие сословия, объединенные в три группы: 1) штаб и обер-офицеры, унтер-офицеры, солдаты, канцелярские служители; 2) купцы, мещане, цеховые и прочие городские обыватели; 3) крестьяне (табл. 3). Для каждой группы был стандартный набор граф.

Таблица 3

Графы сводной таблицы духовных росписей с 1843 по 1846 гг.
[ГАМО Ф. И-16 Оп. 1 Д. 26. Л. 380, 385 об. – 386.]

Исповедовавшихся и причастившихся		Исповедовавшихся но не причастившихся		Не бывших у исповеди					
				по малолетству		по отлучкам и по другим препятствиям		по опущению	
Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен

Отдельными столбцами рассчитывались итоговые данные в три столбца: 1) лица мужского пола; 2) лица женского пола; 3) лица обоих полов.

С 1847 по 1854 гг. указывались следующие сословия, объединенные в шесть групп: 1) духовного ведомства; 2) военные; 3) статские; 4) купцы, мещане, цеховые и прочие городские обыватели; 5) дворовые; 6) крестьяне. Набор граф в колонках был тот же что и в документах за 1843–1846 гг. Была добавлена новая графа «раскольников» в две колонки «муж.» и «жен.».

С 1855 г. сводная таблица приобрела следующий вид (табл. 4), сохранявшийся почти неизменным до 1917 г.

Таблица 4

Графы сводной таблицы духовных росписей с 1855 по 1917 гг.
[ГАМО. Ф. 16-И. Оп. 1. Д. 19а]

Всего при вышеозначенной Церкви жителей Православного исповедания	Число лиц												
	исповедовавшихся и причастившихся		исповедовавшихся но не причастившихся		не бывших у исповеди						ИТОГО		
					по малолетству		по отлучкам и по другим препятствиям		по опущению				
	муж	жен	муж	жен							муж	жен	муж
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14

В колонке 1 сверху вниз — построчно (а не так, как с 1843 по 1854 гг. — вертикально все в одну строку) перечислялись сословия (социальные группы):

1) «Духовного ведомства» (в 1858 г. формулировка «духовного сословия» была изменена на формулировку «духовного ведомства»);

2) «Военных»;

3) «Статских»;

4) «Купцов, мещан, цеховых и прочих городских обывателей»;

5) «Дворовых» (началу XX в. данная графа была исключена, поскольку на протяжении ряда лет она была пуста);

6) «Крестьян»;

7) «итого»;

8) отдельно присутствовала графа «Сверх того раскольников», в которой заполнялись только 12–14-й столбцы;

9) «Всего» — общее количество населения (также 12–14-й столбцы).

Исходя из данных основной части этого источника, можно сделать ряд сопоставлений с другими документами из «церковного архива».

Во-первых, данные из колонок 1–3 можно сопоставить с данными из клировых ведомостей (часть документа «ведомость о прихожанах», где давались статистические данные по приходу), ревизских сказок и других источников, то есть проверить соотношение статистических данных.

Во-вторых, данные колонок 4–6 можно сопоставить с материалом из метрических книг и обысковых книг (книг брачных обысков). Метрические книги дают более точную датировку родившимся (если есть точная дата), крестившимся, вступившим в брак и умершим (у последних указывается причина смерти). Содержится также информация о месте происхождения родителей и крестных воспитанников, их сословная, этническая и конфессиональная принадлежность [например: ГАМО. Ф.16-И. Оп. 1. Д. 19а].

В-третьих, данные из колонок 7–9 являются уникальными для этого вида документов и отражают религиозность членов общины. Здесь косвенным дополнением могут стать алтарные книги, в которых давались отдельные сквозные списки исповедовавшихся по определенным конкретным дням и такие же списки по причастившимся, а также отдельные списки тех, кто не причастился и не исповедовался [например: ГАМО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 54]. Таким образом, алтарные книги уточняют датировку совершения таинств, но не количество лет, пропущенных прихожанином, причины его пропусков и его симпатии или приверженность другим конфессиям.

Информационные возможности источника

Из духовных росписей по кольским саамам можно получить следующую информацию: материал по родословию, кто с кем проживал в одном доме, в каком количестве человек, об изменении уровня религиозности саамского населения, о религиозных предпочтениях, о соседстве с саамами представителей других вероисповеданий (лютеранского: финны, норвежцы, фильманы) или православных карелов и русских.

Так, по Кандалакшскому приходу в духовной росписи за 1886 г. в общей таблице между строк о посещении тайн Исповеди и Причастия имеется длительная и проходящая через весь документ заметка, написанная рукой священника Стефана Феодоровича Попова, следующего содержания:

«За нерачением. Все предложения, увещания священника об исполнении существенной христианской обязанности исповеди и Святаго Причастия как общия в Церкви так и частныя на едине к нерадивым прихожанам остаются безуспешными.

При всем том с решительным подтверждением того, что если они не исполнят Христианского долга в этот год, то об них непременно будет донесено Епархиальному начальству.

Каждое почти лицо на едине было спрашиваемо священником о причине уклонения от исповеди и причастия Святых Таинств, ответы их были следующего рода: «Так! Нужно бы было да некогда», или «не я один не хожу к исповеди; я не ходил раньше к исповеди но также жил; жило у нас много священников, но не принуждали нас к исповеди»; или «я еще малость буду постарше, то тогда и буду исполнять христианский долг почаще» [ГАМО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 86].

Данное замечание священника, по всей видимости, относится ко всем жителям прихода, которые в течение длительного времени не исповедовались и не причащались, в том числе и к саамам Бабинского и Екостровского погостов.

С 1888 г. в приходе появляются упоминания о старообрядцах в Кандалакшском селении, то есть тех, что «уклонились в раскол» — 2 человека [ГАМО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 89], хотя годом ранее не было ни одного упоминания о переходе в старообрядчество. С 1904 г. появляются еще 2 человека в Князегубской деревне «За приверженностью к расколу». Итого в приходе 4 человека [Там же: Д. 101]. В 1907 г. по общей таблице получается 6 старообрядцев: 4 (2 мужчины и 2 женщины) в Колвицкой и 2 (мужчина и женщина) в Князегубской деревнях, а в сводной таблице указано, что в приходе 19 человек (10 мужчин и 9 женщин). В погостах старообрядцев не выявлено [Там же: Д. 103]. Та же ситуация фиксируется в 1908 г. [Там же: Д. 104]. А в 1909 г. в погостах отмечается наличие сторонников старообрядчества. Так, в Бабинском погосте — 1 женщина, в Екостровском — 3 мужчины и 2 женщины. Итого в саамских погостах 6 человек, а в целом по приходу отмечаются те же показатели, что и за предыдущие два года — 19 человек (10 мужчин и 9 женщин) [Там же: Д. 105]. В следующие два года — в 1910-м и 1911-м количество уклонившихся в старообрядчество увеличилось до 8 человек: 2 (мужчина и женщина) в Бабинском погосте и 6 (3 мужчины и 3 женщины) в Екостровском погосте. А общее число склонных к старообрядчеству 19 человек [Там же: Д. 106, 107].

Также в Бабинском погосте с 1907 г. присутствовали лютеране (не исповедовавшиеся и не причащавшиеся «по склонности к лютеранству») — семья Исаака Матвеевича Саткоярви. Общее их количество 8 человек (5 мужчин и 3 женщины) [Там же: Д. 103–107].

Таким образом, видно, что с 1908 г. в среде саамов Бабинского и Екостровского погостов выделились лица и семьи, склонные к старообрядчеству, а в Бабинском погосте проживала семья лютеран.

Ниже представлены сводные таблицы по населению Бабинского и Екостровского погостов за 1907, 1909 и 1911 гг. (табл. 5 и 6).

Таблица 5

Сводная таблица по исполнению исповеди и причастия
населением Бабинского погоста в 1907, 1909 и 1911 гг.
[ГАМО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 103, 105, 107]

Год		1907		1909				1911			
Сословие		крестьяне		крестьяне		военные		крестьяне		военные	
Пол		м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Исповедовались и причастились (в том числе дети 8–17 лет)		3	4	3	7	1	0	7	10	1	0
Причастились без исповеди (дети 1–7 лет)		4	3	3	6	0	0	6	6	0	0
Только исповедовались (взрослые)		1	2	0	2	0	0	6	9	0	0
Не исповедовались	по малолетству	7	4	8	6	0	0	4	1	0	0
	по отлучке	1	3	1	2	0	0	2	4	0	0
	по опущению	17	28	21	23	0	0	11 (14)	12 (14)	0	0
	по нерадению	3	2	4	1	0	0	2	0	0	0
	по склонности к лютеранству	5	3	4	3	0	0	7 (4)	5 (3)	1	0
	по склонности к старообрядчеству	0	0	0	1	0	0	1	1	0	0
Итого	Общее число по полу	41	49	44	51	1	0	46	50	2	0
	Общее число	90		95		1		96		2	

Таблица 6

Сводная таблица по исполнению исповеди и причастия
населением Екостровского погоста в 1907, 1909 и 1911 гг.
[ГАМО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 103, 105, 107]

Год		1907				1909						1911			
Сословие		крестьяне		статские		крестьяне		военные		статские		крестьяне		военные	
Пол		м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Исповедовались и причастились (в том числе дети 8-17 лет)		0	1	2	0	0	0	1	0	0	0	2	4	1	2
Причастились без исповеди (дети 1–7 лет)		3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Только исповедовались (взрослые)		1	3	0	1	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0
Не исповедовались	по малолетству	5	12	0	0	4	8	1	2	0	0	7	9	1	2
	по отлучке	1	4	0	0	1	4	0	0	0	0	4	9	0	0
	по опущению	20	21	2	0	17	24	2	3	1	2	10	12	3	1
	по нерадению	6	5	0	0	2	1	0	1	0	0	3	2	0	0
	по склонности к старообрядчеству	0	0	0	0	3	2	0	0	0	0	3	2	0	1
	Общее число по полу	36	46	4	1	27	39	4	6	1	2	30	39	6	6
Итого		82		5		66		10		3		69		12	

Таким образом, несмотря на частичную сохранность духовных росписей, они являются достаточно ценным и информативным источником по определению характера религиозности и отношения к церкви населения приходов Кольского Севера в целом и «лопарских» в частности. Этот тип документов позволяет делать заключения об этноконфессиональной ситуации и ее динамике в местах компактного проживания саамского населения в рассматриваемый период.

Список источников

ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 26, 51, 89, 96, 131, 156, 189, 195, 197а, 205, 211, 216, 218, 220, 224, 234, 239.

ГАМО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 1–10, 10а, 11–13, 15–20, 24, 26, 27, 30, 32, 34, 35, 37, 38, 40, 48, 50, 51, 55, 57–61, 63–67, 69–71, 73–76, 78, 79, 81–83, 85–87, 89, 91, 92, 97–99, 101, 103–107, 119.

Список литературы

Асочакова В. Н. Материалы церковного учета населения как источник изучения крещения коренных народов Сибири (на примере Хакасско-Минусинского края) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (142). С. 96–100. (История. Вып. 29).

Варламова Н. А. Исповедальные ведомости 1737 г. как источник по истории населения Петербурга // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 11: Генезис и развитие феодализма в России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 187–196.

Васина Т. А. Духовные росписи как источник по истории семьи населения Пудемского завода конца XVIII — начала XIX в. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 67–73.

Васина Т. А. Удмуртская православная сельская семья в конце XVIII века (анализ духовной росписи 1795 г.) // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 7 (73). С. 20–24.

Дементьев В. С. История учета населения России до начала XX века // Географический вестник. 2015. № (4) 35. С. 11–17.

Зайцев А. А. Религиозные процессы в среде саами Бабинского погоста: отражение в архивных источниках литературы // Труды Кольского научного центра РАН. 2016. № 3 (37) С. 159–169.

Зайцев О. А. «Лопарские приходы» в церковно-приходской системе Кольского Севера в XIX — начале XX веков // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9, № 11–15. С. 154–166.

Казакова К. С. Первоначальное обучение детей коренного населения Кольского Севера в конце XIX — начале XX вв. // Труды Кольского научного центра. 2018. Т. 9, № 2–13. С. 23–30.

Казакова К. С. Полярная «Одиссея» инспектора училищ Николая Козмина в 1911 году // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2018. № 28 (28). С. 140–147.

Маркова М. А. Источники по истории населения Санкт-Петербурга и столичной губернии: 1730–1740-е гг. // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник: сб. ст. / под ред. В. Н. Владимирова. Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2007. С. 103–120.

Миронов Б. Н. Исповедальные ведомости — источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII — первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1989. Т. XX. С. 102–117.

Немирович-Данченко В. И. Лапландия и лапландцы: Публичные лекции, читанные в 1875 г. в Санкт-Петербургском педагогическом музее. СПб.: Тип. В. А. Тушнова, 1877. 232 с.

Орехова Е. А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX — первой трети XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 311 с.

Орехова Е. А. Саамское население и колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 1. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 250–257.

Пентин Н. А. Использование массовых источников при изучении демографических процессов в Вятском крае на рубеже XVIII–XIX вв. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2007. № 4 (19). С. 133–138.

Постников А. Б. Исповедные росписи как источник по истории Псковской Церкви и духовенства в 1727–1762 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 6 (73). С. 21–44.

Спичак А. В. Классификация документальных источников по истории приходских церквей Тобольской епархии XVIII — начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 138–141.

Спичак А. В. Характеристика архивных материалов по истории приходских церквей Тобольской епархии XVIII — начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 139–144.

Федорец А. И. Исповедные ведомости XVIII века как исторический источник: на примере Москвы // Историческое обозрение. 2010. Вып. 11. С. 51–58.

Федорец А. И. Проблема информационной ценности исповедных ведомостей как исторического источника (на примере московских материалов XVIII в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2013. № 1. С. 64–73.

Федорец А. И. Исповедные ведомости как исторический источник по социальному составу и расселению дворовладельцев города Москвы в 40–80-х гг. XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. 255 с.

Щербачев О. В. Исповедные ведомости московских сороков как источник по генеалогии дворянства середины XVIII века // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 2003. Вып. 12. С. 25–52.

Сведения об авторе

Зайцев Олег Алимханович
аспирант ФИЦ КНЦ РАН

Zaitsev Oleg A.
postgraduate of Kola scientific center of RAS

А. А. Бертош

АРКТИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ

Аннотация

В статье дана общая характеристика отличительным чертам и особенностям концепта «арктический туризм» и проанализировано влияние особенностей арктических территорий на развитие туристской индустрии. Выделены периоды интенсификации массового спроса на арктическое направление в истории российского (советского) туризма. В контексте возрастающего общественного интереса к данным территориям рассматриваются специфика туристской привлекательности Арктики, особенности ее материального историко-культурного наследия, экологические риски развития туризма в зоне, менее всего подвергавшейся антропогенному воздействию в обозримый исторический период.

Ключевые слова:

арктический туризм, Арктика, туристская привлекательность, природное и культурное наследие, арктические дестинации, территориальный брендинг.

A. A. Bertosh

ARCTIC TOURISM: CONCEPTUAL FEATURES AND PARTICULARITIES

Abstract

The general characteristic is given to the distinctive features and features of the concept of «Arctic tourism» and the influence of the features of the Arctic territories on the development of the tourism industry is analyzed in this article. The periods of intensification of mass demand for the Arctic direction in the history of Russian (Soviet) tourism are highlighted. The specifics of the tourist attractiveness of the Arctic, the features of its material historical and cultural heritage, the environmental risks of tourism development in the area least affected by anthropogenic impact in the foreseeable historical period are considered in the context of increasing public interest in the Arctic territories.

Keywords:

Arctic tourism, Arctic, tourist attraction, natural and cultural heritage, Arctic destinations, territorial branding.

В настоящее время, несмотря на интерес научного сообщества к теме арктического направления туризма, что нашло отражение в ряде недавних публикаций [Арктический туризм..., 2016; Васильева, Муратова, 2016; Голубчиков, Кружалин, 2017; Желнина, Белевских, 2018], не существует общепризнанного устоявшегося определения термина «арктический туризм», хотя само понятие получило широкое распространение и употребляется в том числе и в официальных государственных документах (например, в «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», утвержденной Президентом РФ [О Стратегии..., ЭР]). Для анализа особенностей этого туристского направления необходимо уточнить, что именно вкладывается в данный концепт, выделить территориальные рамки феномена и формирующие его характерные черты.

Определение «арктического туризма» как посещения Арктики в рекреационных, познавательных, спортивных, религиозных и иных подобных

целях, не связанных с получением прибыли и осуществлением трудовой деятельности, является логичным, но требует дополнительной конкретизации. Выявление концептуальных черт этого туристского направления затруднено вариативностью самого понятия «Арктика», которое может иметь различные географические, климато-биологические, административные, социально-экономические и культурологические трактовки. В недавнее время опубликован ряд исследований, предлагающих различные варианты концептуализации данного понятия [Харлампьева, 2014; Лукин, 2015; Жигунов, 2016], в которых тематика туризма затрагивается только косвенно. Кроме того, часть общества воспринимает в качестве «арктических» те туристские направления, которые имеют к Арктике лишь условную привязку. В некоторых случаях формирование и популяризация данного искаженного восприятия может быть частью маркетинговой стратегии, направленной на продвижение локальных дестинаций под «арктическим» брендом. Сложности вызывает также смысловое и практическое выделение арктического направления из категории «северный туризм» [Белевских, 2015].

В этой связи представляется уместным определить территориальные рамки региона, в котором могут реализовываться практики арктического туризма, следующим образом: Северный Ледовитый океан, северная часть Атлантического и Тихого океанов, острова и архипелаги в их акваториях, а также материковые территории на севере Евразии и Северной Америки, расположенные в арктическом и субарктическом климатических поясах, относящиеся к природным зонам арктической пустыни, тундры и лесотундры.

К общим чертам указанных районов, формирующим их уникальность, можно отнести климат, флору и фауну, наличие полярной ночи и/или полярного дня, сравнительно высокую частоту появления полярного сияния и некоторые другие особенности.

Арктические территории имеют ряд характерных черт, оказывающих значительное влияние на туристскую индустрию:

- удаленность и труднодоступность многих привлекательных для туристов районов, что значительно увеличивает стоимость их посещения;
- сильная зависимость организации туристской деятельности от сезонных факторов; фактическая недоступность некоторых аттрактивных мест на протяжении длительных периодов в течение года;
- необходимость учитывать природно-климатические факторы при планировании и организации туризма (полярные день и ночь, погодные условия и т. д.);
- социально-экономическая специфика арктической зоны: низкая плотность населения и неравномерность его распределения, высокая урбанизированность, очаговый характер инфраструктуры, доминирующая роль некоторых отраслей экономики (добыча углеводородного сырья и других полезных ископаемых, тяжелая промышленность и т. п.), влияние реализуемых мегапроектов (транспортных, энергетических и иных), присутствие военных и т.д.;
- административные ограничения на посещение некоторых районов (пограничные зоны, закрытые территории и т.п.), что фактически выводит их за рамки массовой туристской индустрии.

С точки зрения брендинга и организации туризма Арктику можно условно разделить на два сектора, которые, будучи взаимосвязанными и обладая рядом схожих черт, существенно отличаются друг от друга:

- океанический (акватории океанов, островные территории, прибрежные зоны) — распространенность морских средств передвижения (включая ледокольные суда), соответствие стереотипным представлениям об Арктике (шельфовые ледники, айсберги и т. п.), специфическая фауна, ассоциируемая в массовом сознании с арктическими территориями (морские млекопитающие, белые медведи и т. д.), проживание коренных северных народов, чья хозяйственно-экономическая деятельность традиционно связана с морем [Белевских и др., 2018];

- континентальный (внутренние арктические районы Северной Америки и Евразии) — распространенность наземных и речных средств передвижения, преобладание тундры и характерного для нее природного мира, специфика традиционных форм природопользования и хозяйствования коренных народов, в том числе широкое распространение оленеводства в Евразийской Арктике.

Одновременно с этим представляется логичным разграничивать понятия «арктический туризм» и «северный туризм». Данные направления, будучи схожими по ряду параметров (суровость климатических условий, распространение некоторых специфических форм экономической деятельности, проживание коренных народов и групп старожильского населения), тем не менее обладают собственной уникальностью. К отличительным чертам северного туризма можно отнести: более выраженную, по сравнению с Арктикой, сезонность; преимущественную локализацию в природно-климатической зоне бореальных (северных) лесов, с соответствующими флорой и фауной; большую плотность населения; сравнительно более высокий уровень развития инфраструктуры.

Арктический туризм, как и любое другое туристское направление, формируется на основе сочетания объективно существующих факторов аттрактивности и создаваемых на их базе турпродуктов, ориентированных на конечного потребителя. Бытующее во многих культурах восприятие Арктики как таинственной мистической территории, отраженное в мифах, легендах и сказках, провоцирует интерес к ней. На создание туристских брендов, помимо природно-географических, историко-культурных и социально-экономических условий, могут оказывать значительное влияние целевые установки государственных и общественных структур, а также маркетинговые стратегии бизнеса.

Основу туристской привлекательности Арктики составляют ее географическое положение и природно-климатические особенности. С арктическими районами Земли часто ассоциируется понятие «пустота»: отсутствие суши в районе Северного полюса, цветное однообразие (постоянное или длящееся значительную часть года), огромные пространства без людей и населенных пунктов. Эта «пустота» привлекает в высокие широты туристов, стремящихся получить эмоциональную разгрузку. Кроме того, арктическое побережье в физико-географическом смысле соответствует ментальному понятию «край Земли», куда, в представлении людей, можно «сбежать» от рутинной повседневности и текущих проблем. Высокой туристской привлекательностью обладает сам Северный полюс, посещение которого имеет в основном символическое значение, так как климат, пейзаж и фауна в этой точке

принципиально не отличаются от территорий в радиусе нескольких сотен километров вокруг. Ледокольные круизы к Северному полюсу, являясь одним из самых дорогих направлений арктического туризма, продолжают пользоваться устойчивым спросом.

Климатические особенности Арктики, осложняющие проживание и хозяйственную деятельность, парадоксальным образом являются составной частью ее туристской привлекательности. Продолжительная, холодная зима, штормы и бураны, низкие температуры и другие схожие природные явления привлекают желающих побывать в экстремальных условиях. Проявляет интерес туриндустрия и к «полюсам холода» Северного полушария (пунктам с самой низкой зафиксированной температурой), расположенным в Якутии. Климатическая специфика арктической и субарктической зон создает некоторые конкурентные преимущества для продвижения зимних видов спорта и рекреации. Например, бо́льшая, чем в других регионах России, продолжительность горнолыжного сезона в Мурманской обл. является значимым фактором привлечения туристов.

Снег и лед, однозначно ассоциируемые с Арктикой, также можно отнести к природным явлениям, определяющим туристский спрос. Но если айсберги и шельфовые ледники являются чертой, характерной именно для полярных широт, то обильный сезонный снежный покров и многолетние льды встречаются в разных районах земного шара. В этом контексте уместнее говорить не об уникальности данных факторов, а об их актуализации туриндустрией. Восприятие этих природных явлений туристами во многом зависит от климатических особенностей региона их постоянного проживания.

Неотъемлемую часть туристского бренда арктической зоны составляют полярные ночь и день, во время которых солнце не восходит или не заходит соответственно на протяжении более 24 часов. Полярная ночь, являющаяся необычным феноменом, который может заинтересовать посещающих высокие широты, тем не менее ограничивает деятельность в Арктике, препятствуя непосредственному визуальному восприятию окружающей среды, очень важному для туризма. Полярный день, наоборот, помимо того, что обладает самостоятельной привлекательностью как природное явление, позволяет увеличивать продолжительность туристской активности в течение суток. К этому можно добавить романтизированный образ «полуночного солнца», который упоминался еще в древних мифах и у античных авторов и продолжал использоваться писателями в дальнейшем.

Важным фактором туристской привлекательности арктических регионов является полярное сияние. Мистическое отношение к данному феномену, существующее в некоторых культурах, в настоящее время активно эксплуатируется туриндустрией. Визиты с целью наблюдений за сиянием, особенно популярные среди туристов из Юго-Восточной Азии, уже фактически оформились в самостоятельное направление внутри арктического туризма. Данный вид туристской практики жестко определяется сезонными факторами, так как во время полярного дня и переходных периодов, которые в Арктике занимают значительную часть года, сияние недоступно для визуального наблюдения.

Объектом туристского притяжения выступают также арктические природные ландшафты, которые могут значительно различаться. Для океанического направления туризма — это акватории, покрытые льдом или доступные для свободной навигации (в зависимости от времени года и региона),

а также побережье материков, острова и архипелаги, по большей части представляющие собой арктическую пустыню или тундру с соответствующим растительным и животным миром. Именно в этой природной зоне обитают представители фауны, наиболее отвечающие массовым представлениям о природе Арктики: китообразные и ластоногие морские млекопитающие, а также белый медведь, фактически ставший символом циркумполярных территорий.

Континентальный арктический туризм организован в климатических поясах тундры и лесотундры, где на протяжении значительной части года присутствует снежный покров. Природный мир здесь гораздо разнообразнее, чем в океаническом секторе Арктики, поэтому, помимо познавательных форм туризма, в основном связанных с наблюдением, широко распространены такие направления туриндустрии, как охота и рыбалка. Животным, ассоциирующимся в массовом сознании с тундровой зоной, является северный олень, который встречается здесь как в естественной среде обитания, так и в качестве объекта сельского хозяйства.

Историко-культурные ресурсы в Арктике также имеют существенные отличия в зависимости от региона. На островах, архипелагах и побережье материков материальное наследие формируется из нескольких крупных составляющих:

- археологические свидетельства, оставшиеся от древнейших обитателей этих районов;
- артефакты, связанные с коренными народами, для которых традиционными являются морские промыслы;
- историко-культурное наследие старожильского населения (на арктическом побережье России к старожилам можно отнести этнографическую группу русских поморов, а также потомков первопроходцев, имеющих различное этническое происхождение) (см. рис. 1);

Рис. 1. Здание церкви Преображения Господня, 1878 г.
Территория упразднённого поселения Рында, Ловозерский район,
Мурманская обл. (фото А. А. Бертош, 2018)

- объекты, связанные с многовековой историей географических открытий, изучения и освоения Арктики — материальное наследие эпохи викингов, следы исследовательских экспедиций, артефакты, имеющие отношение к первопроходцам (захоронения, территории временных и постоянных исторических поселений, навигационные знаки и т.п.) (см. рис. 2);
- памятники индустриального освоения арктической зоны в XX–XXI вв. (гидрометеостанции и научно-исследовательские базы, маяки и иные средства обеспечения навигации, объекты транспортной и энергетической инфраструктуры, сооружения промышленного и военного назначения) (см. рис. 3).

Рис. 2. Табличка на скале, посвящённая 100-летию завершения экспедиции на шхуне «Святой мученик Фока». Территория упразднённого поселения Рында, Ловозерский район, Мурманская обл. (фото А. А. Бертош, 2018)

В материальном наследии континентальной части Арктики, помимо объектов, сопоставимых с вышеназванными (археологические памятники, объекты индустриального периода), можно выделить следующие группы:

- артефакты, связанные с коренными народами, ведущими кочевой или оседлый образ жизни в тундровой и лесотундровой природных зонах, а также наследие старожильского населения;
- объекты периода освоения и колонизации северных пространств (исторические поселения, центры торговли и промыслов, фортификационные сооружения, а также иное материальное наследие той эпохи);
- памятники истории Второй мировой войны (арктическими регионами, где шли масштабные бои на суше, были Норвегия и Мурманская обл. СССР). Характерной особенностью материального культурного наследия Арктики

является то, что значительная часть его не обладает самостоятельной туристской привлекательностью. Для интеграции некоторых памятников в практики туристической индустрии необходима их целенаправленная актуализация: включение в экскурсионные маршруты, популяризация, музеефикация и т. п. При этом часть объектов, обладающих историко-культурной ценностью, не подходит для использования в массовом туризме (например, действующие или законсервированные объекты военной инфраструктуры, большинство памятников археологии).

Рис. 3. Заброшенный военный посёлок Гранитный, Кольский район, Мурманская обл. (фото А. А. Бертош, 2018)

Базисом привлекательности Арктики для туристов являются географическое положение и природно-климатические особенности, а также следующая из ограниченной доступности — ее сравнительно слабая подверженность антропогенным влияниям. Вместе с тем важное для познавательного туризма историко-культурное направление фокусирует внимание на объектах и местах, связанных с деятельностью людей в прошлом. Это ставит перед туристической индустрией актуальную задачу, решение которой имеет важное прикладное значение, — задачу синтеза брендов, сформированных на основе концептов «девственной природы» и «истории освоения Арктики».

Несмотря на кажущееся противоречие названных моделей брендинга их сочетание позволяет формировать концепцию прошлого арктических территорий, наполненную героическим пафосом освоения негостеприимного пространства. Такой подход может выражаться в репрезентации туристической индустрией истории Арктики как постоянной борьбы с суровой природой и периодического противостояния с «врагами». На оценочные характеристики и трактовку фактов

предлагаемой туристам картины прошлого оказывают влияние особенности национальных исторических школ, характерных для разных государств, а также существующая геополитическая обстановка.

Еще одним подходом, который способен объединить историко-культурные и природные факторы туристской привлекательности в единую концепцию, может являться восприятие традиционных форм хозяйствования и образа жизни коренных народов Арктики как проверенной временем устойчивой модели существования в условиях ограниченности природных ресурсов. Такая модель репрезентации прошлого применима в отношении аборигенного и старожильческого населения. Данное идейное построение, как и почти любое в гуманитарных науках, также может подвергаться влиянию существующей социально-политической обстановки.

В истории российского (советского) туризма можно выделить периоды резкого роста массового интереса к арктическому направлению:

1. Рубеж XIX–XX вв. — благодаря деятельности Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства рейсы в Арктику (по Баренцеву морю вдоль берегов Северной Норвегии и Кольского п-ова, вплоть до Новой Земли) стали доступны широким слоям населения России. Изданный в 1898 г. «Путеводитель по Северу России» сообщал: «Наш Север <...> одинаково интересен для ученого, путешественника, естествоиспытателя, этнографа, художника, простого туриста — любителя природы, охотника, богомольца и для предприимчивого торгового человека <...> поездка в Архангельск и по Архангельскому, а равно и по Мурманскому, побережью сделалась скорой, легкой и удобной прогулкой» [Путеводитель..., 1898: 3].

2. 1930-е гг. — в этот период были осуществлены первые советские морские круизы в высокие широты [Орлов, 2016], а также, на фоне бурного развития туристского движения, заложены основы массового туризма в некоторых регионах Советской Арктики.

3. Начало XXI в. — новый всплеск интереса к арктическому направлению туризма произошел уже в условиях рыночной экономики. Турбизнес, отвечая на появившийся спрос, стал формировать инфраструктуру и создавать новые предложения в данном сегменте. При этом, несмотря на востребованность, значительная часть турпродуктов «арктической» направленности оказалась рассчитана на богатого и сверхбогатого потребителя.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что усиление интереса к арктическому направлению туризма происходит в периоды общего повышения внимания к Арктике со стороны государства и общества. Причем эта черта характерна как для России (Советского Союза), так и для других государств. Рост востребованности арктического туризма коррелирует с увеличением значения Арктики в международной и внутривластной повестке.

К настоящему времени сфера арктического туризма столкнулась с рядом вызовов, ответы на которые позволят определить дальнейшие пути развития отрасли.

1. Экологические риски развития туризма.

Взросший туристский трафик увеличил нагрузку на хрупкие экологические системы Арктики, особенно на расположенные в тундровой зоне. К негативным аспектам влияния туристской индустрии на природу относятся:

- загрязнение окружающей среды из-за пребывания людей и формирования туристской инфраструктуры в районах, ранее мало подверженных антропогенному влиянию;

- повышение риска сознательного или случайного повреждения (уничтожения) геологических, палеонтологических и иных памятников природы;

- причинение вреда почвенно-растительному покрову тундры, на регенерацию которого требуется значительное время, в результате увеличения количества турмаршрутов и отсутствия их четкой систематизации (угрозу для почвенного слоя могут представлять пешие, гужевые и иные способы передвижения по нему, но наибольший урон наносит использование гусеничной техники);

- истощение биоресурсов из-за влияния природоориентированных видов туризма — охоты и рыбной ловли (непрофессиональные действия участников могут приводить к гибели выловленных особей даже при организации рыбалки по принципу «поймал — отпусти»);

- нарушение экологического равновесия по причине интенсивного сбора дикоросов, который может осуществляться самими туристами или организовываться турбизнесом для обеспечения гастрономического своеобразия дестинации;

- увеличение вероятности возникновения экологических катастроф и другие подобные риски.

В качестве мер, способных снизить негативное влияние туризма на природу, можно назвать:

- усиление контроля государства и общества за соблюдением природоохранного законодательства;

- просветительская работа, направленная на повышение экологической сознательности всех участников туристской деятельности;

- регулярный мониторинг экологической обстановки на территориях, активно вовлеченных в туриндіустрию; оперативное реагирование в случае возникновения угроз или проблем;

- популяризация форм природоориентированного туризма, не связанных с изъятием ресурсов (различные виды экологического туризма, основанные в первую очередь на наблюдении); принятие ограничительных мер в случае нарушения природного баланса из-за чрезмерного потребления биоресурсов;

- деятельность (административная и просветительская) по систематизации туристских маршрутов с целью сокращения негативного воздействия на почвенный слой тундры; обеспечение территорий с высоким туристским трафиком инфраструктурой, направленной на сохранение природной среды (оборудованные экотропы и т. п.).

2. Проблемы использования историко-культурной среды в туриндіустрии.

Интеграция материального и нематериального историко-культурного наследия Арктики в туристскую деятельность сопряжена с рядом потенциальных угроз. Помимо опасностей, связанных с увеличением трафика и развитием инфраструктуры, схожих по своему генезису с проблемами, создаваемыми туризмом для экологии (риск изменения ценных культурных ландшафтов, повреждения или уничтожения памятников истории и археологии),

взаимодействие историко-культурной среды и туристической индустрии сталкивается с комплексом специфических вызовов.

Стереотипные представления об арктических территориях, существующие в массовом сознании, могут формировать определенные ожидания от их посещения. Так как туристский бизнес заинтересован, прежде всего, в удовлетворении потребностей клиента, это приводит к риску искажения истории и культурных традиций. Вульгаризация наследия коренных народов Арктики туристической индустрией, которая может осуществляться в том числе при участии представителей аборигенных этнических групп, приводит к постепенному стиранию различий между традиционным образом жизни, природопользованием и культурой — и стилизацией под них. Фальсификации также могут подвергаться материальные памятники: сакральные места, жилища и др.

Активно эксплуатируются туристическим квазиисторическим представлениям о существовании на арктических землях в доледниковый период развитых цивилизаций. В маркетинге могут использоваться отсылки к эзотерическим идеям об Арктике как о территории обладающей сверхъестественными свойствами. Сторонники продвижения данных концепций, зачастую, в качестве «артефактов древних культур» пытаются представить объекты природного происхождения или современные сооружения. Противовесом подобным тенденциям может стать активизация деятельности по выявлению, охране, реставрации и популяризации подлинных памятников истории, а также по сохранению и актуализации нематериального наследия аборигенного и старожильского населения. Представляется, что просветительская работа в этом направлении, в том числе среди представителей коренных народов, сможет оказать положительное воздействие только при наличии одновременных мер по стимулированию и поддержке традиционных форм природопользования и культуры.

3. Проблема доступности арктических направлений туризма.

Несмотря на указанные выше сложности, которые развитие туризма создает для арктических регионов, туристская деятельность является одним из немногих доступных способов диверсификации экономики данных территорий. Общественный запрос на посещение Арктики нашел отклик в бизнес-сообществе, но данная тенденция столкнулась с объективными трудностями, так как арктические районы являются одними из самых труднодоступных мест на Земле. Отсутствие железнодорожного и регулярного автомобильного сообщения со многими регионами Арктики, сложность морской навигации и авиаперелетов в высоких широтах стали сдерживающими факторами развития здесь массовой туристической индустрии.

Географическое положение, неразвитость транспорта и инфраструктуры гостеприимства, а также ценовая политика бизнеса, привели к тому, что туризм в значительной части Арктики оказался недоступен для большинства по причине очень высокой стоимости услуг. Если переход транспортной сети циркумполярного региона на качественно иной уровень является перспективой отдаленного будущего, то решение вопросов стимулирования и продвижения сравнительно доступных направлений арктического туризма, например локализованных на побережье Баренцева моря и близлежащих островах, (см. рис. 4), а также снятие административных ограничений на посещение

территорий в тех случаях, когда это является явным пережитком прошлого, может быть начато уже в настоящее время.

Бурно развивающаяся индустрия арктического туризма демонстрирует на сегодняшний день многообразие форм, типов и направлений. Объективно существующие в данной сфере трудности, обусловленные географической, климатической и экономической спецификой циркумполярного мира, дополняются негативными тенденциями, вызванными тем, что экологические и социально-культурные системы Арктики могут быть легко выведены из равновесия под воздействием внешних факторов. Перечисленные вызовы ставят перед туристской индустрией задачу формирования экономически рентабельной, устойчивой модели ее существования и развития, учитывающей интересы всех заинтересованных сторон: международных организаций, государств, коренного и старожильского населения, локальных социумов и субъектов бизнеса.

Рис. 4. Кильдин — один из самых доступных островов российской Арктики.
Кольский район, Мурманская обл. (фото А. А. Бертош, 2018)

Список источников и литературы

Арктический туризм в России: научно-справочное издание / отв. ред. Ю. Ф. Лукин. Архангельск: САФУ, 2016. 256 с.

Белевских Т. В. Особенности северного туристического продукта // Арктический дизайн: актуальные проблемы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием 28–31 октября 2014 г. / отв. ред. Т. В. Ашутова. Мурманск: МАГУ, 2015. С. 68–71.

Белевских Т. В., Иванова М. В., Бертош А. А. Туристская привлекательность прибрежных поселений Арктической зоны (на примере села Териберка

Мурманской области) // Арктические берега: путь к устойчивости: материалы конф. / ред. коллегия: Е. А. Румянцева (отв. ред.), Г. Г. Гогоберидзе (зам. отв. ред.), М. А. Князева. Мурманск: МАГУ, 2018. С. 366–369.

Васильева И. О., Муратова М. Н. Развитие туризма в Арктике // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11 (53), ч. 2. С. 78–83.

Голубчиков Ю. Н., Кружалин В. И. Арктический туризм // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. № 3. С. 96–98.

Желнина З. Ю., Белевских Т. В. Арктический туризм. Мурманск: Баренц-Пресс, 2018. 180 с.

Жигунов А. Ю. Медиаконцепт «Арктика»: методологические подходы к исследованию // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 64–70.

Лукин Ю. Ф. Этнокультурный ландшафт Российской Арктики: от концептуализации знаний к управлению конфликтами // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 118–143.

О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года // Правительство России: офиц. сайт. URL: <http://government.ru/info/18360/> (дата обращения: 14.10.2019).

Орлов И. Б. В «Стране ледяного ужаса»: научно-туристская экспедиция «Интуриста» в Арктику в 1931 году // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10, № 4. С. 31–40.

Путеводитель по Северу России (Архангельск, Белое море, Соловецкий монастырь, Мурманский берег, Новая Земля, Печора) / сост. Д. Н. Островский. СПб.: Издание Товарищества Архангельско-Мурманского пароходства, 1898. 145 с.

Харлампьева Н. К. Эволюция понятия «Арктика» // Наука и образование. 2014. № 3. С. 5–8.

Сведения об авторе

Бертош Андрей Александрович
аспирант ФИЦ КНЦ РАН

Bertosh Andrey A.
postgraduate of the FRC KSC RAS

Л. А. Кузнецова

УСТАНОВКИ ЖИТЕЛЕЙ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПОЛУЧЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

Социальная установка на получение высшего образования складывается из взаимосвязи личностных характеристик, субъективных предпосылок и предпочтений (мотивов, целей, интересов) представителей различных социальных групп населения Мурманской обл. с их объективными социально-демографическими и социокультурными характеристиками в условиях социального неравенства, географической удаленности региона от главных образовательных центров страны, а также относительно однобокой региональной специфики местного образования. Акцентируется внимание на различии социальных установок по социокультурному признаку и в контексте социального взросления — между бывшими абитуриентами советского периода и современными поколениями поступающих в вузы или средние учебные заведения, а также отмечается взаимосвязь социальной установки абитуриента с образовательной стратегией его семьи. При изучении позиции по этому вопросу у современных абитуриентов и студентов используются отзывы респондентов старшего поколения о собственных детях и внуках и их ровесниках, вступивших в студенческий возраст. Сделан вывод о наибольшей распространенности и эффективности для самого абитуриента социальной установки ситуативного типа с амбивалентной модальностью и с наиболее ярко проявляющей себя в моменты выбора ценностно-выразительной функцией, что свидетельствует о склонности человека, делающего подобный выбор, к высокому уровню рассудительности и гибкому анализу обстоятельств, приводящих к тому или иному выбору уровня образования.

Ключевые слова:

высшее и среднее образование, социальная стратификация, социальная установка (аттитюд), социально-демографические, социокультурные и личностные факторы.

Larisa A. Kuznetsova

ATTITUDES OF VARIOUS SOCIAL GROUPS OF THE POPULATION IN MURMANSK REGION TO OBTAIN HIGHER EDUCATION

Abstract

The social orientation towards higher education is composed of the relationship of personal characteristics, subjective prerequisites and preferences (motives, goals, interests) of representatives of various social groups of the population of the Murmansk region with their objective socio-demographic and sociocultural characteristics in conditions of social inequality, the region's geographic distance from the main educational centers of the country, as well as the relatively one-sided regional specifics of local education. Attention is focused on the difference in social attitudes according to sociocultural grounds and in the context of social maturity - between former applicants of the Soviet period and modern generations entering universities or secondary schools, as well as on the relationship of the social setting of the applicant with the educational strategy of his family. When studying a position on this issue among modern applicants and students, the feedback of older respondents about their children and grandchildren and their peers who have entered college age is used. The conclusion is drawn about the greatest prevalence and effectiveness for the very applicant of a situational type of social setting with ambivalent modality and with the most expressive value-expressive

function at the time of selection, which indicates the tendency of the person making this choice to a high level of reasonableness and a flexible analysis of circumstances, leading to a choice of educational level.

Keywords:

higher and secondary education, social stratification, Social attitude (attitude), socio-demographic, sociocultural and personal factors.

Введение

В области получения качественного высшего образования особый вид препятствий и социального неравенства формирует географическая обособленность отдельных групп населения, в первую очередь — проживающих в сельской местности [Латова, Латов, 2010: 160] и в небольших городах, расположенных в существенно удаленных от главных образовательных центров страны географических точках. Такая ситуация характерна для городов Мурманской обл., которая, как и другие регионы страны, является сосредоточением людей из самых различных социальных групп населения по полу, возрасту, роду занятий и уровню доходов, а также по социально-психологическим и социально-экономическим характеристикам и личностным качествам. Социальные и личностные свойства определяют различия представлений о выгоды, практичности, целесообразности высшего образования, они стимулируют желание повысить уровень образования либо препятствуют ему. Субъективные характеристики людей из различных слоев населения играют ключевую роль в конечном выборе: будет ли человек получать высшее образование. Взаимосвязь субъективных предпосылок и предпочтений различных социальных групп населения (мотивов, целей, интересов и т. д.) с их объективными социально-демографическими и культурно-этническими характеристиками представляют собой социальные установки различных слоев населения Мурманской обл.

Проблема, поднятая в исследовании, связана с тем, что существует объективное неравенство возможностей получения высшего образования у выпускников 11-х классов, у людей старших возрастных категорий такая возможность также нередко отсутствует или ограничена. Способы адаптации к ситуации у желающих получать высшее образование различны, как и формы борьбы с ней.

Целью предпринятого исследования было определение видов социальных установок (аттитюдов), влияющих на желание и возможность людей из различных социальных групп Мурманской обл. получить высшее образование, а также соответствующих этим аттитюдам модальностей, функций и типов социального действия, представленных в теории М. Вебера.

О предмете, понятийном аппарате и методах исследования

В первую очередь необходимо сделать пояснение относительно структуры, видов и функций предмета настоящего исследования, рассматриваемого рядом социологов и социальных психологов. Природа социальной установки (аттитюда) двойственна, данное явление изучается на стыке социологии и психологии, социальной психологией. Социально-психологический смысл социальной установки, на который в первую очередь опирается большинство изучающих данный феномен исследователей, раскрывается в определении Г. Олпорта: “a mental and neural state of readiness, organized through experience, exerting a directive or dynamic influence upon the individual’s response to all objects and situations with which it is related”

(«состояние психонервной готовности, сложившееся на основе опыта и оказывающее направляющее и (или) динамическое влияние на реакции индивида относительно всех объектов или ситуаций, с которыми он связан») [Asiegbu et al., 2012: 38]. Социологический смысл понятия социальной установки трактуется как «общая ориентация индивида или группы на определенный социальный объект, предшествующая непосредственному действию и выражающая предрасположенность действовать в отношении объекта определенным образом» [Савельев, 2015: 140].

Согласно функциональной теории Д. Каца, установка изучается с точки зрения потребностей, которые она удовлетворяет, соответственно выделяются четыре функции социальной установки: адаптация, защита эго, выражение ценностей и выражение знания [Katz, 1960: 163–204]. Адаптация связана с необходимостью обеспечить максимально благоприятное положение человека в социальной среде, в этом случае положительные установки вырабатываются по отношению к благоприятным стимулам, а отрицательные — к источникам неприятных стимулов. Защита эго необходима для поддержания внутренней устойчивости личности и обозначает отрицательные установки к тем лицам, действия которых могут послужить источником опасности для целостности личности. С потребностями в личностной устойчивости связана и функция выражения ценностей, о чем может свидетельствовать тот факт, что положительные установки вырабатываются, как правило, в отношении представителей своего личностного типа. Выражение, организация знания, мировоззрения — это функция, благодаря которой установки вырабатываются по отношению к знаниям о мире, включающим научные и обыденные представления.

Социальные установки могут быть четырех видов: 1) социальная установка на объект — готовность индивида вести себя конкретным образом; 2) ситуативная установка — готовность вести себя определенным образом по отношению к одному и тому же объекту по-разному в разных ситуациях; 3) перцептивная установка — готовность видеть то, что человек хочет видеть; 4) частные (парциальные) и общие (генерализованные) установки. Частными называются установки, в соответствии с которыми человек в своем личном опыте имеет дело с единичным, отдельным объектом. Обобщенными установками называются те из них, что направлены на совокупность однородных объектов. Они обязаны своим происхождением массовой и межличностной коммуникации и служат фактором упрочения установок индивида, потому что укрепляют правильность его собственных установок и поощряют в дальнейшем обращение за информацией к тому же источнику, выслушивание мнений, согласующихся со взглядами самого индивида [Дружинина, 2009: 656]. В этой связи важно отметить, что установка на объект — всегда частная, в то время как перцептивная установка становится общей тогда, когда большое количество объектов является объектами социальных установок. Процесс перехода от частной установки к общей идет по мере увеличения числа объектов.

В работе «Психология коммуникации» О. А. Гулевич [2007: 384] упоминает об определенной в 1942 г. М. Смитом трехкомпонентной структуре аттитюда, в которой выделяются:

а) когнитивный (познавательный) компонент — обнаруживается в виде мнений, утверждений относительно объекта установки, а также в виде знаний и свойств, назначения, способов обращения с объектом; примером проявления

когнитивного компонента в структуре аттитюда может служить установка на отношение к утренней зарядке, состоящая из представлений человека о ее преимуществах, пользе (поддержание хорошей физической формы) и недостатках, неудобствах, связанных с данной социальной практикой, к примеру, о необходимости рано просыпаться;

б) аффективный (эмоциональный) компонент — отношение к объекту, выраженное на языке непосредственных переживаний и чувств, которые он вызывает; оценки «нравится» — «не нравится» или амбивалентное отношение; проявление эмоционального компонента в предыдущем примере — радость или раздражение в зависимости от приоритета важности преимуществ или недостатков (неудобств), связанных с указанной социальной практикой;

в) поведенческий (конативный) компонент — готовность индивида к осуществлению конкретной деятельности (поведения) с объектом; в случае с отношением к утренней зарядке индивид предстает перед выбором: соблюдать или не соблюдать данную практику, если соблюдать, то с какой периодичностью, и т.д.

Изменение установки может происходить под влиянием информации о том, что объект соответствует интересам и нуждам индивида в большей степени, чем тот предполагал раньше. В результате оценка объекта может меняться с отрицательной на положительную, а вслед за ней меняется и поведение индивида. Свое влияние на поведение и деятельность установка проявляет как практический определитель вещей и явлений, на которые направлены жизненные интересы человека и которые нежелательны, неприятны для него. Соответственно, различают виды установок по их модальности: положительные, отрицательные и нейтральные [Дружинина, 2009: 656]. Однако существуют и амбивалентные социальные установки, указывающие на противоречивое отношение к объекту при рассмотрении с разных точек зрения и на то, что индивид в определенной ситуации готов вести себя как положительно, так и отрицательно. Ссылаясь на целый ряд исследователей (Армитаге [Armitage], Цоннер [Conner], Чаикен [Chaiken], Ятес [Yates], Спаркс [Sparks], Йонас [Jonas], Броемер [Broemer], Дизл [Diehl], Маио [Maio], Финчем [Fincham], Лыцетт [Lycett] и др.), О. А. Гулевич уотмечает, что противоречия внутри амбивалентной установки могут быть: а) между разными компонентами, б) внутри одного компонента и в) между одним компонентом и общей оценкой. Чаще всего встречается противоречие между когнитивным и эмоциональным компонентами. Например, человек может считать змей полезными, но бояться их. В этом случае когнитивный компонент подразумевает хорошее отношение к змеям, а эмоциональный — плохое. Противоречие между разными компонентами аттитюда приводит к нескольким положительным последствиям: как правило, такие суждения менее категоричны в сравнении с однозначно положительными или отрицательными установками, а люди с амбивалентными аттитюдами более склонны к осмыслению происходящего, тщательнее анализируют новую информацию, чем люди с непротиворечивыми установками. Второй тип амбивалентности — противоречие внутри одного компонента аттитюда. Например, человек может испытывать по отношению к представителям определенной социальной группы как положительные, так и отрицательные эмоции. В этом случае говорят об амбивалентном эмоциональном компоненте. То же самое касается и когнитивного компонента [Гулевич, 2007: 384].

Взаимосвязи установки, ее функции и соответствующего ей типа социального действия можно рассмотреть в контексте проблемы соотношения объективных и субъективных факторов, оказывающих влияние на выбор образования. Помимо таких факторов, как материальное положение семьи абитуриента и состояние образовательной инфраструктуры в месте его проживания, сильное влияние на выбор учебного заведения оказывает позиция родителей поступающего. Все перечисленные факторы составляют образовательную среду, которая определяет семейную стратегию по выбору образовательных перспектив абитуриента. Как отмечают исследователи, само понятие «образовательная среда» подчеркивает факт множественности воздействий на личность и охватывает широкий спектр факторов, определяющих воспитание, обучение и развитие личности. В жизни человека на разных ее этапах сосуществуют различные образовательные среды, образуя для каждого динамичное индивидуальное культурно-образовательное пространство [Казакова, 2011: 67]. В то же время под образовательной (семейной) стратегией, характерной для каждой семьи, понимается создание условий для раскрытия и развития возможностей ребенка, а также формирование его мотивации к самопознанию, саморазвитию, образованию и способностей, направленных на становление его личности и индивидуальности [Казакова, 2009: 164].

Проблема социального взросления как «процесса приобретения молодым человеком определенного социального статуса, связанного с воспитанием, получением образования, профессии, социализацией личности, достижением гражданской зрелости» [Терминологический..., 2005, ЭР] определилась в качестве одного из важнейших факторов, способных изменять социальные установки на образование, не случайно. Феномен социального взросления связан с очевидными различиями в данном поле общественной жизни между современными молодыми людьми от 18 до 35 лет и поколением, у которых тот же возрастной промежуток пришелся на 1970–1980-е гг. В сегодняшнем обществе, особенно среди бывших советских студентов, бытует мнение, что современные молодые поколения того же возраста значительно уступают бывшей советской молодежи по большинству социально-поведенческих позиций: уровню ответственности за свои действия, особенно в рабочей и учебной среде; умению приспосабливаться к недавно создавшимся условиям, резко отличающимся от предыдущих; способности выполнять трудную и не всегда приятную работу. На практике по этому поводу среди людей старшего поколения наблюдаются разногласия. Понятие социального взросления обладает набором признаков, которые, при смене общественно-государственного устройства и общественного образа мышления, сильно отличающихся друг от друга, усиливаются или ослабевают. Таким образом, уровень социальной зрелости представителя студенческой молодежи и ее оценка (как самими абитуриентами, студентами и выпускниками высших и средних учебных заведений, так и членами их семей) является дополнительным весомым фактором, оказывающим существенное влияние на выбор образования.

Наиболее характерным методом изучения аттитюдов является применение шкал измерения социальных установок (шкалы по Л. Терстоуну, Р. Лайкерту, Л. Гутману, шкала социальной дистанции Е. Богардуса и др.), которые занимают особое место среди тестов в социально-психологических исследованиях. Они позволяют количественно измерять направленность и интенсивность психологической готовности личности к определенному

поведению по отношению к различным социальным категориям стимулов (работе, политике, социальным группам и т. д.). Шкалы установок, в отличие от опросов, измеряют одномерную изучаемую переменную, а не распределение мнений. Однако одной из сложностей использования этих шкал является необходимость предварительного определения специальной процедуры их построения [Дружинина, 2009: 656], в связи с чем исследователю представляется более доступным и результативным применение двух качественных методов — глубинных полуструктурированных интервью и контент-анализа на основе полученных данных.

В результате проведения: а) интервью с четырьмя информантами — жителями г. Апатиты, по возрастным и профессионально-статусным группам относящимися к поколению, период студенчества которых приходился на 1970-е гг. (1950–1960-х гг. рождения¹⁶) и б) контент-анализа полученных данных — были выявлены взаимосвязи, указывающие на те или иные социальные установки не только самих информантов как бывших студентов, обучение которых происходило в советский период (со всеми усвоенными, характерными для прошлой системы образования ценностями в отношении качества образования и путей его выбора), но и на социальные установки нынешних студентов, которые можно обнаружить исходя из информации о респондентах, принадлежащих к современным поколениям школьников и студентов.

Результаты

Результаты исследования демонстрируют в первую очередь влияние семьи на изучаемые социальные установки бывших и современных абитуриентов/студентов Мурманской обл.

Информантам были заданы вопросы:

1. Было ли достаточно сильным влияние на Ваш выбор мнения членов семьи, друзей, учителей, одноклассников, коллег?
2. Как Вы думаете — по каким причинам, с какими целями и исходя из каких ценностей Ваша семья и ближайшее окружение стремились повлиять на Ваш выбор?
3. Вы чаще противились воздействию семьи и ближайшего окружения на Ваш выбор вуза или прислушивались к их мнению?
4. Какие причины, цели и ценности побуждали Вас прислушиваться к мнению других или отстаивать свое решение и реализовывать его?

По ответам можно определить некоторые социальные установки и типы социального действия, выражающегося в предпосылках принятия решения о поступлении в то или иное учебное заведение. Ответы на данные вопросы показывают, что информант 1 не вдавалась в интенсивные размышления по поводу выбора образования, поскольку ее отношения с родителями строились на полном взаимопонимании и добровольном следовании их рекомендациям (аналогичная ситуация была в семье информанта 3), поэтому обе опрошенные в во многих аспектах добровольно подчиняли свой выбор их совету:

У моего отца было высшее образование, и мама тоже могла бы получить высшее образование, просто у нее в свое время не было финансовой

¹⁶ Основные социально-демографические характеристики информантов см.: Список информантов.

возможности, <...> меня как-то всегда воспитывали в такой атмосфере, и я сразу понимала, что буду получать высшее образование, <...> я просто в такой атмосфере воспитывалась и жила, общалась с такими людьми, и родители мои тоже общались с такими людьми, то есть такой у семьи круг общения просто был (Инф. 1);

Я чаще прислушивалась к их мнению, но, прежде всего, особенно прислушивалась к мнению бабушки, которая всегда была особым авторитетом для меня <...> Хотя прежде всего, я слушалась какого-то своего внутреннего выбора, но выбор этот был изначально предзадан, <...>. К мнению других я всегда прислушивалась, потом все анализировала, примеряла на себя, взвешивала, <...>. Просто они высказывали свое мнение аргументированно, приводили какие-то свои доводы, примеры, и я потом все взвешивала и принимала решение, ну а они потом со мной соглашались в конечном итоге (Инф. 3).

Утверждать данный факт все же следует с небольшой оговоркой. Несмотря на то, что добровольному следованию советам членов семьи в вопросе выбора в пользу высшего образования в основном послужил общий уровень образования семей (и в том, и в другом случае почти все члены семьи и даже их ближайшее окружение имели высшее образование и ученые степени), тем не менее информант 3 отмечала, что в отдельные моменты отстаивала свое решение до поступления в вуз в связи с иррациональными причинами, которые действительно могли бы создать проблемы, если бы она последовала рекомендациям родителей. Это также можно считать частным проявлением:

Вот выбор я еще один интересный реализовала, когда уперлась и все-таки не смогла пойти навстречу родителям, во второй или в третий класс меня хотели перевести, в школу с углубленным изучением английского, это была элитарная школа <...>, одна моя подруга, она поддалась мнению родителей, она была уж очень послушная, и ее мама туда отвела, и спустя много лет она мне призналась, что это были, по сути, несчастные годы ее учебы, потому что там, в элитарной школе, оказалась очень сильная иерархия, снобизм, а она, воспитанная достаточно мягко, интеллигентно в своей семье, в школе этой она оказалась совершенно забитым ребенком, что очень сильно сказалось потом на ее самооценке, <...>возможно, та тяжелая, высокомерная психологическая атмосфера сказала бы еще хуже, чем трудности с английским, потому что у меня всегда было стремление к психологическому комфорту. Это как раз то, что моя мама всегда понимала, и это у нее тоже был главный мотив (Инф. 3).

В то же время информанты 2 и 4 отмечали, что не испытывали на себе даже легкого давления на принятие решения о поступлении со стороны членов семьи, поскольку у тех были жизненные приоритеты, мало связанные с получением образования. Однако важно отметить, что эта свобода выбора объяснялась вдохновением от примера «значимых других» лиц в их жизни, таких как друзья и педагоги, а также аффективно обусловленными, сугубо личными интересами, ассоциациями и склонностями:

Ну а вот почему именно химик-лаборант? Ну, я не знаю... видимо, потому что изначально хотела быть медиком, а тут тоже, по сути, белые халаты, наверное по этой причине... И когда я отучилась, мне очень

понравилось, и теперь всю жизнь проработала в этой сфере, сейчас вот на пенсии не так давно. <...> первоначально я хотела по медицинской специальности идти, но так получилось, что мы с подружкой переиграли, обсудили еще раз эту возможность выбрать между двумя специальностями, и все-таки быстренько уехали туда, в смысле, в Кингисепп, и я об этом совсем не жалею в общем-то, у меня все сложилось в жизни, я получила среднее образование, с хорошим дипломом, у меня было стремление иметь высшее образование (Инф. 2);

<...> очень хотелось учить детей, то есть быть или воспитательницей в детском садике, или уже учительницей в начальных классах, <...> очень сильно на меня повлияло мнение моего первого учителя, <...> он просто очень хорошо учил, и я вдохновилась этим примером, я пыталась быть на него похожей (Инф. 4).

Налицо проявление следующих типов социальных действий при выборе образования и учебного заведения на фоне влияния семьи и ближайшего окружения: выбор информанта 1 можно охарактеризовать как целерациональный и частично традиционный, выбор информанта 3 — частично целерациональный и ценностно-рациональный, выбор информантов 2 и 4 — ценностно-рациональный и частично аффективный. Что касается типологии социальных установок, то все четверо руководствовались влиянием традиции, привычек (в наибольшей степени это проявилось у информантов 1 и 3), нравов и этикета (яркое проявление руководства ими — у респондентов 2, 3, 4).

Можно выделить основные различия образовательных стратегий членов семьи каждого из информантов, которые оказали существенное влияние на их выбор в области получения образования. Хотя воспитание гармонично развитой личности и достижение детьми высокого образовательного уровня в идеале являлось основным ценностным ориентиром в большинстве семей информантов, в каждой из них превалировало влияние разных компонентов родительской образовательной стратегии. Так, в семьях информантов 1 и 3 заметно преобладающее воздействие ценностного и эмоционально-психологического компонентов (внимание родителей акцентируется на прямом или косвенном, «по умолчанию», но достаточно непринужденном побуждении к повышению социального статуса и интеллектуального, культурного уровня детей (либо к достижению его до той же отметки, что и у родителей), а также на заботе родителей бывших советских абитуриентов об их психологическом благополучии в период обучения, обусловленным психологическим климатом и качеством образования в том или ином образовательном учреждении и о приличествующем уровне бытового комфорта во время проживания в том или ином городе, где располагаются выбранные некогда учебные заведения. В семье информанта 4 заметно проявляется материальный (предметный) компонент образовательной стратегии, поскольку недостаточный уровень материального достатка семьи и проживание в условиях деревни не позволили ей получить высшее образование. Проявление субъектного компонента, основанного в первую очередь на культурно-образовательном уровне родителей, одинаково свойственно семьям всех четырех информантов.

Таким образом, зависимость социальных установок бывших советских абитуриентов от образовательных стратегий их семей выглядит следующим образом: информанты 1 и 3 осознанно стремились к получению высшего

образования и реализовали данную цель, будучи воспитанными в семьях, где необходимость получения высшего образования подразумевается сама собой (при отсутствии прямого давления, предоставлении права на свободный выбор и приемлемых жилищно-материальных условиях), тогда как в семьях информантов 2 и 4 о влиянии семьи не сообщается и ситуация сложилась по-разному. В случае информанта 2 решающую роль полностью сыграл личный выбор, а в случае информанта 4 материальный фактор определил вынужденный отказ от повышения образования.

Три функции социальной установки из четырех по-разному определяют выбор информантов. Приспособление к источникам неприятных стимулов (попросту смирение с действительностью) способствовало решению информанта 4 принять невозможность поступления в педагогический вуз и стать школьным учителем. Ценностно-выразительная функция ярче всего проявляется в выборе информантов 2 и 3, она проявлялась и у информанта 4 — до момента осознания невозможности реализовать свой выбор, так как мотивацией служил пример отношения ее школьного учителя к своей работе. В то же время некоторые показания информанта 3 можно объяснить, скорее, не добровольным, а вынужденным характером сопротивления, хотя и не без возможного интуитивного вмешательства, своего рода опасением, аффективным действием, поскольку: а) родители информанта рекомендовали поступать в вуз родного города, так как уровень преподавания на тот момент там был высоким, а Санкт-Петербургском вузе (наименование «Санкт-Петербургский» дано самим информантом, вуз на момент потенциального обучения информанта в нем был Ленинградский), в пользу которого был сделан первоначальный выбор, конкурс был недостижимо высоким:

<...> родители не захотели, чтобы у меня произошла психологическая травма, если я не поступлю в Санкт-Петербурге (Инф. 3);

б) выбор информантом 3 школы в детстве был обусловлен необъяснимым ею самой сопротивлением совету родителей; в) это сопротивление оказалось не напрасным. Таким образом, в данном случае проявила влияние эгозащитная функция социальной установки, обозначающей отношение к лицу или объекту, воздействие которых могут послужить источником опасности для целостности личности.

Социальные установки информантов проявились в ответах на вопрос об отношении к переезду в другой город с целью обучения. Высказывания информанта 1 можно интерпретировать как следствие доминирующего влияния целерационального поведения, а также как действие функции приспособления, выбора между аффективной предрасположенностью к дому и целенаправленным, осознанным, рациональным выбором ехать в другой город:

<...> Мне, естественно, пришлось уехать из дома, <...> относилась я к этому как к осознанной необходимости, <...> но по дому, конечно, скучала (Инф. 1).

В случае информанта 2 ситуация несколько иная. Выбор, аналогичный решению информанта 1, здесь определяется уверенностью в стабильном уровне жизни и спокойной повседневности после переезда. Эта уверенность детерминировалась внешними факторами: политико-идеологическими и социально-политическими особенностями качества жизни общества в 1970-е гг., в том числе и в отношении социального обеспечения студентов, школьников:

<...> нам было <...> немного страшно ехать в другой город, но у нас было больше смелости покинуть родной город только потому, что я точно знаю, что попаду там тоже в хорошие руки и там все тоже будет хорошо, то есть я буду учиться, жить в общежитии, я знала, что вся эта система обо мне позаботится, <...> Тогда мы это все очень четко знали (Инф. 2).

Таким образом, данный выбор связан с функцией организации мировоззрения.

Информант 3 объясняет свою мотивацию к переезду в другой город причиной, раскрытой с помощью ранее описанной категории анализа. Однако здесь допускается возможность иного способа действия, несмотря на то, что выбор уже давно сделан. Такая позиция объясняется наличием ситуативной и одновременно амбивалентной социальной установки — обобщенной готовностью в любой момент изменить свое решение:

<...> если бы у меня было желание уехать куда-то в другой город, тогда вроде бы была такая возможность, и внеконкурсное поступление, то есть тебе давали направление в республике, если ты хорошо учишься, я имею в виду Карельскую республику, конечно, — то ты можешь в этом случае выбрать из нескольких вузов (Инф. 3).

Информант 4 осознает объективное отсутствие возможности переехать в другой город для получения послешкольного образования:

<...> Мне не приходилось переезжать в другие города с тем, чтобы куда-то поступить, потому что с высшим образованием у меня, к сожалению, в целом не сложилось (Инф. 4).

Реплика свидетельствует о стремлении свыкнуться с внешними обстоятельствами, то есть о конкретном случае в негативной коннотации — частной установке негативной модальности, ключевой функцией которой здесь является приспособление к существующей ситуации.

Что касается влияния на рассматриваемые установки такого фактора, как уровень социального взросления, интервью подтверждают: в современном обществе человек, стремясь самоопределиться как полноценно сформированная личность, обнаруживает у себя те признаки социального взросления, которые отсутствовали у представителей предыдущих поколений, поскольку в этом в то время не было необходимости, и одновременно ощущает себя «социально незрелым» в иных областях, умениях и навыках, актуальных в наши дни. Согласно мнению информанта 1, сегодняшняя студенческая молодежь замедлила темпы своего социального взросления, что особенно проявляется в отношении к получению образования, тем более высшего:

<...> нынешнее поколение, мне кажется, немножко инфантильное, оно взрослеет позже, чем, скажем, наше поколение взрослело, <...> этот возраст инфантильности, детства и безответственности у нынешней молодежи как будто немного растянулся, <...> поэтому многие школьники поступают или многие студенты продолжают учебу в магистратуре только затем, чтобы как можно подальше отодвинуть время взросления, поиска работы, а не для того, чтобы получить определенные знания и умения и чтобы потом реализовать с их помощью себя в этой жизни, <...> чтобы как будто

продолжить, протянуть детство еще лет на пять, <...> как было в школе, то же продолжается и в вузе. Просто в школе платило государство, а в вузе — мама с папой платят, и можно еще лет пять побездельничать (Инф. 1).

С другой стороны, некоторые представители бывшего советского студенчества (среди них — родители сегодняшних выпускников школ и студентов средних и высших учебных заведений) стараются оправдать проблематичность быстрого саморазвития современной молодежи, объясняя её острой необходимостью поспешно развивать другие показатели социального взросления. К ним, прежде всего, относится умение совмещать работу с учебой, что заставляет одновременно соблюдать двойные требования: качественного выполнения рабочих заданий и высокого уровня успеваемости в университете или колледже. Кроме того, молодежи дополнительно приходится адаптироваться к непредсказуемости дальнейшей жизни и требований в их адрес на фоне общего снижения качества образования. Этой позиции придерживаются информанты 2 и 3:

<...> я считаю, что сегодняшней молодежи действительно приходится очень трудно, <...> приходится с ранних школьных лет, по сути, с детства, самостоятельно себя настолько организовать, быть таким взрослым уже, чтобы четко понимать, для чего тебе все это надо, <...> Поэтому не только от них это зависит, <...> они еще и по возрасту как бы «не открылись», «не поняли себя до конца», <...> если, например, кто-то решается идти в вуз в тридцатилетнем возрасте, то он уже четко осознает наперед, что ему надо и что ему примерно ждать от этого образования, куда лучше идти работать из того, что может предложить эта профессия, <...> а когда ты поступаешь в семнадцать-восемнадцать лет, по сути, просто школьник еще — наивный и малоорганизованный, то еще понятия не имеешь, что делать со всеми этими обстоятельствами, которые так внезапно и сразу свалились на голову, <...> не знаешь еще, как все распланировать, чтобы потом не жалеть, <...> часто же такое сейчас случается, что студент оказался недоволен специальностью или только после выпуска выяснилось, что ты с таким дипломом почти нигде и не требуешься, это может сильно разочаровать, ввести человека в уныние (Инф. 2); <...> при совмещении учебы и работы дети сейчас по-своему достаточно рано взрослеют <...> мы имели возможность быть в этом плане детьми очень долго, — до тех пор, пока хотим учиться и продолжать повышать образование <...> отчасти, конечно, ради своей цели или там для помощи кому-то, все же необходимо учиться преодолевать трудности и нежелание делать что-то не очень приятное, и сейчас, действительно, есть много такого, что хоть как-то дает возможность еще побыть около родителей по доброй воле, но все равно в условиях такой жесткой нестабильности, как сейчас, вы все равно вынуждены быстрее взрослеть, подстраиваться под постоянные и внезапные изменения, и морально в том числе (Инф. 3).

Итак, можно обнаружить, что ценностно-выразительная функция присуща двум совершенно разным социальным установкам — обобщенной негативной у информанта 1 и ситуативной у информантов 2 и 3, различающейся у них только в отношении модальности установки — негативной (проявление искреннего сочувствия) у респондента 2 и амбивалентной (видение компромиссных моментов в данной проблеме) у респондента 3.

Среди категорий анализа, с помощью которых выявились данные о деталях повседневных сюжетов в образовательных учреждениях советского периода, наиболее актуальны те, которые содержательно раскрывают тему преимуществ и недостатков советской и современной систем образования. Чаще всего как преимущество системы прошлого отмечается бесплатное высшее образование, что в советские годы считалось одним из высших социальных достижений, и одновременно указываются такие ее недостатки, как слабые возможности для обучения иностранным языкам, непомерно высокие конкурсы во многие вузы и при наборе в аспирантуру (мнение респондентов 1 и 3). Перечень изъянов современного образования, судя по мнению информантов, вполне ожидаемо обширен:

Сейчас один из основных недостатков в том, что почти никто из учителей или из преподавателей не старается научить и не может вызвать к теме действительно неподдельный интерес. Он всего лишь преподносит тему в нескольких штрихах, даже порой не уточняя достаточно важные моменты, а ученик, студент должен все это схватывать сам, сам — пытаться понять так, как пытается донести преподаватель, а не как-то по-своему, потому что, ну, это же часто ошибочно получается... и сам же — развивать желание изучить тему полностью, чтобы хорошо написать какую-то работу, вообще идти дальше, искать, вглядываться в глубины, <...> по возрасту еще не хватает ответственности и соображения в плане мгновенной идеи, <...> с чего начинать, в каком виде представлять преподавателям <...> все это становится ежедневными и довольно серьезными испытаниями на прочность, без стресса, конечно, не обходится <...> у современных молодых людей свобода полная, но и вся ответственность на них лежит, а человек это в таком возрасте еще не всегда способен осознать, прочувствовать, <...> мотивации им не хватает сильно учиться, не все понимают, зачем они вообще поступали, <...> можно сказать, студенты свое образование получают уже на производстве, а не в своем университете, во время самой практики, <...> все неявки, нежелание учиться, все такое вот тягостное состояние — все оно действительно возникает оттого, что слишком мало стало практики, а с теорией — передозировка, дети ею совсем не в меру перегружены, <...> Плохо, что дети сейчас вынуждены полностью сами искать, где им работать, <...> они и не понимают еще, куда они пойдут, кто их хотел бы взять вообще, потому что на работе обычно требуется, чтобы стаж минимум два года был, <...> И выходят они с учебы вроде бы уже специалистами, но нет практики, а значит, нет и опыта и негде, соответственно, устроиться (Инф. 2); <...> слабая успеваемость и проблемы с усвоением, пониманием новой информации из-за того, что сейчас появилась необходимость, потребность одновременно еще и работать, и разрываться между тем и другим, <...> в таком юном возрасте, <...> потому что тогда знания ты получаешь не систематически, это отрывочные знания, просто отдельные, разрозненные факты, которые не могут сложиться в общую картину, чтобы сформировался специалист, который действительно хорошо знает свое дело, <...> очень малое количество часов учебных, времени на контакт с преподавателем, <...> нужно, чтобы прошли какие-то годы и сменились поколения, чтобы студенты привыкли к тому, что они должны сами читать книжки и самообразовываться, <...> еще так сейчас складывается, мне это тоже

не нравится, когда студенты, можно сказать, вынуждены получать сразу несколько образований одновременно, но ни одно из них при этом не является по-настоящему глубоким. Например, некоторые ухитряются получать сразу два диплома — основной курс и, скажем, курсы переводчика. Хотя дополнительное образование дает больше возможностей устроиться на работу, но эти вещи не должны идти параллельно. Потому что я не очень понимаю, как в этом случае распределить время. Между двумя работами у нас часто приходится сейчас распределять режим дня, и то не все у нас еще так приспосабливаются. А что можно ждать от студентов восемнадцати-девятнадцати лет, которые могут полдня заниматься социологией, потом идти на английский язык, а потом идти, например, еще и на подработку? <...> А особенно меня не устраивает платное образование (Инф. 3).

Однако, согласно мнению той же информанта 3, современное высшее и среднее образование имеют несомненное преимущество в виде развитой сети Интернет и отдельных поисковых сайтов, которые являются сейчас главным средством массовой информации, в том числе в сфере образования. Так или иначе, особенности современного социального взросления, судя по высказываниям информантов, тесно взаимосвязаны со структурой института образования, а она, в свою очередь, напрямую зависит от изменений в общественно-государственном строе.

Заключение

На основе пилотажного исследования отзывов старших поколений, имеющих опыт обучения в высших и средних учебных заведениях в советский период, можно сделать вывод о том, что социально-демографическими характеристиками, которые более всего влияли на выбор высшего образования старшеклассниками и студентами советского времени, были место рождения и прописка в определенных населенных пунктах, а для современных выпускников 9-х и 11-х классов и студентов — это материальное положение. Вместе с тем общим и довлеющим фактором в обоих случаях было и остается мнение членов семьи абитуриента — вне зависимости от того, следует он ему или сопротивляется.

Из всех социальных установок, максимально влияющих на выбор в пользу высшего образования, самой распространенной — как в суждениях самих информантов, так и в приведенных ими высказываниях современных выпускников 11-х классов, студентов и выпускников вузов и средних учебных заведений, — является установка ситуативного типа с амбивалентной модальностью и с наиболее ярко проявляющей себя в моменты выбора ценностно-выразительной функцией. Это свидетельствует о склонности информантов гибко анализировать обстоятельства, приводившие их к тому или иному выбору.

Самыми адекватными методами решения сегодняшних проблем качества образования (и высшего, и среднего) могли бы стать меры по возврату всеобщего бесплатного высшего и среднего образования, а также усилия по налаживанию более четкой взаимосвязи между формированием перечней направлений подготовки в образовательных учреждениях и новыми социальными условиями рынка труда. В этом случае возобновится равенство доходов преподавателей и появится четкая вероятность того, что все больше выпускников вузов и средних учебных заведений будут получать гарантированную работу по своей специальности.

Список информантов

Информант 1 — жен., 1964 г. р., место жительства — г. Апатиты, образование — высшее техническое, род деятельности — инженер-конструктор.

Информант 2 — жен., 1960 г. р., место жительства — г. Апатиты, образование — среднее специальное естественно-научного профиля (лаборант химического анализа), род деятельности — пенсионер.

Информант 3 — жен., 1958 г. р., место жительства — г. Апатиты, образование — высшее гуманитарное, ученая степень доктора наук, род деятельности — научная и преподавательская работа.

Информант 4 — жен., 1961 г. р., место жительства — г. Апатиты, образование — среднее общее или среднее специальное (точные данные не были получены), род деятельности — продавец.

Список литературы

Гулевич О. А. Аттitudы и намерения // Психология коммуникации. М.: Моск. психолого-социальный ин-т, 2007. 384 с.

Дружинина Н. В. Методы социально-психологического исследования // Психология: учебник для гуманитарных вузов. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. 656 с.

Казакова К. С. Образовательная среда: основные исследовательские подходы // Труды Кольского научного центра РАН. 2011. № 3 (6). С. 65–71.

Казакова К. С. Образовательные стратегии современной семьи // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 64–76.

Латова Н. В., Латов Ю. В. Методология институционального неравенства в доступе к андрагогическому образованию // Terra Economicus. 2010. Т. 8, № 3. С. 64–81.

Савельев И. А. К вопросу о формировании и актуализации социальных установок субъектов управленческой деятельности // Социум и власть. 2015. № 1 (51). С. 23–28.

Терминологический ювенологический словарь, 2005 г. // Психоанализ, психология, педагогика: информ. портал. URL: <https://www.psyoffice.ru/6-913-vzroslenie-socialnoe.htm> (дата обращения: 22.01.2017).

Asiegbu I. F., Powei D. M., Iruka Ch. H. Consumer Attitude: Some Reflections on Its Concept, Trilogy, Relationship with Consumer Behavior, and Marketing Implications // European J. Business and Management. 2012. Vol. 4, No. 13. P. 38–50.

Katz D. The functional approach to the study of attitudes // Public Opinion Quarterly. 1960. Vol. 24. P. 163–204.

Сведения об авторе

Кузнецова Лариса Андреевна

старший лаборант Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Kuznetsova Larisa A.

Senior laboratory assistant of the Barents Centre of the Humanities FRC KSC RAS

ЮБИЛЕИ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
Anniversaries. Memorable dates

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.195-206

И. А. Разумова

**ПАМЯТИ ВЫДАЮЩИХСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Irina A. Razumova

**TO THE MEMORY OF OUTSTANDING RESEARCHERS
OF FOLK CULTURE**

В 2019 г. исполняется 100 лет со дня рождения двух Санкт-Петербургских ученых, имена которых вошли в историю отечественной этнографии и фольклористики. Сверстники, они долгие годы работали в одном институте — Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера). Жизненные траектории, темы исследований, экспедиционные маршруты этих ученых различались. Объединяют их место, эпоха, области знания, значительность научных достижений, но не только это. И Борис Николаевич Путилов, и Кирилл Васильевич Чистов в памяти всех, кто их знал, имеют очень высокую культурную репутацию. Представители академической школы и ленинградской (Санкт-Петербургской) интеллигенции, они поддерживали достоинство советской и российской гуманитарной науки, оставаясь и сегодня для коллег и учеников воплощением «того уровня поведения, на котором собственно научные и жизненные установки не различались, поскольку имели общее основание, определяемое таким понятием, как *порядочность*» [Байбурин, 2008: 499].

К. В. Чистов — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР / Российской академии наук.

Он родился 20 ноября 1919 г. в городе Детское Село под Петроградом (сейчас город Пушкин Ленинградской обл.). «Все вело меня к филологии и к фольклористике» — утверждал К. В. Чистов в своих воспоминаниях [Чистов, 2006: 33]. Родительскую семью он оценивал как «семью низовых интеллигентов», в ней был культ образованности и профессионализма, старший брат получал филологическое образование. Место рождения также располагало к увлечению филологией. Как говорил Кирилл Васильевич, «корни мои — детскосельские, царскосельские. Это один из городов, насыщенных литературными и историческими воспоминаниями. Это было важно для меня» [Тишков, 2008: 93]. О своей школе он писал, что в ней «были еще остатки старого учительства», а учителя продолжали быть частью культурно-образовательной среды «серебряного века». Преемственные связи с классической русской образовательной традицией сохранял и филологический факультет Ленинградского университета, на котором учился К. В. Чистов в 1937–1941 гг.: «В университете нас воспитывали филологами, а не просто литературоведами или лингвистами» [Чистов, 2006: 50].

Кирилл Васильевич Чистов (20.11.1919–29.10.2007)

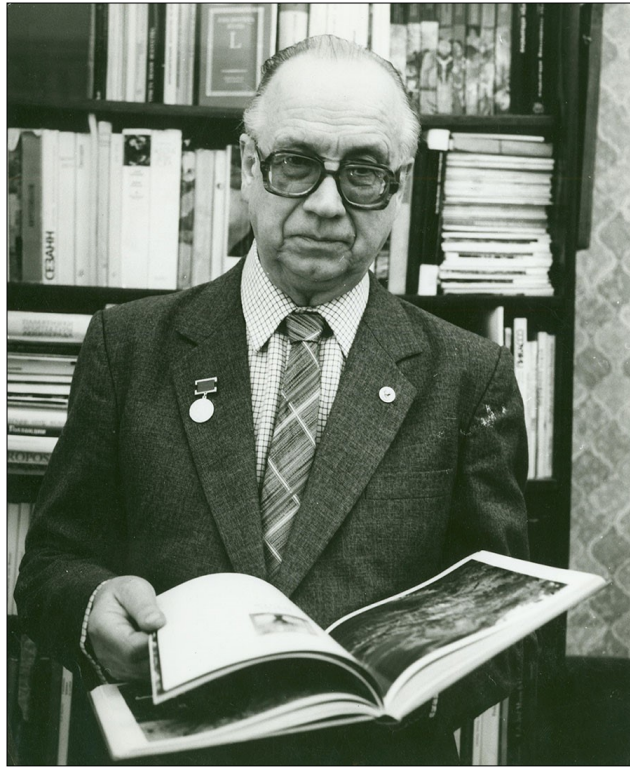

Рис. 1. К. В. Чистов [Этнографы и фольклористы, ЭР]

Путь К. В. Чистова в фольклористику во многом определил его научный руководитель М. К. Азадовский, а первая экспедиция в Пудожский район Карелии летом 1938 г. и встреча со сказителем И. Т. Фофановым сформировали научные интересы. Они на долгие годы оказались связанными с Карелией, с эпической традицией, с проблемами исполнительства. По свидетельству Кирилла Васильевича, из студента в ученого он превратился после того, как записанный от Фофанова материал дал основание М. К. Азадовскому рекомендовать ему готовить научную публикацию. Тексты былин были напечатаны в 1941 г. [Былины..., 1941].

С началом Великой Отечественной войны К. В. Чистов добровольцем ушёл в партизанский батальон, был в немецком плену, после побега вернулся в действующую армию. По окончании университета в 1946–1947 гг. он учился в аспирантуре на кафедре фольклора Ленинградского государственного университета.

С 1947 по 1960 гг. ученый работал в Петрозаводске — младшим, затем старшим научным сотрудником сектора литературы и народного творчества Института языка, литературы и истории Карело-Финской базы АН СССР, в 1956–1960 гг. заведовал этим сектором института ЯЛИ Карельского филиала АН СССР. Одновременно он преподавал на кафедре русской литературы историко-филологического факультета Карельского педагогического института.

Карелия всегда считалась «оазисом» бытования северно-русского фольклора и даже, благодаря открытиям второй половины XIX в., «родиной русской фольклористики». К. В. Чистову и его коллегам удалось создать в академическом институте Петрозаводска сплоченный коллектив фольклористов. Сам Кирилл Васильевич полагал, что именно там окончательно состоялось его личностное и профессиональное самоопределение: «Карелия действительно стала моей второй родиной. <...> В Петрозаводске я сформировался как ученый» [Чистов, 2006: 157-158].

В этот период жизни главной темой исследования К. В. Чистова стало творчество заонежской вопленицы (мастера причитывания) XIX в. из деревни Кузаранда Олонецкой губернии Ирины Андреевны Федосовой. В 1951 г. он защитил кандидатскую диссертацию, посвященную этой исполнительнице. Многолетние исследования легли в основу двух монографий [Чистов, 1955, 1988]. Внимание к личности исполнителя принято считать одним из отличий «русской школы» фольклористики. Работы К. В. Чистова дали новый импульс разработке проблемы личного начала в народной культуре. Творчество И. А. Федосовой сопровождало путь ученого на протяжении жизни. Выполненное им и Б. Е. Чистовой в серии «Литературные памятники» переиздание «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова является лучшим научным фольклористическим изданием, как минимум, последних трех десятилетий [Причитанья..., 1997].

Углубленное изучение эпических и обрядовых традиций Русского Севера способствовало формированию нового взгляда на северно-русскую культуру. Ранее она считалась архаической и «заповедной». Благодаря трудам К. В. Чистова эта концепция была пересмотрена. Исследования показали высокую продуктивность культурных форм в данном ареале, что находит объяснение в относительно позднем их формировании на северных территориях.

С 1961 г. К. В. Чистов работал в Ленинграде — Санкт-Петербурге, в 1961–1990 гг. заведовал Отделом этнографии восточных славян в московской и ленинградской частях Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (ленинградская часть с 1992 г. стала именоваться Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН). Под его руководством одним из ведущих направлений деятельности Отдела стало изучение северно-русской народной культуры.

В 1960-е гг. Кирилл Васильевич обращается к новой теме — социально-утопические легенды XVII–XIX вв. Докторскую диссертацию на эту тему он защитил в 1967 г. в МАЭ РАН, и вышедшая в том же году книга [Чистов, 1967] стала событием не только для этнографов и фольклористов, но для историков и специалистов в разных областях общественно-научного знания. По прошествии нескольких десятилетий монография, не утратившая научного значения, была переиздана и обрела новых читателей [Чистов, 2003]. На нее и сегодня ссылаются все, кто изучает народные представления, вопросы конструирования истории, устную историю, нарратологию, социальную психологию и другие области культуры и общественной жизни.

В 1970-е годы К. В. Чистов занимался вопросами теории народной культуры. В частности, пионерской можно считать его статью, в которой фольклор рассматривается в аспекте информационной теории [Чистов, 1972]. Особое внимание он уделял проблеме взаимоотношения фольклора и этнографии, разработка которой способствовала сближению отечественной фольклористики

с наукой мировой. При его и Б. Н. Путилова активном участии проводятся конференции, выходит серия сборников, объединенных этой проблемой. Работы К. В. Чистова позволили по-новому переосмыслить понятие «традиции», рассматривать устную традиционную словесность в широком контексте этнографической реальности и современных этносоциальных процессов. Он был одним из редакторов и авторов коллективного труда «Современные этнические процессы в СССР» (1975), редактором и одним из авторов обобщающей работы «Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры» (1987).

В 1980–1991 гг. К. В. Чистов занимал пост ответственного редактора журнала «Советская этнография», с 1965 по 1993 гг. преподавал на кафедре этнографии и антропологии исторического факультета Ленинградского/Санкт-Петербургского государственного университета. Он был вице-президентом Международного общества исследователей повествовательного фольклора (1974–1986), почетным членом Финно-угорского научного общества в Финляндии (1982), Австрийского этнографического общества, Фольклорного общества Финской академии наук (1989).

В 1990-е гг. маститый ученый совместно с женой, филологом Беллой Ефимовной Чистовой, предприняли исследование, совершенно новаторское для российской фольклористики. В распоряжении К. В. Чистова оказался уникальный архив — письма советских военнопленных, принудительно работавших в Германии в 1941–1945 гг. Научная публикация, подготовленная Чистовыми [Преодоление рабства..., 1998], послужила отправным моментом изучения письменных, в том числе эпистолярных, текстов с использованием фольклористических методов. В скором времени это направление стало одним из самых актуальных в отечественной гуманитарной науке.

Еще относительно недавно изучение современного фольклора с помощью междисциплинарных методик рассматривалось как что-то не вполне легитимное. Отношение многих авторитетных исследователей к таким штудиям, а нередко и к самому материалу, было резко отрицательным. На этом фоне позиция ученого «классической» академической школы казалась удивительной, но только на первый взгляд. Достаточно вспомнить одну из ранних статей К. В. Чистова, посвященную устным рассказам о погибших в годы войны в Карелии девушках-партизанках [Чистов, 1951]. Кирилл Васильевич рассказывал, что когда ему говорили: «Это не фольклор», — он вспоминал фразу одного из своих учителей: «Я не знаю, как это называть, но я знаю, что это надо изучать». Он повторял ее всякий раз, когда хотел поддержать молодых исследователей современной народной культуры, не находивших понимания в научной среде. На понимание и помощь самого Кирилла Васильевича рассчитывать можно было всегда. Он мог поделиться редчайшим научным изданием, рискуя его утратить навсегда, мог, преодолевая недуг, прийти на защиту диссертации только для того, чтобы своим авторитетом укрепить позиции младшего коллеги. И многие теперь уже «немолодые ученые» благодарны ему за продление своего ученичества.

Борис Николаевич Путилов (04.09.1919–16.10.1997)

Рис. 2. Б. Н. Путилов (фото А. А. Разумовой, 1993)

Борис Николаевич Путилов родился в станице Солдатской Области войска Донского (ныне — территория Кабардино-Балкарской Республики). Его родители были сельскими учителями, «интеллигентами в первом поколении», как написал он в автобиографии, подчеркнув, что родители предоставили ему свободу духовного самоопределения, которому всячески способствовали, подавая «пример нравственной нормы в поведении, честного отношения к делу, верности слову, полного отсутствия суетности» [Путилов, 1998: 5]. «Казачьи корни» сказались на особой причастности к народной культуре, которую ощущал сам Борис Николаевич и отмечали все, кто его знал, включая специалистов в области музыкального фольклора. Он не только любил народные песни, но и хорошо их исполнял. «Во многих его работах передано ощущение неповторимой прелести живого народного творчества, стихия которого иногда настолько захватывала его, что он становился не просто наблюдателем, но и соучастником этого процесса», — пишет Е. В. Ревуненкова [Ревуненкова, 1994, ЭР].

После нескольких переездов семья обосновалась в Грозном, где Б. Н. Путилов закончил школу. В 1936 г. он поступил в Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена. По его окончании он был направлен работать преподавателем в одно из ленинградских военных училищ, которое находилось в городе Сортавала в Карелии. Когда началась Великая Отечественная война, Путилова не взяли в армию по состоянию здоровья. После эвакуации и смены нескольких мест работы и жительства он стал работать преподавателем в педагогическом институте в Грозном, когда в 1943 г. учреждение возобновило свою работу. Среди прочих дисциплин Б. Н. Путилов читал курс русского фольклора (подробнее об этапе становления ученого см.: [Иванова, 2007]).

Годы работы в грозненском вузе, по свидетельству самого Бориса Николаевича, были «временем профессионального и научного самоопределения» [Путилов, 1998: 5]. В 1945 г. он организовал экспедицию в станицы гребенских казаков, которая оказалась очень удачной по количеству и разнообразию записанных текстов песенного фольклора. Материал вошел в первый подготовленный Б. Н. Путиловым сборник и стал предметом научного осмысления в аналитических статьях, посвященных культуре и историческим песням гребенского казачества. За этим последовали еще один сборник (1948) и основательная работа над темой «Исторические песни XVI–XIX вв. на Тереке» [Иванова, 2007: 429–432]. В октябре 1948 г. в Ленинграде в Институте русской литературы (Пушкинский дом) Б. Н. Путилов успешно защитил кандидатскую диссертацию на эту тему.

В 1954 г. Бориса Николаевича пригласили на работу в Пушкинский дом, где он начал работу над четырехтомным академическим изданием исторических песен XIII–XIX вв. [Там же: 438]. В тот период его исследования были направлены на теоретическое осмысление того феномена устной культуры, который, благодаря работам Б. Н. Путилова, принято называть «историко-песенным фольклором». Особенности жанра были рассмотрены в докторской диссертации «Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков», защищенной в 1960 г. в Ленинградском университете, и в одноименной монографии [Путилов, 1960].

От изучения исторических песен Б. Н. Путилов перешел к изучению исторических баллад, а затем — героического эпоса. Все отчетливее ученый осознавал значение широкого сравнительного исследования фольклора как явления международного. Он был солидарен с выдающимся филологом академиком В. М. Жирмунским в том, что «сходство и даже совпадения в сюжетах, мотивах, образах эпических памятников народов Запада и Востока объясняются в первую очередь действием общих законов эпического творчества, то есть не заимствованием, а типологическими принципами» [Путилов, 1998: 6]. Увлечение этой идеей совпало с началом систематических занятий сербско-хорватским фольклором, прежде всего героическим эпосом Черногории, и поездок в Югославию, которые Борис Николаевич предпринимал с 1964 по 1974 гг. почти ежегодно и впоследствии — при любой возможности, вплоть до трагических югославских событий 1991 г. Результатом сравнительно-типологических исследований эпических традиций стала серия монографий Б. Н. Путилова: «Славянская историческая баллада» (1965), «Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование»

(1971), «Героический эпос черногорцев» (1982), «Героический эпос и действительность» (1988). Методологические позиции были изложены в теоретической монографии «Методология сравнительно-исторического изучения фольклора» (1976).

Все труды Б. Н. Путилова отличаются концептуальностью. Для отечественной науки большое значение имело утверждение идеи, что фольклор имеет специфические, автономные от исторических и иных контекстов законы существования и эстетические свойства. Изучать их следует не путем сопоставления содержания фольклорных произведений, в частности эпических песен, с социально-историческими реалиями, а исходя из знания этих внутренних законов и свойств. Данную концепцию Б. Н. Путилов убежденно отстаивал всю жизнь. В первую очередь, он опирался на В. Я. Проппа, ощущая себя его учеником и последователем и обретя в нем соавтора и друга. Проблема историзма народного эпоса является одной из ключевых в его работах. С точки зрения Б. Н. Путилова, историзм в фольклоре неотделим от поэтической системы и не может быть выделен из нее, он составляет одно из органических ее качеств и преломляется сквозь призму жанровых характеристик.

Постоянными непримиримыми оппонентами Проппа и Путилова были представители «исторической школы», которые руководствовались подходом академика Б. А. Рыбакова, видного и влиятельного специалиста по славянской и древнерусской истории и культуре. Сторонники этой школы, как известно, были склонны устанавливать прямые параллели между историческими реалиями, с одной стороны, и содержанием фольклорных и литературных текстов, с другой стороны. Борис Николаевич был уверен: «...в этой дискуссии правота оказалась на нашей стороне, и попытки Рыбакова и его сторонников возвести богатейшее содержание былин к откликам на летописные факты не были обоснованы ни теоретически, ни фактически» [Путилов, 1998: 6]. На огромном сравнительном текстовом материале Б. Н. Путилов сумел показать, что историко-этнографическая реальность подвергается сложной перекодировке в эпической системе и в системе фольклора в целом.

В 1967 г. Б. Н. Путилов перешел на работу в ленинградскую часть Института этнографии (будущий МАЭ РАН). В 1967–1986 гг. он руководил Группой общих проблем в составе Отдела европеистики и общей этнографии, а в 1987–1997 гг. был главным научным сотрудником. В 1971 г. произошел поворот в его научной биографии — из разряда «случайностей», которым Борис Николаевич, по его собственным словам, всегда готов был идти навстречу. У него появилась возможность участвовать в комплексной экспедиции «По следам Миклухо-Маклая» на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев». Б. Н. Путилов посетил Океанию, записал фольклор жителей Новой Гвинеи, Полинезии, в том числе музыкальный и танцевальный. Появилась возможность прокомментировать и осмыслить данные полевых исследований Н. Н. Миклухо-Маклая, а также новый собранный материал с позиций современной этнографии и фольклористики — в аспекте тесного взаимодействия разных сторон жизни островитян: хозяйственной деятельности, социальной организации, мифологии, обрядов, песенной поэзии, музыки. Результатом стала серия книг и статей Б. Н. Путилова о фольклоре и быте океанийцев и о Н. Н. Миклухо-Маклае. В распоряжении исследователя оказались документы, не знакомые ранее биографам Маклая. Более того, ему удалось записать устные рассказы о великом

антропологе, которые стали частью океанийского фольклора. Большую популярность среди специалистов и широкого круга читателей приобрели монографии Б. Н. Путилова «Миф — обряд — песня Новой Гвинеи» (1980) и «Человек с луны (жизнь и творчество Н. Н. Миклухо-Маклая)» (1996).

Б. Н. Путилов много сделал для того, чтобы в российской («позднесоветской») фольклористике утверждались идеи науки мировой — функциональная теория Б. Малиновского, концепция сказительства А. Лорда, структурно-семиотические построения А. Дандеса и др. В 1990-е гг. отечественная фольклористика столкнулась с серьезными трудностями в связи с включением в ее поле теорий западной науки и современного материала, который не вполне соответствовал представлениям о «фольклорности». Подлежали пересмотру методология, объектно-предметная область, вызывал сомнения сам дисциплинарный статус. Плодотворному обсуждению ключевых дискуссионных вопросов о предмете, методах и проблематике фольклористики способствовала книга Путилова «Фольклор и народная культура» (1994). По утверждению Бориса Николаевича, эту книгу он писал с ощущением личной научной свободы. Посвятив основные труды «классическому» эпосу и теоретическим вопросам, Б. Н. Путилов с большим вниманием относился к современному фольклору. Свидетельство тому его участие в составлении сборника «Фольклор и культурная среда ГУЛАГа» (1994), редактирование популярных книг Н. А. Синдаловского о городском фольклоре Санкт-Петербурга.

Главные уроки, полученные учениками Путилова: не бояться мыслить и действовать самостоятельно, придавать первостепенное значение звучащему слову и общению с людьми, от которых записывается фольклор, не позволять себе пустословия в научных сочинениях. Но отчего-то более всего запомнилась брошенная им фраза, к которой можно относиться как к завету: «Фольклористика — дело живое и веселое, и заниматься ею надо весело». Научную биографию Бориса Николаевича, по единодушному мнению коллег и учеников, можно считать не просто «успешной», но счастливой.

Научные мероприятия юбилейного года

Юбилейная конференция к 100-летию со дня рождения Б. Н. Путилова и К. В. Чистова пройдет в Санкт-Петербурге 14–16 ноября 2019 года и будет посвящена вопросам развития позднесоветской и постсоветской этнографии и фольклористики. Ее организаторы — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

В задачи мероприятия входит обсуждение современных взглядов на наследие советской академической школы, историю советской и постсоветской этнографии и фольклористики, на динамику дисциплинарных границ между этнографией, фольклористикой и антропологией, их предметную область. К основным вопросам относится также определение места национальных исследовательских школ в международном академическом пространстве и степени актуальности самого этого понятия. Участвовать в конференции приглашены специалисты в области фольклористики и этнографии, социальной и культурной антропологии, социологии и истории. Темы, к которым обращались в своих работах Б. Н. Путилов и К. В. Чистов, до сих пор остаются актуальными, как и многие из разработанных ими

концепций, на которые продолжают опираться профессионалы. Вместе с тем изменение языка науки, технологий исследования, появление новых моделей интерпретации побуждают к обсуждению новых подходов и понятий, применяемых сегодня в области антропологии, фольклористики и смежных наук [Юбилейная конференция..., ЭР].

Помимо этого научного мероприятия, к юбилейным можно было бы отнести еще одно — VIII конференцию «Рябининские чтения — 2019», которая прошла с 23 по 28 сентября 2019 г. в Петрозаводске (с выездным заседанием на острове Кижи). Организаторами выступили Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи», Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН и Петрозаводский государственный университет.

Конференция «Рябининские чтения» проводится музеем-заповедником «Кижи» с 1991 г. с периодичностью один раз в четыре года. Ее название является данью уважения к знаменитой династии былинных сказителей Рябининных из Кижской волости Петрозаводского уезда. Конференция посвящена изучению традиционной народной культуры Русского Севера и объединяет фольклористов, этнографов, историков, археологов, археографов, языковедов, литературоведов, этномузыковедов, специалистов в области изучения народного зодчества, древнерусской живописи, народного прикладного искусства. Идея проведения мероприятия принадлежит заведующей отделом фольклора музея-заповедника «Кижи» Р. Б. Калашниковой (1952–2005). Важную роль в становлении и развитии «Рябининских чтений» сыграли Б. Н. Путилов и К. В. Чистов. Б. Н. Путилов был председателем оргкомитета Чтений 1995 г., К. В. Чистов — 1999 г. [Конференция..., ЭР]. Оба ученых активно участвовали в их подготовке и проведении, а проводимые ими исследования в значительной степени определяли темы и проблематику конференций.

Работа «Рябининских чтений» 2019 г. была организована по секциям, их тематика была чрезвычайно широкой. На секции истории и этнографии рассматривались темы «Собиратели и исследователи народной культуры», «Православие на Русском Севере», «Религиозные верования и обрядность», «История Карелии», «Устная история», «Народный костюм и декоративно-прикладное искусство», «Кижи: история и культура» «Материальная культура и фондовые коллекции». На заседании, посвященном собирателям и исследователям, доклад «Геологические экскурсии по Русской Лапландии: краеведческий принцип в научных экспедициях А. Е. Ферсмана», вызвавший живое обсуждение, сделала О. В. Змеева (ЦГП КНЦ РАН).

Темами заседаний секции фольклористики были «Эпическая традиция Русского Севера», «Страницы истории отечественной фольклористики», «Мифологические представления в традиционном и современном сознании», «Фольклорная традиция XX века», «Обряд и обрядовый фольклор», «Традиционная песенная лирика» «Инструментальная музыка в традиционной культуре». Лингвистическая секция, разнообразная по тематике докладов, называлась «Языковой образ культуры Севера». Доклады секции «Книжность и литература» распределились по двум направлениям: «Книжность Русского Севера» и «Север в художественной литературе». Кроме того, работали секции «Искусствоведение», «Традиционное судостроение», «Деревянное зодчество», «Музейное дело и актуализация культурного наследия».

«Рябининские чтения — 2019» не были заявлены как мемориальное мероприятие, что, очевидно, вызвало сожаление ряда участников, которые не смогут посетить юбилейную конференцию в Санкт-Петербурге. Карелию и Петрозаводск связывает с именами К. В. Чистова и Б. Н. Путилова не только тематика работ выдающихся исследователей северно-русской культуры. Они оба воспитали учеников, которые на сегодняшний день составляют основу профессиональных кадров этнографов и фольклористов Республики Карелия, работающих в Институте ЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводском государственном университете, Карельской государственной педагогической академии. Сейчас в науку пришло уже следующее поколение, в свою очередь подготовленное учениками, и преемственность поколений имеет большое значение для поддержания академической культуры. Можно считать, что в Кольском научном центре РАН также работают представители «третьего» поколения, если вести символический отсчет. Молодые этнографы Центра гуманитарных проблем Баренц региона учатся не только на новейших исследованиях и «технологических» достижениях, но, в первую очередь, воспринимая и осмысливая научное наследие русской и советской академической школы, в том числе Б. Н. Путилова и К. В. Чистова.

Дань памяти выдающимся ученым на «Рябининских чтениях» была отдана в двух докладах на пленарном заседании. Заметим, что обе докладчицы в свое время учились у Б. Н. Путилова. В. П. Кузнецова (ИЯЛИ КарНЦ РАН) сделала доклад «Деятельность К. В. Чистова и его коллег по сектору литературы ИИЯЛ Карело-Финской базы АН СССР в послевоенный период». На материале архивных документов, научных отчетов, фотографий она рассмотрела основные направления исследований сектора под руководством К.В. Чистова, результаты экспедиций, научные труды, привела факты научных биографий сотрудников.

Рис. 3. Доклад о Б. Н. Путилове делает И. А. Разумова, 23 сентября 2019 г.
(фото И. Георгиевского)

Доклад И. А. Разумовой (ЦГП КНЦ РАН) был посвящен воспоминаниям о Путилове в виде опубликованных и устных свидетельств его коллег и учеников (рис. 3). По воспоминаниям складывается образ, обозначенный известным этномузыковедом И. И. Земцовским как «феномен Путилова». Это особый тип гармоничной личности, в которой соединены противоположности. С абсолютной уравновешенностью Бориса Николаевича контрастирует «героическое» начало (по аналогии с предметом исследований — героическим эпосом). Оно ассоциируется с научным противоборством с «исторической школой», с твердостью научных убеждений и умением их защищать, с достоинством, с которым ученый жил и работал в «тяжелые времена» послевоенных советских десятилетий. Открытость научным идеям и общению, многообразие увлечений противоречат личной «закрытости» и сдержанности, отсутствию суетности, организованности, которая способствовала исключительной научной продуктивности. Все профессиональные ипостаси в этом образе выражены в высшей степени: Б. Н. Путилов — и блестящий теоретик, и опытный полевой исследователь, органично включающийся в любую социальную среду, и носитель фольклора. Один из главных смыслов «феномена Путилова» аккумулирует формула некролога: «В этом доброжелательном и твердом, светлом и спокойном человеке было столько таланта, достоинства, созидательной энергии, что хватило бы на несколько жизней» [Борис Николаевич Путилов // Живая старина. 1997. № 4. С. 2].

Главный смысл, на наш взгляд, заключается в наполненности жизни ученого, превышающей меру обычной человеческой жизни.

Список литературы

Байбурин А. К. Кирилл Васильевич Чистов // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 499–503.

Былины Пудожского края / подготовка текстов, статья и примеч. Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова; предисл. и ред. А. М. Астаховой; НИИ культуры Карело-Фин. ССР. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1941. 511 с.

Иванова Т. Г. Борис Николаевич Путилов: начало пути // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 423–440.

Конференция по изучению традиционной культуры Русского Севера // Музея-заповедника «Кижи»: офиц. сайт URL: <http://kizhi.karelia.ru/whatson/konferentsii-i-seminaryi/929> (дата обращения 13.10.2019).

Преодоление рабства: фольклор и язык оstarбайтеров, 1942–1944 / сост. и текстология Б. Е. Чистовой, К. В. Чистова М.: Звенья, 1998. 199 с.

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: в 2 т. / изд. подготовили Б. Е. Чистова, К. В. Чистов; отв. ред. А. М. Астахова. СПб.: Наука, 1997.

Путилов Б. Н. Автобиография / подгот. текста Е. О. Путиловой, А. Н. Анфертъева, Е. А. Белоусовой // Живая старина. 1998. № 4. С. 5–8.

Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 300 с.

Ревуненкова Е. В. Борис Николаевич Путилов (к 75-летию со дня рождения) // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1994. Вып. 5–6. URL:

http://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-183-1/978-5-88431-183-1_32.pdf (дата обращения: 10.10.2019).

Тишков В. А. Наука и жизнь: разговоры с этнографами. СПб.: Алетейя, 2008. С.81–102.

Чистов К. В. Забывать и стыдиться нечего... Воспоминания. СПб.: МАЭ РАН, 2006. 240 с.

Чистов К. В. Ирина Андреевна Федосова: историко-культурный очерк. Петрозаводск: Карелия, 1988. 333 с.

Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1955. 376 с.

Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 538 с.

Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 342 с.

Чистов К. В. Специфика фольклора в сфере теории информации // Вопросы философии. 1972. № 6. С. 108–118.

Чистов К. В. Устные рассказы о Героях Советского Союза М. В. Мелентьевой и А. М. Лисицыной // Известия Карело-Финского филиала АН СССР. 1951. № 42. С. 41–66.

Этнографы и фольклористы. Чистов К. В. URL: <https://www.booksite.ru/folk/7-2-24.html> (дата обращения: 13.10.2019)

Юбилейная конференция к 100-летию Б. Н. Путилова и К. В. Чистова // Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера): офиц. сайт. URL: http://www.kunstkamera.ru/science/konferencii_i_seminary/conf_2019/2019_11_14 (дата обращения: 13.10.2019).

Сведения об авторе

Разумова Ирина Алексеевна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Razumova Irina A.

Doctor of Science (History), Chief Research
Fellow of the Barents Centre of the Humanities FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.207-210

Е. В. Бусырева

О XIII КОНГРЕССЕ АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ

Elena V. Busyreva

**ABOUT THE THIRTEENTH CONGRESS OF ANTHROPOLOGISTS
AND ETHNOLOGIES OF RUSSIA**

2–6 июля 2019 г. в Казани состоялся XIII Конгресс антропологов и этнологов России. В организации Конгресса приняли участие Ассоциация антропологов и этнологов России, Академия наук Республики Татарстан при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Федерального агентства по делам национальностей, Правительство Республики Татарстан, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. В работе Конгресса принимали участие свыше 800 ученых, представляющих научно-исследовательские учреждения, образовательные центры и общественные организации 74 городов России и 20 зарубежных стран.

Открывал Конгресс научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН В. А. Тишков. С приветственными словами к участникам обратились представители правительства Республики Татарстан. На пленарном заседании в первый день работы Конгресса выступили с докладами почетный доктор Института социологии РАН Л. М. Дробижева, научный руководитель Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, доктор исторических наук А. Е. Загребин, заведующий сектором этнологических исследований Отдела истории, археологии и этнографии Пермского научного центра УрО РАН, член-корреспондент РАН А. В. Черных, профессор кафедры социальной и культурной антропологии Венского университета Петер Швейцер и другие ведущие российские и зарубежные этнографы. Л. М. Дробижева осветила динамику гражданской идентичности в полиэтническом российском пространстве. Она подчеркнула, что по данным на конец 2018 г., общероссийская идентичность присутствует у 79 % граждан нашей страны, при этом она не вытесняет этническую, региональную и конфессиональную идентичности. Доклады А. В. Черных и П. Швейцера были посвящены изучению таких значимых для современной антропологии аспектов культуры, как мобильность и социальная коммуникация. П. Швейцер основывался на конкретных примерах общин коренных малочисленных народов, проживающих на Крайнем Севере, а А. В. Черных обобщил выводы и наблюдения, сделанные им в ходе практической исследовательской работы в цыганских общинах России.

3–5 июля проходила работа симпозиумов и секций Конгресса. Всего в рамках КАЭР было организовано 10 симпозиумов и 66 секций. В ходе работы Конгресса были рассмотрены следующие темы: системы родства, связей и коммуникаций в истории человечества; историографические традиции в этнологии и антропологии (социальной, культурной и физической); междисциплинарные связи антропологии и этнологии; антропологическое и этнологическое образование и просвещение; политические, социальные и культурные задачи антропологии и этнологии; мониторинг межэтнических отношений; методы исследования этнических и культурных взаимодействий; межрелигиозные отношения и этноконфессиональные процессы в духовном пространстве России; мигранты, диаспоры, этнические меньшинства; физическая антропология; современная антропология и этнология в теории и прикладных науках; история науки; визуальная антропология и музейное дело; гендерные исследования; политическая антропология и региональные исследования; цифровые технологии в антропологии; миграции и мигранты; измерение культурного многообразия и другие [Власенко А., Орешин С., ЭР].

Конгресс антропологов и этнологов России — уникальная площадка, где специалисты могут обменяться опытом, познакомиться с работами друг друга, обсудить важные вопросы и наметить планы дальнейших исследовательских работ. На Конгрессе была подчеркнута роль научно-экспертного сообщества в разработке и реализации стратегических документов, регулирующих сферу государственной национальной и миграционной политики; в налаживании взаимоотношений органов государственной власти с институтами гражданского общества; в комплексной разработке актуальных исследовательских проблем и задач.

К сожалению, организация работы Конгресса была не совсем удачной. Секции были рассредоточены в шести различных зданиях, что вызвало затруднения при желании послушать интересующий доклад. Кроме того, далеко не все заявленные участники приехали на Конгресс, поэтому невозможно было рассчитать время выступления того или иного докладчика.

Заключительное заседание, которое вел директор Музея антропологии и этнологии РАН (Кунсткамера) А. В. Головнёв, состоялось в здании Президиума Академии наук Республики Татарстан. Пленарную лекцию прочел и.о. Президента Ассоциации антропологов и этнологов России академик В. А. Тишков (рис. 1). Он кратко осветил состояние отечественной этнологии и антропологии, основные черты и существенные изменения нашей науки в постсоветское время. Перемены затронули как теоретические основы этнологии, так и практические аспекты проведения научных исследований. В этом выступлении В. А. Тишков подверг критике приверженцев теории историзма профессора Историко-архивного института РГГУ В. Я. Петрухина и доктора исторических наук Д. С. Раевского. Он высказал также ряд критических замечаний в адрес некоторых сотрудников МАЭ в связи с поддержкой ими теории пассионарности Л. Н. Гумилева [Тишков, 2019: 500]. Естественно, В. А. Тишков всячески поддерживает конструктивистский подход в этнологии. Однако он говорил и о методологическом плюрализме, потому что наряду с новыми подходами продолжают развиваться традиционные этнографические подходы [Тишков, 2019: 504]. Докладчик подчеркнул, что необходимо изучать не только «примитивное общество» (в русском варианте используется термин

«первобытное общество»), но и «цивилизованное» [Тишков, 2019: 505]. В заключение В. А. Тишков отметил: «Установка на сравнительные объяснения на основе все того же “включенного наблюдения” мне представляется более перспективной. Сегодня перед антропологией открываются новые возможности, однако и встают новые вызовы, на которые надо дать адекватные ответы. Междисциплинарность возможна только при сильной дисциплинарности всего российского научного сообщества [Тишков, 2019: 506].

Рис. 1. Выступление В. А. Тишкова на закрытии XIII Конгресса антропологов и этнологов России.

В ходе заседания были подведены итоги работы Конгресса. Руководители некоторых секций выступили с отчетами. В частности, В. И. Харитонов (ИЭА РАН) говорила о проблеме научного языка. Она призвала исследователей пояснять в докладах (статьях) используемые термины, поскольку нет единства в понимании тех или иных понятий. Выступление А. А. Новика (МАЭ) было посвящено сохранности полевых материалов. Д. А. Функ (МГУ им. М. В. Ломоносова) выступил с организационными предложениями: ввести практику чтения лекций на Конгрессе; указывать точное время выступлений, дабы желающие послушать тот или иной доклад могли ориентироваться. О. Ю. Артемова (ИЭА РАН) поделилась своими наблюдениями о работе академических ученых в высшей школе на протяжении последнего 20-летия. Она обозначила те проблемы, которые сегодня стоят перед профессорско-преподавательским составом, отметила характерные особенности их работы в настоящее время, сходство и различие преподавания и собственно академической работы и призвала научное сообщество уделить самое пристальное внимание этнологическому и антропологическому образованию

в России. Вообще проблеме сохранения кафедр этнологии на Конгрессе уделялось большое внимание.

Докладчики также внесли предложение публиковать после проведения Конгресса тезисы только тех его участников, которые лично присутствовали.

Участники заседания обсудили проект резолюции Конгресса и рекомендации по итогам его работы. Некоторые отметили ухудшение межнациональных отношений. Ученые призвали поддержать систему этнологического и антропологического образования в нашей стране, оказать необходимую помощь профильным кафедрам в российских вузах. Заведующий кафедрой этнографии и антропологии СПбГУ А. Г. Новожилов выразил озабоченность по поводу сокращения кафедр, очень большой нагрузки преподавателей.

Следует отметить, что возможность поделиться своими наблюдениями и внести предложения получили не только ведущие ученые, но и молодые исследователи. В свободных и открытых дискуссиях коллеги обсудили острые, актуальные и насущные вопросы, которые стоят сегодня перед нашим сообществом и требуют своевременных решений.

Ведущий заключительное пленарное заседание А. В. Головнев предложил выбрать постоянного президента Ассоциации антропологов и этнологии России. Собравшиеся большинством голосов избрали на этот пост академика А. В. Тишкова. Далее А. В. Головнев предложил сократить число членов Президиума Ассоциации антропологов и этнологов России.

Были определены три города, которые претендуют на проведение следующего Конгресса: Новосибирск, Томск и Сочи. Участники Конгресса предпочтение отдали Томску. Окончательный выбор будет сделан Президиумом Ассамблеи.

Итоги работы XIII Конгресса подвели руководитель Департамента Президента Республики Татарстан по вопросам внутренней политики А. М. Терентьев и В. А. Тишков, которые поблагодарили всех организаторов, участников и волонтеров, подчеркнули большую роль Конгрессов этнологов и антропологов в развитии отечественной науки и в совершенствовании практики реализации государственной национальной политики в Российской Федерации.

Список литературы

Тишков В. А. Да изменится молитва моя: 30 лет спустя // Сборник материалов XIII Конгресса антропологов и этнологов России / отв. ред. М. Ю. Мартынова. Москва, Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 498–506.

Власенко А., Орешин С. В Казани состоялся XIII Конгресс антропологов и этнологов России. Url: <http://iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=1813>.

Сведения об авторе

Бусырева Елена Владиславовна

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Busyreva Elena V.

PhD (History), Research

Fellow of the Barents Centre of Humanities FRC KSC RAS

К. С. Казакова, О. В. Шабалина

**«ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ»: О ПЕРВОМ
МЕЖДУНАРОДНОМ ПЕТЕРБУРГСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ФОРУМЕ**

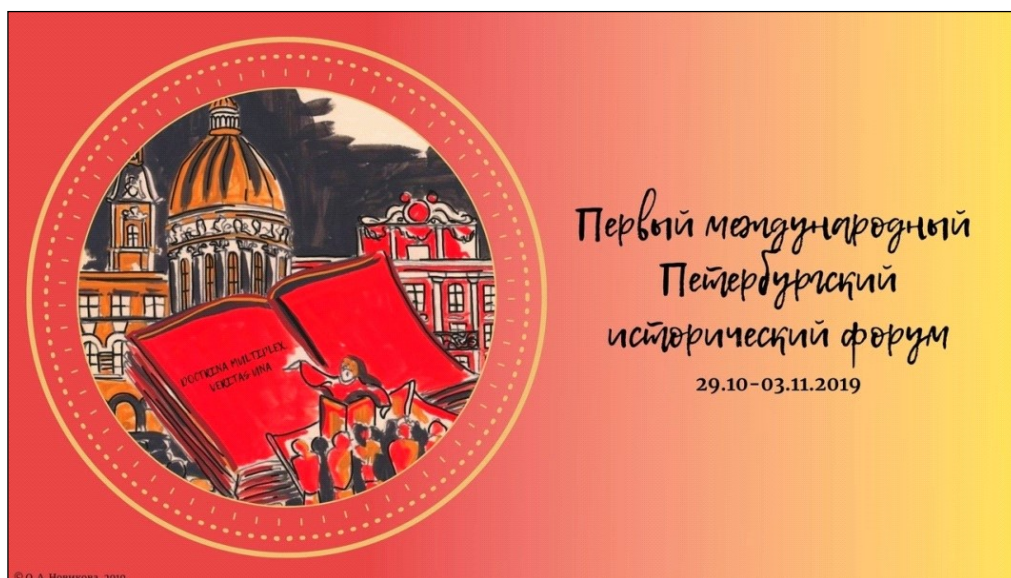
Ksenia S. Kazakova, Olga V. Shabalina

**"MAN IN HISTORY": ON THE FIRST INTERNATIONAL ST. PETERSBURG
HISTORICAL FORUM**

С 29 октября по 3 ноября 2019 г. в Санкт-Петербурге прошел Первый Петербургский исторический форум. Организатором Форума выступил Санкт-Петербургский государственный университет. Соорганизаторами стали крупнейшие научные учреждения: Государственный Музей-заповедник «Петергоф», Институт истории материальной культуры РАН, Президентская библиотека, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербургский Институт истории РАН и др.

Миссия форума — объединить в рамках научного мероприятия историков России и мира, предоставив им площадку для дискуссий и обсуждений результатов исследований по самым актуальным современным проблемам исторической науки.

Форум посвящен Человеку в истории во всех его проявлениях и измерениях: человек как творец истории, судьба человека как результат исторических обстоятельств, человек-герой и человек-жертва, историческая среда обитания человека, способы взаимодействия людей в истории, инструменты, которыми люди творят историю и т.д.

Эмблема Петербургского исторического форума

В работе Форума приняли участие более 700 человек, среди них иностранные ученые из 30 стран мира. Около 500 экспертов заявили о своем желании выступить с докладом. В пленарных и секционных заседаниях приняли участие ведущие ученые, представители российских и зарубежных вузов, научно-исследовательских организаций, архивов, музеев, библиотек.

Открывая форум, директор Института истории СПбГУ Абдулла Даудов отметил широкую междисциплинарность мероприятия. Генеральный директор Государственного Эрмитажа, член Совета фонда «история Отечества» академик РАН, академик РАН Михаил Пиотровский констатировал, что «очень часто история превращается в основу для войн памяти. Одна из задач музеев в данном случае — превращать войны памяти в диалоги культур». Первый проректор СПбГУ Елена Чернова выразила надежду на то, что форум может стать ежегодным. Заместитель председателя Комитета по науке и высшей школе Санкт-Петербурга Анна Степанова подчеркнула своевременность и актуальность выбранной темы форума. Член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН Валерий Тишков зачитал приветствие от имени президента РАН Александра Сергеева. В частности, в тексте приветствия было отмечено, что «история — одна из основ национальной идентичности россиян. Она воспитывает общероссийский патриотизм, помогает осознать место России в мире». Исполняющий обязанности декана исторического факультета МГУ им М. В. Ломоносова Лев Белоусов заявил о важности и острой необходимости диалоговых форматов для профессионального сообщества. Его поддержал генеральный директор Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина Илья Быковников: «Одна из задач форума — объединить исследователей и дать им возможность конструктивного, продуктивного диалога, ведь именно в диалоге, споре рождается истина, что очень важно в исторической науке».

Пять пленарных заседаний форума были посвящены обсуждению фундаментальных проблем исторической науки: как изучать человека в истории, новый взгляд на историю России и этику исторических исследований, функционирование современных научно-исследовательских исторических институтов, междисциплинарность исследований и применение естественно-научных методов в изучении истории, архивация исторических источников.

Тематика секций Первого Петербургского исторического форума была обширна и разнообразна: «Макрорегионы в истории российской государственности»; «Публичность в развитии западноевропейской государственности в Средние века и раннее Новое время»; «Евразия и Африка в колониальной системе и постколониальном мире»; «Междисциплинарные исследования и естественно-научные методы изучения истории»; «История учебников и преподавания истории в школе»; «К истории гражданской войны в России»; «Петербург как центр украинистики и современные исследования по истории Украины»; «Балканы в XIX–XX вв.»; «История отдыха как фактор экономической и социальной истории»; «Прошлое и настоящее в творчестве и биографиях историков древности»; «Историческая археология»; «История Церкви»; «Античный мир и периферия»; «История открытий»; «Прибалтика как рубеж европейского «христианского мира» в Средневековье и раннее Новое время»; «История детства в Новое и Новейшее время»; «Россия прирастет Сибирью: феномен Сибири в русской истории»; «Оборона и блокада Ленинграда:

события, люди, документы»; «Историко-культурное наследие Петербурга XVIII–XX вв.: проблемы сохранения и коммеморации»; «Коммуникация человека и богов в античности»; «Становление наций и этничностей в Европе от раннего Нового к Новейшему времени»; «история преступлений, террора и борьбы с ними»; «Ленинградская университетская школа искусствознания в лицах. Учителя и преподаватели»; «Историк и литературв»; «Церковная жизнь славянских и балканских народов через века»; «Судьба коммунистической модели в истории»; «Женщина рядом с властью: роли и судьбы»; «Феномен гения в истории человечества»; «Ненавистный фаворит: феномен фаворитизма и непопулярных правителей в истории»; «Становление наций и этничностей и Российская империя»; «Из истории документального наследия»; «Наполеоника»; «История национальных героев»; «Россия и Запад: эволюция отношений от Версаля до пост-ялтинского мироустройства»; «Становление наций и этничностей в СССР и на постсоветском пространстве»; «Архивы, музеи, библиотеки: перспективы развития и взаимодействия».

Одной из самых многочисленных по количеству участников была секция, посвященная истории высшей школы и науки, в заседаниях которой приняли участие более 40 исследователей (подсекции: «История российской науки и высшей школы в XVIII — первой половине XIX в.», 31 октября; «История науки и высшей школы в XIX — начале XX в.», 1 ноября; «История науки и высшей школы в XX — начале XXI в.», 2 ноября). Более 20 студентов Института истории СПбГУ присутствовали на заседаниях в качестве заинтересованных слушателей.

В первый день работы секции прозвучало 16 докладов. География участвовавших в выступлениях: Санкт-Петербург, Москва, Харьков, Тарту, Йошкар-Ола, Апатиты (Мурманская обл.). Доклад д. и. н. И. Л. Тихонова (г. Санкт-Петербург) «Обои намерения исполнить: о начале Санкт-Петербургского университета» задал тон для ряда дискуссионных выступлений, аргументировавших новую периодизацию университетского образования в Петербурге и представлявших трансформацию «идеи университета» применительно к российским реалиям, в которых прослеживаются исторические, социальные, научные и иные взаимосвязи университета XIX в. в столице империи с его предшественниками. Эта тема была продолжена в выступлениях к. и. н. Т. В. Костиной и к. и. н. Т. Н. Жуковской. Докладчики акцентировали внимание на необходимости изучения архива Академии наук, университетского и ведомственного делопроизводства — важных как для реконструкции основ управления университетом, так и для представления его социальной, научной, административной истории и истории повседневной жизни универсантов, статуса и общественной репутации университета в столичном обществе. В докладе И. С. Пустовойта (г. Санкт-Петербург) эта проблема нашла конкретное отражение в форме разбора нескольких нереализованных проектов попечителя столичного учебного округа С. С. Уварова, реконструированных на архивном материале, в том числе, проекта особого устава для Петербургского университета 1819 г. Истории Главного педагогического института в Петербурге (1828–1859) и его взаимодействию с Санкт-Петербургским университетом был посвящен доклад С. А. Курылева (г. Санкт-Петербург).

Д. и. н. Л. Ю. Посохова (г. Харьков, Украина) представила в своем докладе реформу духовных учебных заведений в XVIII в. и проследила линии взаимосвязей идей реформаторов с экспертной деятельностью Главного

правления училищ при МНП, отметив общие направления преобразований, постоянные взаимосвязи духовного ведомства с системой светской высшей школы в качестве ее кадрового резервуара.

К. и. н. К. С. Казакова (г. Апатиты) в докладе о трансформации надзора за студентами от мягкого «домашнего» к серьезному полицейскому и идеологическому, связала это не только с увеличением их численности, но и с приданием формам обучения большей открытости, притоком в университет представителей социальной элиты, польских уроженцев, многие из которых обучались за свой счет и претендовали на большую независимость.

Цикл докладов (к. и. н. И. П. Кулаковой, проф. Леа Лепшик, к. и. н. К. А. Ильиной, К. И. Захарко, А. В. Ашихмина) был посвящен трансформации жизненных и профессиональных стандартов поведения университетских профессоров, в том, числе немцев, численность которых была сопоставима с численностью русских ученых на раннем этапе развития университетов. В качестве частных примеров профессиональных траекторий ученых немцев в России рассмотрены биографии Э. Раупаха, И. Гейма, филологов-классиков Московского, Казанского и Санкт-Петербургского университетов. Докладчики констатировали как определенную социальную обособленность немцев, особенно очевидную во время академических конфликтов, так и присущий им стиль жизни просвещенного интеллектуала, сохраняемый в российском окружении.

В докладе к. и. н. А. Н. Феребова (г. Москва) об организации практики лицензирования чиновников для занятия соответствующих должностей через специальный Комитет испытаний в Московском университете в 1810–1820-х гг., представлена данная форма экспансии университета на систему государственной службы и на образованное общество в целом. При обсуждении доклада было обращено внимание на то, что Санкт-Петербургский университет, как и его прямой предшественник Педагогический институт, осуществлял ту же самую деятельность, но в еще больших масштабах, в силу своего расположения в административной столице империи.

Конструктивное обсуждение прозвучавших докладов и обмен мнениями были очень полезны для углубления представлений о сходстве и различиях траекторий отдельных университетов и университетских сообществ в ранний период их истории, когда «национальная модель» университета в России только формировалась, сохраняя множество отличий как от классической немецкой модели, так и от французской, польской и др.

В продолжении работы секции «История науки и высшей школы в XIX — начале XX вв.» и «История науки и высшей школы в XX — начале XXI вв.» обсуждались такие вопросы, как: особенности реформирования российских университетов, социальный состав университетской профессуры, эволюция университетских коммемораций, особенности историографии университетской истории, национальный состав учащихся высших учебных заведений, деятельность русских ученых в постреволюционной эмиграции, организация научных сообществ в 1920–1930-х гг.

В рамках Форума также прошла презентация проектов, связанных с историей науки и российской высшей школы: «Коллективная биография преподавателей российских университетов в зеркале социальной истории (вторая половина XVIII в. — начало XX в.)» (профессор ТГУ С. Ф. Фоминых, профессор

МГУ А. Ю. Андреев, профессор СПбГУ Е. А. Ростовцев); «Российская наука в эпоху системных трансформаций, 1914–1934 гг.» (доцент СПбГУ И. В. Сидорчук); а также «Историческая наука Петрограда-Ленинграда (1917–1934): центры, направления исследований, коллективная биография» (профессор СПбГУ Е. А. Ростовцев).

Наличие на форуме и особый интерес к работе секции «Феномен исторической живописи» были отмечены в приветственной речи директора Государственного Эрмитажа, академика Михаила Пиотровского на открытии этого грандиозного мероприятия. В ее заседании приняли участие историки, культурологи, искусствоведы и студенты профильных вузов. Первый секционный доклад PhD Павла Крокоша (г. Краков, Польша) был посвящен репрезентации силы и мощи духа Российской Империи на батальных полотнах российских художников XVIII — начала XX вв. Возможности исторической живописи как формы фиксации ключевых моментов в истории правящих династий были рассмотрены на примере картины французского салонного художника Анри Жервекса «Коронация Николая II» кандидатом культурологии А. В. Карповым (г. Санкт-Петербург). Саморепрезентация и создание политически выверенного образа Российской Империи посредством русской исторической живописи на Всемирных выставках в США в конце XIX — начала XX вв. были представлены кандидатом искусствоведения Н. Н. Мутья (г. Санкт-Петербург). D. Sc. Ирина Антанасиевич (г. Белград, Сербия) углубилась в историю комикса и комиксовой культуры в Европе, в т.ч. и в России, наглядно продемонстрировав эволюцию жанра и роль российских художников-иммигрантов в становлении сербского исторического стрипа (комикса). Впоследствии тема была развита докладчиком в рамках мастер-класса «Физика визуального текста: поэтика исторического комикса». К. и. н. О. В. Шабалина (г. Апатиты) представила творчество художников — участников арктических экспедиций XIX — начала XX вв. Доклад вызвал живой интерес у профессионалов, которые открыли для себя новые грани творчества и коллизии судеб известных художников. История новой социалистической России через агитационный плакат А. Дейнеки и работы художников при Политуправлении Краснознаменного Балтийского флота нашла отражение в докладах к. и. н. Е. П. Максименко и М. С. Олейник. Вопросы и проблемы достоверности визуализации доистории в искусстве XIX–XXI вв. были рассмотрены в докладе-презентации д. и. н. И. В. Палагуты. Это далеко не полный перечень проблем, освещенных в секционных докладах, которые сопровождались информационно насыщенным визуальным рядом и позволивших многоаспектно представить и обсудить феномен исторической живописи.

Насыщенная программа форума, включавшая в себя не только пленарные и секционные заседания, но и работу семнадцати круглых столов, выездное заседание, открытые лекции, мастер-классы, и активные конструктивные дискуссии стали ярким доказательством огромного научного потенциала и, главное, стремления к диалогу среди историков со всего мира.

Сведения об авторах

Казакова Ксения Сергеевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Шабалина Ольга Вячеславовна

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Kazakova Ksenia S.

PhD (History), Senior Research
Fellow of Barents Centre of Humanities FRC KSC RAS

Shabalina Olga V.

PhD (History), Leading Research
Fellow of Barents Centre of Humanities FRC KSC RAS

